

АПРЕЛЬ | 2014

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ИЛИЗАЦИИ

ПРОСТО КАК ПЕСНЯ

Как сложилось
«Слово о полку
Игореве»

С. 32

НАШЕ ОБЩЕЕ «СЛОВО»

УДИВИТЕЛЬНО, СКОЛЬ МНОГОГРАНЕН МОЖЕТ БЫТЬ в своем взаимодействии с современностью древнерусский эпос, рожденный аж тысячелетие тому назад. Пробежали века, а то, что было первым известным нам литературным памятником Русского мира, и сегодня звучит актуально.

В «Слове о полку Игореве» перед нами предстает образ почти непостижимо внутренне единой Русской земли, некоего общего состояния, идущего из одного корня и сохраняющего это свое корневое единство вопреки междуусобицам и межкняжеской вражде (именно потому и непостижимо это воспаряющее над распрями единство). И это единство – оно не только в природе, воспетой в «Слове» с невиданной для европейской средневековой литературы силой, но и в некоем едином духе рожденного тогда Русского мира. Мира, охватившего огромные географические пространства. Половецкая степь, Дон, Волга, Днепр, Дунай, Западная Двина, а из городов – Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Белгород, Новгород и многие другие – это вся тогдашняя Русская земля, что была введена в повествование неизвестным автором «Слова». География никуда не делась за века. Это все – та самая Родина-мать, от которой все и пошло и которую у нас не отнять, а первородство это не перечеркнуть, как бы то многим сегодня ни хотелось.

Перед этой исторической общностью, уже в момент своего зарождения стоявшей выше политической, смертельной порой вражды правителей, меркнут любые суверенитеты, социальные и прочие конфликты. Потому что они рано или поздно пройдут, страсти политических дрязг утихнут, правители займут свои места на страницах учебников истории, а общность Русского мира – останется. ●

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор
департамента
специальной связи
МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента
Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Президент открытого акционерного общества «Российские железнодорожные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

10 Пикеты, марши,
песни, флаги...

ИСТОРИЯ

14 За столиком в бистро
17 «Победить великодушием»

НАСЛЕДИЕ

32 В начале было «Слово»

40 Солнце живых

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

48 Генеральские маски

24 Пейзажи и памятники

ИНТЕРВЬЮ

- 52** «Философия жизни»
в зеркале языка

- 58** Никто не хотел
убивать

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

- 72** Храбрый портной

- 64** «Мне интересен
любой день жизни
Шекспира»

- 68** Время разбрасывать
камни

РЕПОРТАЖ

- 80** Варфоломеевские дни

ЭКСПЕДИЦИЯ

- 88** На горах Индийских

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(499) 519-01-68

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Михаил ГЛИНКА
Василий ГОЛОВАНОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Денис ТЕРЕНТЬЕВ
Александр ЧУДОДЕЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
info@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке:
РИА Новости

ПОЛОЖЕНИЕ О МЕЖДУНАРОДНОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ КОНКУРСЕ **«СО-ТВОРЕНIE»**

ПРЕАМБУЛА

Великая русская культура является одной из блистательных вершин мировой цивилизации. Щедро одаренные русские гении принесли в мир новые творческие формы и смыслы, идеалы гармонии, справедливости и добра. Однако драматичная российская история наложила на их судьбы суровый отпечаток. В периоды социальных переломов одни из них оказались в эмиграции, другие – были гонимы или не признаны в своей собственной стране. И хотя многие из них не переставали творить, зачастую память о них стерта, творчество полузабыто или стало предметом исследования узкой группы специалистов. Фонд «Русский мир» обращается к российским и зарубежным журналистам с предложением рассказать о том, какой творческий след оставили деятели русской культуры в жизни вашего города, страны, в вашей национальной культуре, и о том, как сейчас проходит межкультурное взаимодействие наших стран.

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Конкурс проводится в целях популяризации русского языка и российской культуры и является частью международной акции «Год культуры Русского мира», объявленной фондом «Русский мир».
2. Учредителем и организатором конкурса является фонд «Русский мир».
3. К участию в конкурсе приглашаются журналисты российских и зарубежных русскоязычных печатных СМИ, интернет-изданий, теле- и радиокомпаний, а также студенты факультетов журналистики.
4. Предметом конкурса являются журналистские материалы (публикации, радио- и телесюжеты), направленные на популяризацию русской культуры, расширение межкультурного взаимодействия стран и народов, открытие неизвестных страниц жизни и творчества деятелей культуры и искусства Русского мира.

5. Все материалы на конкурс представляются на русском языке.
6. Материалы, представляемые на конкурс, должны быть опубликованы в печатных изданиях, размещены на интернет-сайтах СМИ, в теле- или радиоэфирах в период с 1 февраля по 1 сентября 2014 года.
7. На конкурс могут быть представлены только оригинальные теле- и радиосюжеты и публикации авторов.

II. СОДЕРЖАНИЕ И НОМИНАЦИИ КОНКУРСА

1. На конкурс принимаются материалы по следующим четырем направлениям:
 - публикации в печатных изданиях;
 - публикации в интернет-изданиях;
 - телесюжеты;
 - радиосюжеты.

2. Авторы самостоятельно определяют жанр и выбирают тему в рамках установленных номинаций.
3. Номинации конкурса:
 - «**Жизнь и судьба**» – о малоизвестных страницах жизни и творчества знаменитых деятелей искусства, эмигрантских судьбах; открытие новых или забытых имен;
 - «**Малые звезды**» – о деятелях искусства, не получивших большой известности, но сыгравших важную роль в художественной жизни вашего города или региона;
 - «**Сквозь границы и времена**» – о деятельности по популяризации за рубежом классического наследия и современной русской культуры; о взаимообогащении и взаимопроникновении культур – с конкретными примерами и интересными фактами.
9. Работы, представленные на конкурс, не рецензируются и не возвращаются.
10. Оргкомитет имеет право на редактирование и публикацию конкурсных работ на своих ресурсах без уведомления авторов и без выплаты им гонораров.

III. ПОРЯДОК И СРОКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. На конкурс принимаются работы отдельных авторов или авторских коллективов в рамках установленных номинаций **до 15 сентября 2014 года**.
2. Текстовые материалы должны быть выполнены в формате Word и не превышать по объему 12 тысяч знаков (6 страниц). Видеоматериалы (документальные и видеофильмы) и аудиопрограммы представляются на цифровых носителях информации, хронометраж не более 30 минут.
3. Текстовые материалы представляются только в электронном виде на электронный адрес **sotvorenie@russkiymir.ru** с пометкой «На конкурс». Видео- и аудиоматериалы могут быть отосланы как на указанный электронный адрес, так и почтовым отправлением с пометкой «На конкурс» на почтовый адрес: 117218, Российской Федерации, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2. **Конкурсные материалы принимаются к рассмотрению по фактической дате их поступления в Москву, указанной на почтовых документах.**
4. Одновременно с материалами авторы представляют в оргкомитет заполненную анкету участника конкурса; авторские коллективы представляют анкету на каждого члена коллектива.
5. На произведение, выдвинутое для участия в конкурсе, обязательно предоставляется:
 - для теле- и радиопередач – эфирная справка;
 - для печатных материалов – ксерокопия (или сканированная копия) выпущенной статьи;
 - для интернет-материалов – скриншот публикации.
6. Работы, не соответствующие условиям конкурса, к рассмотрению не принимаются.
7. В качестве конкурсных материалов не рассматриваются рекламные и информационные материалы, вышедшие на коммерческих условиях.
8. Авторские права на представленные материалы должны принадлежать участникам конкурса, с тем чтобы их использование и распространение не нарушило российское и международное законодательство об авторском праве. Ответственность за соблюдение авторских прав лежит на участнике конкурса, представившем материал.

IV. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ

Организация работы по сбору, изучению, публикации материалов и подведению итогов конкурса возлагается на следующие структуры:

- **Оргкомитет:** формируется учредителем из своих представителей; осуществляет всю деятельность по подготовке, проведению конкурса и его информационному обеспечению.
- **Экспертный совет:** создается учредителем из экспертов фонда, авторитетных журналистов и представителей общественных организаций. Осуществляет экспертную оценку конкурсных работ, составляет шорт-листы (короткие списки) по каждой из номинаций и выносит их на рассмотрение жюри.
- **Жюри:** формируется учредителями из авторитетных ученых, редакторов СМИ, деятелей культуры и представителей общественности, членов попечительского совета и правления фонда «Русский мир». Рассматривает конкурсные работы, включенные в шорт-листы; определяет лауреатов и дипломантов конкурса.

V. ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ КОНКУРСА И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Конкурс проводится в два тура.

• I тур: 15 марта – 15 сентября 2014 года.

Прием, регистрация и экспертная оценка конкурсных работ. Формирование шорт-листов. В соответствии с решением экспертного совета работы, получившие положительную оценку, публикуются на информационных ресурсах фонда.

• II тур: 15 сентября – 15 октября 2014 года.

На основании шорт-листов жюри конкурса определяет победителей и дипломантов конкурса. Решение жюри оформляется протоколом и публикуется в средствах массовой информации.

VI. НАГРАДЫ КОНКУРСА

1. В рамках каждой номинации конкурса учреждаются следующие денежные премии (включая налоги, предусмотренные действующим законодательством):
 - **1-я премия – 150 000 рублей;**
 - **2-я премия – 100 000 рублей;**
 - **3-я премия – 70 000 рублей.**
2. По решению жюри победители награждаются также дипломами и призами конкурса.
3. Объявление результатов конкурса производится публично и гласно на торжественной церемонии в рамках VIII Ассамблеи Русского мира 3–4 ноября в Сочи и освещается в средствах массовой информации.

ПОЛОЖЕНИЕ О II МЕЖДУНАРОДНОМ МОЛОДЕЖНОМ ТВОРЧЕСКОМ КОНКУРСЕ **«СЛОВО ЗА НАМИ!»**

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Конкурс «Слово за нами!» является частью международной акции «Год культуры Русского мира», объявленной фондом «Русский мир».
2. Учредителем и организатором конкурса является фонд «Русский мир».
3. К участию в конкурсе приглашаются российские и зарубежные учащиеся образовательных учреждений, учреждений дополнительного образования, художественных кружков и изостудий, студенты университетов, слушатели курсов русского языка, а также Русских центров и Кабинетов Русского мира.

II. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

- Объединение усилий Русского мира по популяризации творческого наследия и современных достижений великой русской культуры.
- Популяризация духовных и гуманистических ценностей Русского мира.
- Повышение интереса молодежи к изучению и познанию лучших образцов литературы и искусства.
- Содействие развитию образного мышления и творческих способностей у детей, подростков и молодежи.
- Содействие процессам консолидации Русского мира, расширению взаимодействия между организациями и сообществами соотечественников.

III. КОНКУРС ДЕТСКИХ РИСУНКОВ

1. Конкурс проводится в трех возрастных группах:
 - 5–8 лет;
 - 9–13 лет;
 - 14–17 лет.
2. Конкурс проводится по следующим **номинациям**:
 - «Лукоморье» – рисунки, иллюстрирующие русские сказки и сказки других народов мира.
 - «Край родной» – пейзажи родного края, любимые уголки природы, изображение своего города, дома, школы.
 - «Мой герой» – рисунки, которые отражают представления юных художников об исторических деятелях и персонажах русской литературы.

IV. КОНКУРС СОЧИНЕНИЙ

1. Конкурс проводится в двух возрастных группах:
 - 9–13 лет;
 - 14–17 лет.
2. На конкурс представляются сочинения на русском языке по следующим **номинациям**:
 - «Великое русское слово» – рассказ о любимых русских писателях и поэтах, их произведениях, о значении русского языка для мира и международного общения.
 - «Дорога времен» – размышление об интересных культурных событиях и творческих личностях в прошлом и настоящем вашей страны, города, села. Музыканты, художники, архитекторы, литераторы – какие истории связывают их с вашими родными местами?
 - «Мой необычный день» – рассказ или фантазия о событиях самого необычного и интересного дня в вашей жизни.

V. КОНКУРС ЭССЕ

1. Конкурс проводится для студентов российских и зарубежных высших учебных заведений.
2. На конкурс представляются оригинальные эссе на русском языке по следующим **номинациям**:
 - «**Русский язык как язык межкультурного общения**» – роль и значение русского языка в международном общении и сотрудничестве.
 - «**Современная культура: кризис или расцвет?**» – полемические рассуждения о современном состоянии культуры – литературы, искусства, кинематографа. Аргументируйте свою позицию.
 - «**Культура в глобальном мире**» – взаимовлияние и взаимопроникновение культур в историческом прошлом и в наше время.

VI. ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РАБОТ НА КОНКУРС

1. На конкурс принимаются работы отдельных авторов в рамках установленных номинаций **до 15 сентября 2014 года**.
2. **Рисунки представляются на конкурс в электронном виде либо по почте:**
 - в отсканированном виде в формате jpg по электронному адресу slovozanami@russkiymir.ru. Каждый рисунок направляется в отдельном файле;
 - почтовым отправлением с пометкой «На конкурс» на почтовый адрес: 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2. **Конкурсные материалы принимаются к рассмотрению по фактической дате их поступления в Москву, указанной на почтовых документах.**
- Отправляемые по почте рисунки должны быть выполнены на ватмане формата А3. Техника исполнения любая, кроме мелков и угља.
3. **Сочинения и эссе** представляются **только в электронном виде** на электронный адрес slovozanami@russkiymir.ru. Тексты должны быть выполнены в формате Word и не превышать по объему 12 тысяч знаков (6 страниц).
4. Одновременно с материалами авторы представляют в оргкомитет заполненную анкету участника конкурса.
5. Работы, не соответствующие условиям конкурса, к рассмотрению не принимаются.
6. Авторские права на представленные материалы должны принадлежать участникам конкурса – с тем чтобы их использование и распространение не нарушило законодательство Российской Федерации об авторском праве.
7. Работы, представленные на конкурс, не рецензируются и не возвращаются.
8. Оргкомитет имеет право на редактирование и публикацию конкурсных работ без уведомления авторов и без выплаты им гонораров.

VII. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ

Организация работы по сбору, изучению, публикации материалов и подведению итогов конкурса возлагается на следующие структуры:

- **Оргкомитет:** формируется учредителем из своих представителей; осуществляет всю деятельность по подготовке, проведению конкурса и его информационному обеспечению.
- **Экспертный совет:** создается учредителем из экспертов фонда и авторитетных специалистов партнерских структур для рассмотрения и оценки конкурсных работ. Выносит на рассмотрение жюри шорт-листы (короткие списки) лучших работ по всем направлениям, возрастным группам и номинациям.
- **Жюри:** формируется учредителями из авторитетных педагогов, ученых, журналистов, деятелей культуры и представителей общественности, членов попечительского совета и правления фонда «Русский мир». Рассматривает конкурсные работы, включенные в шорт-листы; определяет лауреатов и дипломантов конкурса.

VIII. ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ КОНКУРСА

Конкурс проводится в два тура.

- **I тур: 15 февраля – 15 сентября 2014 года.**

Все поступившие конкурсные работы проходят регистрацию и представляются на рассмотрение экспертного совета. В соответствии с решением экспертного совета работы, получившие положительную оценку, публикуются на информационных ресурсах фонда. Лучшие работы, включенные в шорт-листы, направляются на рассмотрение жюри.

- **II тур: 15 сентября – 15 октября 2014 года.**

Жюри конкурса рассматривает работы, выдвинутые экспертным советом во второй тур, и принимает решение по определению лауреатов и дипломантов, а также конкретным формам их поощрения.

Решение жюри оформляется протоколом и публикуется в средствах массовой информации.

IX. НАГРАЖДЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

1. Награждение победителей конкурса производится в соответствии с решением жюри. Наградной комплект победителя состоит из диплома и специальных призов.
2. По решению жюри авторы лучших работ могут быть приглашены для вручения наград на VIII Ассамблею Русского мира в Сочи 3–4 ноября 2014 года.

Вся информация о конкурсах размещается на портале фонда «Русский мир» www.russkiymir.ru.

ПИКЕТЫ, МАРШИ, ПЕСНИ, ФЛАГИ...

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ЛАТВИЙСКИХ ШИРОТАХ, КАЗАЛОСЬ БЫ, ДАЛЕКИХ ОТ КРЫМА, ТОЖЕ ВЫДАЛСЯ НЕВЕРОЯТНО ЖАРКИЙ МЕСЯЦ. И ПОГОДА ЗДЕСЬ НИ ПРИ ЧЕМ. В МАРТЕ В СТРАНЕ ПРОШЛИ ДЕСЯТКИ ПИКЕТОВ – ПРОТЕСТНЫХ И РАЗНЫХ, МАРШИ С ПЕСНЯМИ И ФЛАГАМИ, МОДНЫЕ НЫНЧЕ ФЛЕШМОБЫ, ГОРЯЧИЕ ДИСКУССИИ – ИХ БЫЛО РЕКОРДНОЕ КОЛИЧЕСТВО, ЧТО НЕ ОЧЕНЬ ХАРАКТЕРНО ДЛЯ ОБЫЧНО СДЕРЖАННЫХ ПРИБАЛТОВ.

ВРОЧЕМ, СТАРТ ДЛЯ протестов был дан уже в начале года, когда власти Латвии озвучили свои планы на 2018 год по полному перевода всех школ нацменьшинств на государственный язык обучения. Тем самым, образно выражаясь, русского джина выпустили из бутылки. За десять лет, минувших со

дня принятия последней школьной реформы, в обществе был достигнут хрупкий компромисс. В школах нацменьшинств с большим скрипом была внедрена билингвальная система обучения, в соответствии с которой 60 процентов предметов дети осваивают на латышском языке, а остальные – на родном (помимо русских школ в Латвии дей-

ствуют и украинская, и польская, и еврейская школы). Казалось бы, что еще надо? Но когда на носу выборы в Европарламент с его денежными депутатскими местами (да и в Сейм Латвии надо же как-то снова попасть – выборы осенью), местные национальные политики опять начинают свои игры. Увы, это здесь любимый вид спорта.

«МИНИСТЕРСТВО ТЬМЫ» ДОВЕДЕТ ДО ЛАТВИЙСКОГО МАЙДАНА?

Первым на новую атаку со стороны властей откликнулся «Русский союз Латвии», проведя в феврале предупредительный пикет у кабинета министров с лозунгом «Руки прочь от русских школ!». Диалога не последовало. Поэтому в марте выступили депутаты Конгресса неграждан, на внеочередной сессии которого было решено обратиться к властям с требованием вернуть нацменьшинствам образование на родном языке. Без всяких процентов. В конце концов это право оплачено налогами этих самых меньшинств. Равные налоги – равные права. В полном соответствии с между-

В центре Риги тысячи жителей города чествовали легионеров Ваффен-СС

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

народными стандартами, которые Латвия почему-то не считает себя обязанной соблюдать.

Свой пикет-флешмоб неграждане и их сторонники организовали в Старой Риге – прямо под окнами Министерства образования Латвии. По этому случаю печально известное заведение было переименовано в «Министерство тьмы». Да и то, право слово, сколько можно тучи на русские школы нагонять! Символом зла пикетчики выбрали огромный воздушный шар фиолетового цвета, в тон паспортов «алиенсов» – латвийских неграждан. К шару привязали портрет ульбающегося министра образования Ины Друвиете, любительницы «покошмарить» русские школы и детские сады. По команде спикера Парламента непредставленных Конгресса неграждан Валерия Комарова его единомышленники, одетые в майки с надписью: «Министерство тьмы, давай, до свидания!», выстроились в длинную цепочку. В руках у молодых людей – буквы, повторяющие текст на майках, по команде ребята их переворачивают, чтобы название можно было прочесть на латышском и русском языках. «Наши требования: «Русский язык должен быть основным языком обучения в русских школах! В выборе программ, методик и языковых пропорций школы должны учитывать мнение родителей. Необходимо обеспечить подготовку преподавателей-предметников для школ нацменьшинств за государствен-

ный счет, включая магистратуру и докторантуру, – зачитывает текст в мегафон лидер неграждан. – Власти забыли, что латыши – не единственные, для которых эта земля родная. Латвия – это и наша земля, это наша страна, русский – это наш язык!» «Наш язык, наши школы, наша земля...» – скандируют собравшиеся, вызывая легкий шок у оторопевшей публики. Под крики «ура!» пикетчики поджигают надутый фиолетовый символ зла и раздора, который разлетается на мелкие кусочки. Такая же участь, по мнению участников акции, должна постичь и пресловутую школьную реформу. В finale флешмоба Валерий Комаров предлагает произнести всем клятву верности русскому языку. Звучат хорошо знакомые многим стихи Анны Ахматовой с ее пронзительными строками: «И мы сохраним тебя, русская речь, величие русского слова... Навеки».

Во время пикета здесь впервые прозвучал и соответствующий общему настрою гимн защитников русских школ, написанный латвийским антифашистом и депутатом Парламента непредставленных Иосифом Кореном на мелодию песни «Синяя птица» Андрея Макаревича. Под занавес к народу вышла как всегда сияющая г-жа министр образования в ярко-желтом пиджаке, видимо, намекая, что и не тьма она вовсе, а яркое солнышко. Люди встретили ее криками «Долой!», «В отставку!», «Не трогайте наши школы!». Друвиете лишь

Сегодня их назначили героями – борцами за независимость Латвии. Хотя воевать довелось под гитлеровскими знаменами и за сотни километров от родной земли – в России, Белоруссии, Польше, где от рук легионеров погибли тысячи мирных жителей

улыбалась в ответ и благодарила за участие, но собравшиеся так и не услышали от нее ответ, за что она ненавидит русских детей и зачем стравливает наши народы... Министр приняла из рук организаторов документы с требованиями отменить школьную реформу и удалилась. Но журналисты, в том числе и зарубежных телеканалов, снимающие пикет, еще долго не отпускали организаторов акции, расспрашивая их о ситуации в стране. По их просьбе Валерий Комаров пояснил, что сам он здесь не ради пира – он бизнесмен, не политик и идти в политику не собирается. Но у него растут трое маленьких детей, и его волнует, в какой школе им придется учиться. Нынешняя билингвальная система привела к реальному ухудшению качества образования, а что будет дальше? «У нас выбор небольшой, – заверяет спикер неграждан. – Либо мы добиваемся, чтобы наши требования были услышаны, либо – ассимиляция, либо – эмиграция». Свою позицию разъясняет журналистам из Германии и председатель Парламента непредставленных Елизавета Кривцова – на немецком языке, которым она владеет свободно. Немцы удивились, почему русские кричали: «Это – наша земля!» «Да потому что мы – латвийцы, – терпеливо втолковывала Елизавета. – Русские живут в Латвии на протяжении нескольких столетий, мы такие же граждане этой страны, как и титульное население. Тем не менее я постоянно ощущаю дискриминацию, которая основана на моей лингвистической принадлежности». Конечно, зашел разговор и о ситуации на Украине. Сошлись во мнении, что в Латвии все же нет такого радикализма. Но если продолжать и дальше игнорировать права латвийских русских, внедрять губительные реформы, которые бьют по их детям, дело может дойти и до латвийского Евромайдана... Надо сказать, что даже в латышской прессе после известных событий на Майдане стали появляться публикации с более взвешенной позицией, чем это было еще недавно. Вот всего лишь два примера: «Надо понять, что разделение на латышей, русских и прочих следовало давно

забыть. На граждан и неграждан. На своих и «этих там». Если мы хотим показать какой-то пример, нам надо учиться не только на своих, но и на чужих ошибках, надо стараться их исправлять. Нам надо начать говорить друг с другом. Надо создать и показать историю успеха, которой у нас сейчас просто нет», – пишет на интернет-портале латышский журналист Угис Либиетис, вернувшись из Киева. «Стабильность, сила и безопасность России – в интересах Латвийского государства. Безопасность Латвии зависит от того, насколько безопасно в России, а не от того, сколько самолетов НАТО патрулирует латвийское воздушное пространство... Отношения между Латвией и Россией хочет решать кое-кто «третий», однако наши личные отношения мы можем строить сами путемуважения и доверия в полноценном диалоге. А «третий» пусть едет обратно к себе домой. Там у него работы достаточно поднакопилось» – с таким, можно сказать сенсационным, заявлением вдруг выступает в русской прессе недавний ярый латышский националист, известный композитор Имант Калниньш. Нежели что-то действительно начинает доходить и до наших соседей по общему дому по имени «Латвия», возрадовались было представители русскоязычной общины, но... тут приблизилась сакральная дата – 16 марта, и все опять встало на свои привычные места.

ЛЕГИОНЕРАМ – ЧЕСТЬ, АНТИФАШИСТОВ – В ЗАГОН?

В этот раз власти, наученные прошлогодним горьким опытом, когда сторонники марша бывших легионеров СС и их противники едва не вступили врукопашную, оппонентов развели по разным участкам. При этом антифашистам не досталось места возле Памятника Свободы, и им пришлось развернуть свои стенды с фотографиями жертв нацизма в глубине парка у канала. Здесь для них был огорожен желтым забором небольшой пятак, напоминающий, по словам лидера антифашистов Иосифа Корена, загон для скота. Надо отметить, что в свете украинских событий лат-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Участники флешмоба «Министерство тьмы, давай, до свидания!» требовали вернуть в русские школы образование на родном языке

вийские спецслужбы предприняли усиленные меры безопасности, видимо, не без оснований считая, что Европа, после того как там увидели кадры с фашистующими на Майдане молодчиками, и на марши легионеров в Риге может взглянуть в ином ключе. Правда, как водится, в стремлении скомпрометировать Латвию вновь обвинили антифашистов и сделали все, чтобы не дать им выразить иное мнение о роли тех, кто во Вторую мировую воевал под знаменами Гитлера. Но в нынешнем мартовском сезоне было и несколько новых, довольно знаковых моментов. Накануне 16 марта в Латвии и Эстонии побывал министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер, который переговорил с местными властями. Наверное, простое совпадение, но приехал он сюда почти сразу после того, как российский посол Александр Вешняков, выступая по рижскому радио, рассказал о готовящемся в РФ законопроекте об облегченном предоставлении гражданства этническим русским и бывшим гражданам СССР. Если предположить, что все 300 тысяч неграждан Латвии и около 100 тысяч их эстонских товарищей по данному нелепому статусу вдруг получат российское гражданство, это может оказаться не самым приятным сюрпризом для ЕС, и без того

встревоженного недавним крымским референдумом... Как бы там ни было, но после визита главы МИД Германии спикер парламента Латвии Солвита Аболтиня вдруг впервые заговорила о важности для страны людей разных национальностей. Хотя в принимаемой сейчас преамбуле к Конституции Латвии речь все же идет о защите латышской нации и языка. После визита высокого немецкого гостя было принято решение о запрете членам правительства участвовать в мероприятиях 16 марта. Один из министров от национального блока, отказавшийся подчиниться этому решению, был даже снят со своей должности. Зато на шествии в честь легионеров Ваффен-СС он засветился, как всегда.

ACHTUNG! НЕМЦЫ В ГОРОДЕ!

На помощь рижским антифашистам в этом году приехали их немецкие единомышленники – участники Ассоциации борцов немецкого Сопротивления, которая была основана в Германии в 1947 году. Правда, на пути в Ригу им пришлось преодолеть некоторые трудности. Сначала берлинский автобус с 30 антифашистами, среди которых были видные немецкие историки, журналисты, а также дети и внуки жертв нацизма, на два часа задержали на

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

пограничном пункте в Литве. Личные вещи и документы гостей были тщательно досмотрены, их плакаты и бумаги изъяты и сфотографированы, затем возвращены. Не доехав 40 километров до Риги, автобус из Германии опять задерживают. На этот раз под надуманным предлогом людей держат на протяжении уже пяти (!) часов. И все же закаленные немецкие борцы добираются до столицы Латвии, причем в отличном боевом настроении! А с утра они со своими флагами уже стояли на Домской площади у большого плаката с надписью: «Помни, нацист, Нюрнберг!» и вместе с рижскими коллегами громко протестовали против чествования в центре Европы приспешников нацистов. Некоторые использовали для этого даже дудки – громкие, как гудок парохода. «Меня зовут Кристина Кранц, я приехала из Тюрингии, – рассказала журналу «Русский мир.ру» зарубежная участница пикета. – Я не хочу, чтобы миру когда-то снова пришлось пережить ужасы нацизма. Именно поэтому я здесь. Да, я уже пообщалась на площади с людьми, которые говорили мне, что легионеры были простые солдаты, они боролись за независимость Латвии. Я думаю, это не так... У нас, конечно, тоже есть неонацисты, они выступают против иностранцев, за Германию для немцев. Но их мало кто поддерживает, больше тех, кто считает их маргиналами. У нас люди не хотят даже дома покупать, если рядом живут неонацисты». Пока Кристина отвечала на вопросы окруживших ее людей, из Домского собора, где проводилось торжественное богослужение, посвященное латышским легионерам, начали выходить люди и строиться в колонны во главе с па-

Лидер антифашистов Латвии Иосиф Корен: «В этом году полиция загнала нас подальше от Памятника Свободы, чтобы во время эсэсовского марша нас не было ни видно, ни слышно!»

стором. Впереди шествия встали бодрые старички, одетые почему-то в довоенную латвийскую форму, за ними – лидеры национальных партий, депутаты Сейма Латвии из правящей коалиции и еще сотни и сотни людей самых разных возрастов – с цветами, государственными флагами и транспарантами на тему выравнивания нацизма и коммунизма и оправдания первого репрессиями второго. Под крики «Позор!», свист, гудки и улюлюканье со стороны антифашистов колонна из 2 тысяч человек двинулась в сторону Памятника Свободы. А вот немногочисленных антифашистов полиция туда не пустила, отправив в заготовленный для них загон в полукилометре от главного символа Латвии. Но даже там было слышно, что не все пришедшие к памятнику славили парад в честь легионеров. Были те, кто кричал им «Позор!...» В результате оказанного на латвийских антифашистов беспрецедентного давления накануне им пришлось проводить свою пресс-конференцию прямо на улице – в палатке, поскольку сразу пять рижских гостиниц отказались предоставить им свои помещения. С огромным трудом движению «Мир без нацизма» все же удалось договориться с одним отелем о проведении у них круглого стола, для участия в котором прибыл известный «охотник за нацистами» Эфраим Зурофф, директор «Центра Симона Визенталя», а также лидеры антифашистских движений из Литвы, США, Молдавии, Венгрии и России. Глава немецкой делегации Корнелия Керт поделилась с участниками конференции своими впечатлениями от увиденного в Риге: «На митинге к нам подходили люди и говорили, что нас всех сюда завезли, чтобы позорить Латвию перед миром. Но я отвечала им, что мы с 1947 года проводим борьбу в любом месте, где возрождается фашизм. На этот раз таким местом была Рига. Увидев здесь шествие легионеров СС, я испугалась. Да-да, мы все были шокированы тем, что в параде принимает участие так много людей, в том числе и молодых, и даже семьи с детьми. Испугалась, увидев, насколько невелика оппозиция и как ее давят...»

НЕ НАДО ПЕРЕПИСЫВАТЬ ИСТОРИЮ

Среди участников конференции был и известный латышский журналист Юрис Кажа, он родился в Америке, его отец во время войны тоже служил в латышском легионе СС. Но, по его словам, он никогда не гордился этим фактом. Профессор из Великобритании Довид Кац сказал, что ему стыдно за США, Канаду и Великобританию, так много когда-то сделавших для уничтожения фашизма. А сегодня они почему-то молчат. «Мне стыдно признавать, что всему виной геополитика: пусть что угодно и где угодно, лишь бы против России и против Путина. Антифашисты в Латвии считаются меньшинством, которое поддерживает Путина. Самое печальное, что если в других странах неонацисты – это бритоголовые скинхеды, то в Латвии – элегантные министры в костюмах и галстуках». По словам Эфраима Зуроффа, опасность момента в том, что правительства некоторых стран сегодня продвигают переписывание истории, а также стремятся приправить нацизм и коммунизм. Как можно равнять страну, создавшую машину массового убийства, и страну, которая освободила мир от фашизма? Да, коллаборационисты были и в других странах, но именно в Прибалтике местное население активно участвовало в массовых убийствах евреев. До вступления в ЕС и НАТО эти факты замалчивались, а потом началась героизация «борцов за независимость» и коррекция неприглядных пятен их биографий. Участники конференции «Мир без нацизма» призвали правительство Латвии прекратить политику ассимиляции в отношении русскоязычного населения, а также отменить реформу, направленную на глобальную ликвидацию системы образования на русском языке. Добавлю, в марте помимо этого в Латвии прошло еще несколько митингов, как в поддержку политики России по Крыму, так и против нее. Протестные акции в латвийской столице провели возобновивший свою работу Штаб защиты русских школ и форум «За прогресс в Латвии». Такой вот бурный месяц выдался в некогда спокойной Риге...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗА СТОЛИКОМ В БИСТРО

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«И ПЕРЕСТАНЬ, НЕ НАДО ПРО ПАРИЖ!» –
ПЕЛ В ЗАСТОЙНЫЕ ГОДЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ
БАРД ЮРИЙ КУКИН. ПЕЛ ХРИПЛОВАТО-ПУСТЫМ
ГОЛОСОМ. ПЕЛ ТАКИМ ГОЛОСОМ ПОТОМУ, ЧТО
ПАРИЖСКИЕ ОГНИ БЫЛИ НЕДОСТУПНЫ ПРОСТОМУ
СОВЕТСКОМУ ГЕОЛОГУ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ. РАВНО
КАК И ПРОСТОМУ СОВЕТСКОМУ НЕ ГЕОЛОГУ.

ЛЕТОМ 1812 ГОДА, когда Наполеон вместе с армией «двунадесяти языков» пересек границу Российской империи, многим по нашу сторону Немана казалось, как казалось спустя полтора века барду-геологу, что набережные Сены и серые камни французской столицы – при-

зрак, которого вживую никогда уже не увидеть. Но случилось иначе: менее чем через полтора года некоторая часть русского народа, называвшаяся Русской армией, увидела Париж во всей его весенней прелести. Случилось сие удивительное событие 31 марта 1814 года по новому стилю.

Исторических аналогий особого значения напрашивается несколько. Например, по поводу мировых войн. Ведь точных критериев, по которым должно определять военный конфликт именно так – не существует. Если исходить из того, что в войне в той или иной форме принимает участие более одного континента, то период так называемых Наполеоновских войн можно без всякой натяжки назвать Первой мировой. В течение шестнадцати лет в конфликты были втянуты не только все европейские страны, но и Турция, Соединенные Штаты, Персия. Если вести отсчет полководческим амбициям Бонапарта не от его консульства, а от Директории, то смело можно прибавить поход французов 1798–1801 годов в Египет и Сирию, являвшихся эялетами (провинциями) Ближневосточной Порты. Опосредованно англо-французское противостояние повлияло на агрессивность Британии в Индии.

Ф. Малек.
Вступление
союзных войск
в Париж
31 марта 1814
года. 1815 год

Трехлетний путь, проделанный Россией в 1812–1814 годах, – разве он не напоминает дорогу, которую мы осилили в 1941–1945-м? От собственной границы – до Москвы, потом обратно – к Неману, затем – через польские, чешские, германские земли к границам французским. Враг был другой, потому и шли не на Берлин, а на Париж. Но общая логика событий просматривается. И шли, как в великую Отечественную, не одни: с союзниками.

Результат, полученный после Венского конгресса 1815 года, по своим масштабам для европейского мира ничуть не уступает результатам, достигнутым после разгрома Третьего рейха. Все насильственно добытое Бонапартом было изъято и возвращено прежним хозяевам. Создались предпосылки для формирования Королевства Нидерландов (в 1830 году разделилось на Голландию и Бельгию), Итальянского и Германского государств. Начался необратимый кризис в Османской империи, колонизировавшей ранее балканскую Европу, Ближний Восток и Северную Африку. Обозначилась грядущая независимость Норвегии, избавившейся от датской короны и заключившей union со Швецией. Наконец, уровень влияния России на международной арене сравнялся с британским. А в континентальной Европе ее слово стало самым весомым. Что естественным образом вернуло Англию в ее извечное по отношению к России состояние: союзничество закончилось почти на век, возобновилась глобальная интрига.

Все это к чему, собственно?

К тому, что день взятия Парижа – вовсе не мелкий штрих на живописном полотне российской истории. А вот относимся мы к нему почему-то как к случайному карандашному следу в верхнем левом углу. Еще в 2013 году два депутата Госдумы – от «Единой России» и ЛДПР – внесли в Думу законопроект: включить в список дней воинской славы России и 31 марта. Не слу-

чились, другие депутаты не проголосились. Хотя в этом списке присутствуют хоть и славные, но куда менее значительные события. Например, победа эскадры Ушакова над турецким флотом у мыса Тендра в 1790 году. Сопоставимо по масштабам и результатам? Или все дело в том, что Париж – не Стамбул?

Осенью 2012 года в рамках празднования победы в Отечественной войне свершилась в Государственном Историческом музее международная научная конференция «Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы». Парижскую тему поднял... Доминик Ливен, лектор Лондонской школы экономики, «золотой» выпускник Кембриджа и коренной британец. Хотя и потомок двух светлейших князей Ливен – Христофора Андреевича и Ивана Андреевича, воевавших с Наполеоном. Первый – под Аустерлицем, второй – начиная с Прейсиш-Эйлау и заканчивая Бриенном, что в полутора сотнях верст от Парижа. Оба, к слову, кавалеры ордена Святого Георгия 3-й степени.

Так вот что сказал сей достойный англичанин, в котором течет кровь подданных русской короны: «Русские помнили только 1812 год. Думали, что 1812 год – это национальная, народная победа. 1813–1814-й – это уже вне горизонта. Очень интересно, что они забыли день падения Парижа в 1814 году, ведь это был самый славный момент в военной, дипломатической истории царской России». Все верно, правда? Странно одно. Почему все сказано в прошедшем времени? Ведь как было, так и осталось.

Не желают у нас помнить день падения Парижа. Исключая малочисленные группы особо интересующихся из числа историков, военных реконструкторов да донских казаков. Как раз донцы, опять-таки в позапрошлом году, учинили конный пробег Москва – Париж о двадцати головах и устроили джигитовку в некогда наполеоновской резиденции Фонтенбло.

НА ЗАПАД ОТ РЕЙНА

Император Александр Павлович не был чужд эффектных поступков, носивших вторые смыслы. Армии союзников по VI антинаполеоновской коалиции после победы в Битве народов под Лейпцигом остаток 1813 года простояли на немецком, восточном берегу Рейна. Англичане и австрийцы не слишком стремились к продолжению войны. Вплоть до 1 декабря воевали дипломаты. В конце концов давление русского царя, поддержанного прусским королем, привело к решению – воевать до полной победы. В разных местах водную границу с Францией пересекло около 200 тысяч солдат. Сам Александр с русской гвардией переправился 1 января. Начинать – так с первого!

Русские генералы, чьи части были ударными во всех группировках союзников, на высшие командные посты по-прежнему не приглашались. Силезской армией продолжил командовать пруссак Блюхер, Главной, прежде называвшейся Богемской, – австриец Шварценберг. Но неформальное влияние Александра I на обоих фельдмаршалов и на их штабы вполне уравновешивало создавшийся баланс в управлении.

Карл Филипп
Шварценберг (1771–1820),
австрийский
фельдмаршал
и генералиссимус времен
Наполеоновских
войн

Фельдмаршал князь Шварценберг.
С трансформации портрет начало XIX века.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Итак, многолетняя война с Наполеоном впервые докатилась до собственно французских земель. Длилась кампания три месяца. Казалось бы, пустяк. И ведь именно такое впечатление складывается после беглого просмотра соответствующего «научного» и учебников различной степени тяжести. Упоминается пара-тройка сражений – и вот уже капитуляция Парижа и отречение Наполеона! Отчасти это впечатление формируется и потому, что в течение десятков лет нас не сильно баловали публикациями мемуаров, написанных участниками Заграничных походов. А их – в достатке. Оставили воспоминания Федор Глинка, Павел Пущин, Иван Казаков, Константин Батюшков, Александр Михайловский-Данилевский, Николай Муравьев-Карский и другие. В той или иной степени, в зависимости от личного участия в сражениях, все без исключения подтверждают, что кампания 1814 года была хоть и короткой, но весьма насыщенной боями и, как следствие, очень кровавой.

Как ни старался Бонапарт, но собрать внушительную армию к январю 1814 года ему не удалось. Против войск союзников он смог выставить только

70 тысяч бойцов. Но в первом же крупном бою, 17 (29) января под Бриенном, он вновь продемонстрировал, что не утратил полководческого таланта. Воспользовавшись тем, что идущая в авангарде армия Блюхера разбралась на отдельные отряды, Бонапарт, сконцентрировав силы, ударил по русским корпусам прусского фельдмаршала. Несмотря на то, что потери с обеих сторон оказались примерно одинаковы – по 3 тысячи человек, – Блюхер с поля боя отступил. Тактическая победа осталась за французами.

С этим сражением связаны два любопытных эпизода. Еще в 1812 года, после сдачи Москвы, казачий генерал Матвей Платов дал слово, что отдаст dochь Марию в жены тому, кто сумеет пле-

Битва
под Бриенном.
1814 год

Гебхард
Леберехт
фон Блюхер,
князь
Вальштадтский
(1742–1819),
prusский
фельдмаршал,
участник ряда
Наполеоновских
войн.
Гравюра
неизвестного
автора
с живописного
портрета Грегера
1816 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нить Наполеона. Один из французских генералов в мемуарах писал о том, что о платовском обещании знали и в армии Бонапарта. Бой под Бриенном закончился поздно – к полуночи. Наполеон возвращался в лагерь, когда на его эскорт напали невеста откуда взявшиеся казаки. Французский император позже отмечал, что сам был вынужден отбиваться шпагой. Скорее всего, преувеличивал. Донцы при таких нападениях первым делом пускали в ход пики, а шпага против пики – штука бесполезная. Но в любом случае, императорский конвой казаков отогнал, и Мария так и осталась на выданье.

Чуть раньше история с противоположным знаком едва не случилась в замке Бриенна, где находился штаб Блюхера. Престарелый прусский фельдмаршал посчитал, что сражение с приходом темноты закончилось. Но тут на замок обрушилась французская бригада и быстро его захватила. Чудом Блюхер не попал в плен.

Все это время другая союзная группировка, Шварценберга, вяло маневрировала в стороне. И только к 20 января (1 февраля) войска сблизились. В итоге под командой Блюхера сосредоточилось 90 тысяч, в то время как находившийся неподалеку Наполеон располагал силами в два раза меньше. Драться он не стремился, но пришлось. Бой грязнул у деревни Ла-Ротьер и длился целый день. Только в 10 вечера французы получили приказ их императора – отходить. Потери составили по 6 тысяч с каждой стороны. У Наполеона пострадала Молодая гвардия, но еще больше его расстроила потеря половины артиллерии, и так не слишком многочисленной. Основную тяжесть боя приняли, как и под Бриенном, русские части, в первую голову корпус генерала Остен-Сакена. Наполеон с войсками отправился в Труа, из которого большая дорога вела к Парижу. До столицы оставалось около 150 верст.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА

Этот термин в истории Наполеоновских войн появился после того, как в течение шести дней Бонапарт нанес союзникам пять болезненных ударов. Причин тому две. Гений Наполеона, умевшего лихо маневрировать и концентрировать силы для мощного удара в одной точке. И трудности в управлении войсками, которые испытывали Блюхер и Шварценберг. Пруссак, шедший на Париж долиной Марны, был склонен дробить свои силы, в результате чего корпуса жили самостоя-

тельной жизнью, находясь под час друг от друга в двух и более переходах. Австриец, исправно получавший приказы из Вены не форсировать ситуацию, постоянно запаздывал, пробираясь вдоль берегов Сены, но не форсируя ее.

Шампобер, Монмираль, Шато-Тьерри, Вошан, Этож – это места, где в течение шести дней, с 29 января (10 февраля) по 2 (14) февраля, Блюхер потерял треть своих войск. В большинстве случаев гибли русские солдаты и офицеры, ставшие жертвами тактических «талантов» своего прусского командующего.

Трагически сложился для 9-го корпуса Русской армии под командой генерала Захара Олсуфьева бой у деревни Шампобер. Корпус, сильно потрепанный в предыдущих сражениях, насчитывал всего 3700 человек пехо-

Карикатура
на события 1814 года.
Дочь М.И. Платова
держит в руках вывеску
с объявлением отца

«Победить великодушием»

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

ПАСХА В АПРЕЛЕ 1814 ГОДА НАВЕРНЯКА БЫЛА САМОЙ НЕОБЫЧНОЙ В ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I. ПРОШЛО УЖЕ ТРИ НЕДЕЛИ С ТОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МОМЕНТА, КОГДА ОН ВЪЕХАЛ В ПАРИЖ ЧЕРЕЗ ВОРОТА СЕН-МАРТЕН В СОПРОВОЖДЕНИИ ПРУССКОГО КОРОЛЯ И АВСТРИЙСКОГО ФЕЛЬДМАРШАЛА ВО ГЛАВЕ СОЮЗНОЙ АРМИИ. ЗА ЭТО ВРЕМЯ ПАРИЖАНЕ, ОПАСАВШИЕСЯ «СЛАВЯНСКИХ ВАРВАРОВ», УСПЕЛИ БУКВАЛЬНО СЖИТЬСЯ С РУССКИМИ ВОЙСКАМИ. УЖЕ В ПЕРВЫЕ ДНИ СТАЛО ПОНЯТНО, ЧТО НЕ БУДЕТ НИ ПОГРОМОВ, НИ ПОДЖОГОВ, НИ КОНФИСКАЦИЙ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НАОБОРОТ, РУССКИЕ СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ, получившие жалованье сразу за три года, способствовали процветанию многочисленных ресторанов, театров и модисток. Те самые русские казаки и «башкиры», которые вначале внушали трепет непривычным обликом, очень быстро стали самой занимательной достопримечательностью Парижа. Дети, ничего не боясь, залезали им на плечи и веселились, когда казаки

въезд императора Александра I с союзниками в Париж в 1814 году. Хромолитография. По акварельным рисункам художника А.Д. Кившенко

ты при 24 орудиях. То есть и до полнокровной дивизии недотягивал. И надо ж было случиться, оказался на пути 30-тысячной группировки Наполеона при 120 пушках. Остается только удивляться, как этот бой растянулся на целый день! Бригада генерала Полторацкого прикрывала отход остатков корпуса до темноты. И даже ночью в лесу, через который отходили русские пехотинцы, происходили стычки с партиями французов. В одной из них генерал-лейтенант Олсуфьев, будучи ранен, попал в плен. На следующий день Наполеон пригласил Захара Дмитриевича и также плененного генерала Полторацкого к столу. И поинтересовался, сколько русских ему противостояло. Услышав ответ, не поверил. В ночь французский император отписал своему брату Жозефу в Париж, что выиграл бой против «по-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Русские солдаты и офицеры.
1814 год.
Раскрашенный офорт
неизвестного
французского
художника

меньшей мере 18 тысяч». Остыв, Бонапарт обронил: «Одни русские умеют так жестоко драться». А русских из пекла вышло 1700 человек. Но – с ранеными и всеми знаменами. В начале февраля в армии союзников было невесело. В битве при Вожане французские кава-

леристы чуть не изрубили самого Блюхера, а вместе с ним корпусных генералов Клейста и Капцевича. Настроение поднял Матвей Иванович Платов. 2 февраля, в день, когда войска Блюхера получили два удара под Вожаном и Этожем, славный до- нец отправился в... Фонтенбло!

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

подбрасывали их вверх. А взрослые приобрели привычку прогуливаться между их биваков. Это было совсем несложно, ведь казаки расположились совсем недалеко от центра тогдашнего Парижа. А сейчас это – самые фешенебельные районы французской столицы: около Вандомской площади, вдоль Елисейских Полей и на Марсовом поле. Конечно, Елисейские Поля тогда выглядели совсем иначе. Так что русские казаки и здесь особо ничем не навредили, расположив по обе стороны свои биваки. Поскольку само слово «бивак» подразумевает возможность устроиться и переночевать в любых условиях при помощи любых подручных средств, можно себе представить, насколько все это изменило привычный облик города.

Париж.
Бивак казаков
в Елисейских
полях
в 1814 году.
С гравюры
Описа

И забавная вырисовывается картина. Французы напали на Россию, русские войска выбили их со своей территории и дошли до Парижа, но обстановка была настолько благожелательной, что побежденные мирно прогуливались рядом с победителями и часами зарисовывали их. Казачье

Париж никогда не видел ничего подобного. Тысячу лет назад город сжигали викинги, в XV веке во время Столетней войны его наводняли англичане, которых можно было лишь с большой на- тяжкой назвать оккупантами. А теперь – русские солдаты (Парижу еще предстояло пережить в будущем Вторую мировую войну и немецкую оккупацию. – Прим. авт.). Однако если викинги были злайшими врагами, а англичане и немцы в определенной степени «сливались» с Парижем, да и войска их не располагались лагерями на улицах, то «русский десант» 1814 года остался в истории города как один из самых нетри- виальных периодов. Все парижане, умевшие держать в руках карандаши, постоянно делали зарисовки. В результате потомкам досталось огромное количество рисунков, большинство из которых было сделано прямо с натуры.

Летняя резиденция французских королей и любимое место императора Наполеона и его семьи. 50 километров до Парижа! А еще – в 1809 году папу римского Пия VII по приказу Бонапарта вывезли из Рима, и вскоре он оказался гостем поневоле в Фонтенбло. Вероятно, желание освободить мятежного pontифика наряду с прочими соображениями двигали Александром I, когда он вызывал Платова в штаб-квартиру в Лангре и отдал ему устный приказ посетить Фонтенбло. Да не одному, а с 3 тысячами казаков. Детали плана Платов уточнил у Барклая-де-Толли. Прежде чем наведаться в Фонтенбло, Матвею Ивановичу предстояло разобраться с крепостью Намюр. Но как, если под рукой только всадники да одна казачья батарея из шести орудий? Крепостные стены должна брать пехота...

Придумали следующее: едва стемнеет, зажечь в окрестности множество костров, чтобы не-приятель на стенах думал, будто Намюр штурмует целая армия. Потом, выпалив все заряды, пробить в стенах бреши, поджечь въездные ворота и пустить туда спешенных казаков. Так и сделали. К утру гарнизон сдался. Комендант крепости не удергался и полюбопытствовал, где же пехота, столь славно взявшая крепость. Потому как видел вокруг исключительно верховых. Ну, ему Платов и объяснил. А дальше было еще веселее. Можно только догадываться, о чем подумали жители городка и слуги дворца Фонтенбло, когда утром по камням мостовых застучали копыта казачьих лошадей. На территорию дворца вышли после смешной перестрелки с охраной, но задание императора выполнить не уда-

лось: Пия VII из Фонтенбло уже некоторое время, как увезли. На Париж Платов не пошел. Хоть и «атаман-вихорь», но генерал мудрый. Понимал, что Париж ему, пожалуй, не взять.

С ПЕРЕМЕННЫМ УСПЕХОМ

Пока Блюхер приходил в себя, Наполеон решил заняться Главной армией Шварценберга, также растянувшего свои корпуса вдоль коммуникаций. Весь февраль и начало марта дрались то тут, то там. И в очередной раз надо отдать должное французам: уступая в численности и качестве войска, в артиллерию, они сражались здорово и нередко с успехом. Иное, что для решающих сражений возможностей у Наполеона очевидно не хватало. Хотя если он сумел-таки навязать генеральное сражение армии Шварценберга, то неизвестно, чем бы все кон-

«времяпрепровождение» было довольно любопытно для парижан. Казаки любили петь около костров, плясать и... купаться голышом в Сене, где заодно купали и своих лошадей. Статные фигуры, необычная внешность, красивые голоса, непривычная амуниция – этого было вполне достаточно, чтобы парижанки искренне заинтересовались этими северными «варварами». Правда, «варварами» их называли до вступления в Париж, а потом очень трудно было употреблять это слово по отношению к военным, чьи командиры блестяще говорили на французском языке.

Приняв первую делегацию горожан, Александр I сразу успокоил весь город, заявив, что у него был один враг – Наполеон, а французов он считает своими друзьями. Красавец-император на белой лошади, в шляпе с великолепным белым плюмажем, не причинивший городу ни малейшего вреда, – о таком имидже можно только мечтать. После того как город остался нетронутым «захватчиками», все так расчувствовались, что даже цветочницы начали продавать букеты, в которых название каждого цветка начиналось на одну из букв из имени «Александр».

Остаться любимым иностранным императором в глазах французов Александру I помешало доверие советам Талейрана, в чьем особняке он даже сначала поселился. Тот упорно уверял российского самодержца, что Франция мечтает о реставрации Бурбонов. А ведь сам Александр больше склонялся к тому, чтобы отдать престол трехлетнему сыну Наполеона Бонапарта, а регентшей сделать его мать – австрийскую принцессу. Талейран же, в немалой степени

обязанный своей карьерой и состоянием Наполеону, очень быстро отрекся от прежнего хозяина и предал его. Это для него было не впервые: «В политике нет убеждений, а есть только обстоятельства». Александр I поверил человеку с таким политическим подходом и помог Бурбонам вернуться к власти. Последующее их правление оказалось крайне неудачным и к тому же перечеркнуло и то восторженное отношение, которое французы начали испытывать к личности Александра I весной 1814 года.

Новый Бурбон, Людовик XVIII, воцарился в начале мая, а пока, во время православной Пасхи, Франция даже еще не знала, кто будет ею управлять. Александр пообещал принять решение французов, чем вызвал их ликование, однако предоставил Талейрану полную свободу действий. Тот созвал Сенат, Сенат сформировал Временное правительство, которое Талейран и возглавил – чего уж было мечтаться? А Временное правительство привело к власти Бурбонов. К слову, Талейран сумел использовать с выгодой для себя и тот факт, что в Париже российский император первый визит нанес ему. Он сразу же сообщил, что именно благодаря его усилиям город не был разграблен.

Пока одни плели политические интриги, русские военные обживали город. Осталась масса воспоминаний офицеров, самая малочисленная часть из которых стремилась не пропустить ни одной достопримечательности; другие отдавали предпочтение театральным постановкам и ресторанам, а трети активно заводили романы с парижанками. Чем не нынешние туристы? Тем более что и деньги, благо-

чилось. Уж больно стеснитель- но вел себя австрийский фельдмаршал в эту кампанию. Как, впрочем, и в другие. Медлительность, бесконечные отходы и отступления – вот избранная им тактика. Видя, что Шварценберг пятится, Наполеон решил оставить против него заслон из 40 тысяч солдат маршалов Макдональда и Удино. А сам с 35 тысячами ринулся в сторону Реймса, где обретался энергичный Блюхер. Бонапарт рассудил правильно: удастся добить пруссака – Главная армия осторожного Шварценберга хлынет за Рейн. И тогда можно двинуть, например, в Голландию, где по крепостям и гарнизонам было разбросано до 50 тысяч французских солдат.

Предвидя подобный вариант развития событий, император Александр и прусский король Фридрих-Вильгельм, находившиеся при Главной армии, настояли на военном совете. Его

результатом стал ультиматум австрийскому военачальнику: либо он прекращает отход, либо государи вместе с русской гвардией покидают Главную армию и идут к Блюхеру. Австрийцу ничего не оставалось, как остановиться. Тут-то, у реки Об, к нему и подоспели французские маршалы. 15 (27) февраля грязнуло сражение у Бар-сюр-Об. При почти равных потерях в итоге боя французы решили отойти и перекрыть дорогу на Труа. Оказалось, что и Главная армия способна привести противника в чувство. Правда, непосредственно на поле боя этим по обыкновению занимались большей частью русские полки. А Шварценберг, видать, чувствовал неладное: у Бар-сюр-Об получил контузию. Ранен был и наш «спаситель Петербурга» граф Петр Витгенштейн. Крупные дела случились и у Блюхера. 23 февраля (7 марта) на Краонских высотах в тре-

угольнике между Ланом (Лаоном), Реймсом и Суассоном в 100 верстах от Парижа и 25–26 февраля (9–10 марта) у города Лан. Сражение при Краоне считают одним из самых жестоких за всю кампанию. Хотя число сражавшихся едва превысило 45 тысяч с обеих сторон, потери в относительных цифрах были громадны. В двух русских дивизиях под командой генерала Михаила Воронцова – 5 тысяч убитыми и ранеными из 15 тысяч. У французов из 30 тысяч было 8 тысяч.

Четыре русских полка получили за этот бой Георгиевские знамена. Но особенно хорош был Ширванский пехотный полк под началом генерал-майора Федора Зворыкина (Зварыкина). Будучи окружеными французской кавалерией и расстреляв все патроны, ширванцы пошли в штыки. И пробились к своим, вынеся из боя не только раненых солдат и офицеров, но и погибших

даря щедрости императора, во- дились. Однако к Пасхе все готвились всерьез. На Страстной неделе пришло сообщение об отречении Наполеона Бонапарта, что Александр I воспринял как новое подтверждение своей божественной миссии.

Пасху решили торжественно отметить на нынешней центральной площади Конкорд, которая тогда носила имя Людовика XV. Правда, во время Великой французской революции ее переименовали, назвав, недолго думая, площадью Революции. Именно здесь в числе полутора тысяч гильотинированных простились с жизнью Людовик XVI, а спустя несколько месяцев – и королева Мария-Антуанетта...

Помост для православного пасхального богослужения возвели как раз на том самом месте, где и стояла печально известная в истории гильотина. В то время в Париже не было ни одной православной церкви, а за две-сти лет появилось около десятка.

Рядом с этой площадью и находится особняк, принадлежавший Талейрану, в котором поселился рос-

сийский император. Конечно, Александр I мог выбрать любой дворец, но он специально решил не походить на «бездонного выскочка» Бонапарта, который в покоренных европейских городах всегда стремился занимать самые роскошные дворцы. По удачному замечанию французского историка Луи-Адольфа Тьера, российский император стремился «победить великодушием».

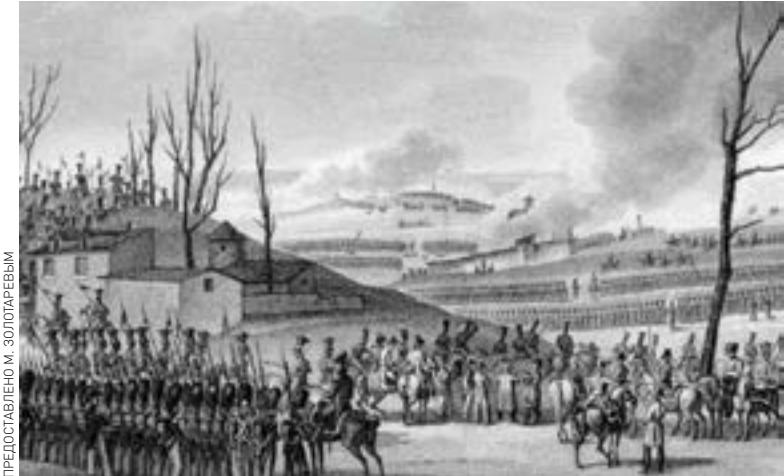
Ему это удалось. Хотя иногда очень странно получать комплименты в великодушии от людей, не отличавшихся особой щепе-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Париж.
Дом Талейрана,
где остановился
император
Александр I.
С литографии
того времени

тильностью. В частности, Александру I был очень благодарен генеральный директор музеев, собиратель нынешнего Лувра месье Денон, за то, что русские не разграбили музей и не увезли из Парижа ни одной картины. Стоит, правда, напомнить, что Наполеон брал с покоренных стран контрибуцию в виде произведений искусства, а отбирать их и помогал барон Денон. Получается, он особо не задумывался о моральной стороне пополнения столь дорогое его сердцу музея, но страшно переживал – а вдруг «оккупанты» все заберут себе? Хотелось бы, конечно, быть уверенными, что все нынешние парижане, гордящиеся Лувром, ценят беско-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ротных и батальонных командиров. Блестяще билась, прикрывая отход пехоты, кавалерия под командой генерал-лейтенанта Сергея Ланского и генерал-майора Сергея Ушакова 2-го. Для обоих Сергеев сражение при Краоне стало последним. Пока воронцовцы дрались на этих высотах, Блюхер отвел основные силы к городу Лан. Там-

то и произошло сражение, которое переломило ход всей кампании. Наконец-то и прусский фельдмаршал блеснул мастерством. Уяснив, что основные силы Наполеона и самый многочисленный корпус, маршала Мармона, разделены непроходимой топью, Блюхер нанес мощный удар по солдатам последнего и полностью разгромил его.

Сражение
при Краоне
7 марта
1814 года.
Гравюра

Причем сделал это, упредив Бонапарта на один день. Посему атаки французов на Лан оказались непродуктивными, и император Франции предпочел удалиться. Он понимал, что в открытом бою с Блюхером не спрятаться, и решил вновь потрепать Главную армию Шварценберга, медленно наступающую на Париж. Потрепать удалось. Да так, что был наголову разбит корпус графа Эммануила Сен-При, роялиста, эмигрировавшего из Франции по причине разразившейся Великой революции. Наполеон разбил его корпус у Реймса и оказался, таким образом, в тылу у союзников. Зная об излишней осторожности австрийцев, решился на хитрый ход. Пока те угрожают его столице, он двинет на их территорию. При таком раскладе, мыслил Бонапарт, враг развернется на восток – к Рейну – для преследования. Но тут, похоже, чутье ему изменило.

рыстие русских военных, но приходится констатировать, что этот факт остался только в памяти дотошных историков. Зато они же не преминули отметить, что русские казаки переловили в прудах королевского замка Фонтенбло под Парижем всех тамошних огромных карпов, которых, видите ли, не трогали со времен Генриха IV. Что поделаешь, знаменитая на всю Европу французская мелочность дает о себе знать. Французы оставили после себя в России сожженные и разграбленные деревни, а русские не оставили после себя в Париже даже долгов! Граф Воронцов, когда последние войска покидали Францию, заплатил за всех долги, чтобы никто не мог сказать, что русские военные поступили бесчестно. Для этого ему пришлось продать имение Круглое, которое ему досталось от Екатерины Дашковой.

Парижане недолго хранили благодарность русским войскам. Последующее недовольство Бурбонами перечеркнуло все фантастически корректное поведение русских военных в Париже. Пожалуй, в истории просто невозможно найти примеры другой такой тактичной «оккупации», если, конечно, не брать в расчет случаев, когда города сами сдавались на милость победителя.

Двести лет назад Париж впервые тесно познакомился с русскими, а россияне – с французским стилем жизни. Пройдет чуть более десяти лет, и на Сенатскую площадь выйдут декабристы, которые захотят превратить Россию в Европу. А пока, напомним, в 1814 году оставалось еще почти полвека

до отмены крепостного права. И, наверное, трудно осуждать первых русских «невозврашенцев», которые остались крестьянствовать во Франции на радость француженкам, потерявшим своих мужей в наполеоновских походах...

А еще от двухмесячного русского присутствия в Париже осталась легенда о том, что именно голодные казаки, которые просили обслужить их «быстро-быстро», и способствовали появлению названия для французских кафе – бистро. На стене ресторана «У матушки Катерины» на монмартрской площади Тертр (парижском предместье тех лет) висит табличка, что именно здесь 18 (30) марта 1814 года русские казаки впервые и потребовали их «быстро» обслужить.

Что тут сказать? Можно только порадоваться за отличный маркетинговый ход, который пришел в голову владельцу этого ресторочка, попавшего теперь во все туристические справочники. Сейчас уже невозможно проверить, правда ли то, что именно здесь первый раз прозвучало слово «быстро». Нам, русским, в любом случае эта легенда очень приятна. Но, как всегда, вмешались историки и начали утверждать, что «бистро» никакого отношения к русским казакам не имеют. И если уж к ним прислушаются и перечеркнут эту легенду, то тогда хотелось бы, чтобы из запасников истории французы достали подзабытые ими факты о самой мирной, самой дружеской и самой жизнерадостной оккупации, которой подвергся Париж двести лет назад.

ДВОЙНОЙ ФЕР-ШАМПЕНУАЗ

Силезская и Главная армии поспешили к Парижу. Причем впервые оказались очень близко друг к другу. Помогли дороги, сходящиеся к французской столице от Витри и Суассона. Встреча союзников между собой, а за одно и с французскими частями Мармона, Мортье, Пакто и Аме общей численностью 22–25 тысяч, произошла у деревни Фер-Шампенуаз. Фактически одновременно произошли два боя. В одном Мортье с Мармоном напоролись на 14 кавалерийских полков, к которым шедший с колоннами неподалеку Михаил Барклай-де-Толли отправил еще четыре полка русской гвардейской кавалерии. Это не считая атакующей союзной пехоты и артиллерии.

Пакто и Аме повезло еще меньше. Разобратясь с ними взялись кавалерийские группы генералов Корфа и Васильчикова, к которым вскоре присоединились русская и прусская гвардейская кавалерия под началом русского императора, прусского короля и фельдмаршала Шварценберга.

В общей сложности на французов обрушилось более 12 тысяч всадников. Если Мармон с Мортье потеряли изрубленными 5 тысяч и отступили в полном беспорядке, то Пакто и Аме лишились почти всего личного состава, а сами попали в плен. Этому сражению не найти аналога в истории войн XIX века. По той причине, что не было случая, когда такая масса конницы, подкрепленная внушительной ар-

тиллерией, пробивавшей проходы в каре в упор, встретилась с пехотой противника в открытом поле. Положение французов усугубил начавшийся ливень, намочивший ружейные заряды. Когда каре Пакто были прорваны и бой превратился в избиение, Александр I вынужден был сам броситься на коне в рубку, чтобы остановить побоище. По другим сведениям, император сражался как простой эскадронный командир, вместе с лейб-гвардейскими казаками, составлявшими его конвой. А уж жалость к поверженному врагу испытал несколько позднее, когда увидел, как его кавалергарды топчут копытами коней деморализованных французских пехотинцев.

Французы потеряли в этом двойном бою свыше 11 тысяч человек. Дорога на Париж была открыта.

ПАРИЖСКАЯ ВЕСНА

Падение, взятие, захват, покорение... В русском языке достаточно пограничных слов, чтобы обозначить то, что случилось с французской столицей и самой наполеоновской Францией. Но есть еще одно слово, правда не-русского происхождения, полностью отвечающее смыслу случившегося, – капитуляция. Она была подписана в третьем часу ночи 19 (31) марта 1814 года маршалом Мармоном. Но все было не так просто, как может показаться на первый взгляд. Артиллерийскую канонаду в Париже жители услыхали еще за пять дней до сдачи города. Вла-

В.Ф. Тимм.
Сражение при
Фер-Шампенуаз
25 марта 1814
года

сти утешали их тем, что это идут учения французских войск. Когда 17 (29) марта в городе появились беженцы, парижан уверяли в том, что приближается лишь авангард союзников от силы в 30 тысяч штыков и ему будет дан отпор. Но на следующий день говорить уже было не о чем. Союзные войска взяли северо-восточные предместья, в частности Монмартр и Бельвиль. Жерла орудий огромной армии были направлены на парижские кварталы. В надежде избежать лишней крови Александр I вместе с доверенными лицами составил петицию к жителям французской столицы, уже готовым к той части, что постигла москвицей в 1812 году. Вот ее текст:
«Жители Парижа! Союзные войска пред вратами Парижа. Они пришли к столице Франции с тою уверенностью, что могут теперь совершенно и навсегда примириться с сим государством. Двадцать лет Европа плавает в крови и слезах. Все старания положить конец толикум бедствиям были бесполезны: непреодолимое препятствие к миру полагает тот, в чьих руках теперь верховная власть, под тиранством которой вы воздыхаете. И нет ни одного француза, кто бы не был в том внутренне удостоверен. Союзные государи искренно желают видеть во Франции такую верховную власть, с которой могли бы все народы и все правительства вступить и пребывать в прочном и надежном согласии...»
Наполеоновский маршал некоторое время покочевряжался,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

выторговал дополнительные условия по части выхода его войск из столицы, но в основном с союзными императорами согласился. И сдал город.

Навскидку все выглядят элегантно и естественно. Но за этими ощущениями – более 8 тысяч погибших солдат и офицеров союзной армии, три четверти которых – русские подданные. Иными словами, пока наверху договаривались, внизу дрались в кровь.

Бытует мнение, что 19 (31) марта в Париж войска союзников вошли парадным строем. Сразу и без всяческой подготовки. На самом деле чуть загодя в город выдвинулся отряд принца Евгения Вюртембергского, в голове которого шли музыканты Волынского полка. Его частенько путают с волынцами лейб-гвардии, но на самом деле это полки-тезки. Один – гвардейский, старшинства от 1817 года, другой – обычный армейский, получивший позже номер 57. Так вот, музыканты этого другого, входившего во 2-й пехотный корпус принца Евгения, и протоптали дорожку в столицу мира. Что вполне справедливо: именно люди Вюртембергского первыми вступили в бой на окраинах города, миновав знаменитый Венсенский лес.

А уж потом в Париж парадным шагом двинулась элита армий.

В отличие от пустой Москвы, столицу расстроившую Наполеона, русского государя и прусского короля встречали десятки тысяч парижан, облепивших улицы, а также балконы и крыши домов. От природы тактичный Александр I во главу колонн согласился пустить пруссаков, а уж потом – русскую гвардию. Но даже если бы русские шли в колоннах последними, они бы интересовали парижан первыми. И не только удалые странного обличья казаки, но и сам русский император. А он охотно, не боясь толпы, откликнулся на самые разные предложения: посетил Лувр, Тюильри, Дом инвалидов, Монетный двор и даже лечебницу для дам, потерявших рассудок из-за любви. Настоятельница заведения осмелилась сообщить царю свои соображения о том, что после вступления Русской армии в Париж число ее постояльцей резко увеличится. Как в воду глядела: парижанки от русских офицеров сходили с ума.

Среди прочего Александр Павлович отказался от предложения немедленно переименовать Аusterлицкий мост. По его мнению, вполне достаточно, если потомки будут знать, что он пересек этот мост через Сену во главе собственных войск.

Также во главе собственных войск оказался в эти дни и На-

полеон Бонапарт. В Фонтенбло, куда он пробрался из тыла союзных армий, скопилось более 50 тысяч еще верных ему солдат. Но мнение солдат – ничто по сравнению с точкой зрения маршалов. А эти господа решили, что с войной пора кончать. Тем более что нужно было думать о завтра, которое неминуемо наступит с приездом в Париж графа д'Артуа, брата будущего короля Людовика XVIII Бурбона, для согласования всех вопросов, связанных с возвращением династии на престол.

Впереди было многое. Недели пребывания в покоренной Франции для десятков тысяч русских воинов, а для некоторых – солдат из оккупационного корпуса графа Воронцова – и годы, вплоть до 1818-го. Марш русской гвардии в порт Шербур, морской переход в Британию и отмененный парад на Пикадилли по причине ревности к Александру Павловичу английского короля Георга III. Ссылка Наполеона на остров Эльба под присмотром донских казаков. Праздничное возвращение войск столично-го гарнизона в Петербург через специально построенную арку Нарвских ворот. Тяжбы дипломатов по поводу переустройства Европы. Наполеоновские Сто дней, суть попытка-агония Бонапарта вернуться к власти, и завершившая их битва при Ватерлоо. Феноменальный парад 150-тысячного русского войска в шампанском городке Верту 29 августа (10 сентября) 1815 года...

Советский бард-геолог Юрий Кукин по совершенно другому поводу пел когда-то: «Ну, что, мой друг, свистиши? Мешает спать Париж?...» Что тут скажешь. Не то чтобы мешает, но ведь не Эйфелевой башней единой. Все кажется, что мы наступившее 200-летие масштабного посещения великого города отмечаем в случайном бистро на обочине. Ну, кофе там и эти, как их... круассаны. ☺

ПЕЙЗАЖИ И ПАМЯТНИКИ

АВТОР

МИХАИЛ ГЛИНКА

ПРАДЕДАМ НЫНЕШНЕГО ПОКОЛЕНИЯ ВЫПАЛО ЖИТЬ
В ПОРУ СОЦИАЛЬНЫХ ВОДОВОРОТОВ. ПЛОХО СПАЛОСЬ
ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917-ГО, БЕЗ СОМНЕНИЯ, ВСЕМ, НО ВЗЯВШИМ
ВЛАСТЬ, КОНЕЧНО, В ОСОБЕННОСТИ – ПРОТИВОСТОЯЩЕЕ ИМ
ХОТЬ И ПОВАЛИЛОСЬ, НО МЕРЕЩИЛОСЬ ОТОВСЮДУ.

БЕЗМОЛВНЮЮ, ХОТЯ одновременно и кричащую роль в этой двоящейся действительности играла, в частности, прежняя топонимика. Названия многих улиц и площадей, еще недавно произносимые ровным голосом, вдруг – словно кто-то вывернул их наизнанку – стали сатирическими, возмутительными. Новая власть, прикладами вытолкавшая ту, которая сама назвала себя временной, уже никому свое место не обещала. Полетели приказы, предписания и – угрозы. Приказы и предписания были новыми, но адреса – власть скрипела зубами – по всей бескрайней стране еще прежними. Особенно нетерпимой была концентрация этих говорящих названий в Петрограде. Главный вокзал продолжал оставаться Николаевским, театры – Мариинским и Михайловским, памятник номер один – Александровской колонной. Печать ненавистного вчерашнего дня лежала на всем огромном городе – с его кавалергардскими казармами, Конногвардейским бульваром, Шереметевским и Юсуповским дворцами, придворным конюшенным ведомством. Двуглавый орел, где незримый, а где так и с нагло растопыренными крыльями, продолжал маячить не только в городе, но и в дворцовых пригородах. Царское Село, Александровка, Петергоф и Павловск самим звучанием названий, не говоря уже о том, как назывались их улицы и парки, окружали город часовыми прежних хозяев.

ЗРИТЕЛЬНЫЙ РЯД

В марте 1918 года, когда фронтовая полоса угрожающе приблизилась к Петрограду, правительство Ленина переместилось в Москву. Переезд носил характер сверхсекретной операции. Ехали тремя поездами, второй из которых – с единственным спальным вагоном в середине состава – грузился в темноте на заброшенных в пригороде запасных путях. Но как ни секретна была подготовка, зыб-

кость новой власти обнаружилась уже вскоре – между правительственными поездами удалось вклиниваться огромному составу, набитому вооруженными дезертирами. Выручила, как и в ряде других случаев, личная охрана Ленина. На станции Малая Вишера, где поезд с Лениным встал параллельно поезду дезертиров, латышские стрелки выкатили на площадки вагонов пулеметы. Дезертиры сдали оружие.

Этот железнодорожный эпизод не имел отношения к вопросам изменения городских названий в Петрограде. Также не имели к этому отношения ни убийство в августе 1918 года председателя Петроградской ЧК Урицкого (в один день с покушением на Ленина в Москве), ни объявленный после этого красный террор. Но задача страховки от грозящих отовсюду опасностей вставала перед новой властью все острей. Для питерских же ее представителей в городе, где оставался весь ступок состава управления прежней империи, задача эта удесятерялась. К тому же Петроград, перестав быть столицей, команды получал из Москвы. Команды все больше

Так выглядели
Дворцовая
площадь и
Александровская
колонна в конце
XIX века

напоминали окрики. По всем этим причинам объявленный декретом красный террор в Петрограде был особенно кровавым. Приказы, летевшие из Москвы, предписывали вовлекать в действия властей и широкие массы трудящихся. Подобные мероприятия могли проводиться лишь на площадях. Вопиющим при этом было сохранение в центре города – там, где могли поместиться огромные массы народа, – старых названий.

Главным из таких мест в Петрограде была, конечно, Дворцовая площадь. И первая попытка перевести ее в новую действительность была сделана вскоре после того, как площадь стала называться именем Урицкого. Арка Главного штаба превратилась в Арку Красной армии. Еще ранее переименовали и Зимний дворец. На первых порах он получил название «Народный дом». Многие из новых его хозяев провели предыдущие годы в окопах и теперь тушили цигарки о подоконники. В одном из залов стояла огромная каменная ваза, к борту которой была прислонена стремянка. На ступеньку этой стремянки, по слухам, шагнул побывавший во дворце Горький и заглянул в вазу. Знаменитые брови Буревестника революции взметнулись. Вскоре «бушлаты, шинели, тулуны» были из дворца удалены, «Народный дом» переименовали во «Дворец искусств», и в нем был размещен Музей революции.

Но в центре площади продолжала царить триумфальная колонна с навершием работы Бориса Орловского. Никакого нового названия колонне было не подобрать. И почти с 50-метровой высоты в окна дворца продолжал глядеть попирающий змия почтенный бронзовый ангел. В руке ангела был крест, другая рука указывала на небо. Какими бы атеистами ни были обитатели «Народного дома» и Музея революции, такой зрительный ряд удовольствия им доставлять не мог. Надо было что-то делать.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОДЪЕМНЫЙ КРАН И АЭРОСТАТ

Первой попыткой расправиться с ангелом было появление на проезжей части бульвара Профсоюзов (Конногвардейском) подъемного крана. Его то в вертикальном положении, то плашмя тащили тракторами с судостроительных заводов левого берега устья Невы. О трудностях такого перемещения можно лишь догадываться. Мешало все – трамвайные провода, рельсы, ветви деревьев над проезжей частью. За продвижением железного жирафа прямо к нему наблюдал, вероятно, кораблик с «Адмиралтейской иглы» и, должно быть, молился о том, чтобы на пути чудовища встало какое-нибудь не преодолимое препятствие. Молитва, надо думать, была услышана, поскольку кран завалился набок, не добравшись даже до площади Декабристов (Сенатской). Проблемы, связанные с его реэвакуацией, сняли вопрос о выполнении первоначального намерения. Возможно, частичной компенсацией за эту неудачу явилось то, что еще на самых ранних стадиях новой власти на Манежной площади был уничтожен конный памятник великому князю Николаю Николаевичу. И хотя ангел на колонне продолжал колоть глаза петроградским властям, для того чтобы демонтировать на такой высоте подобного размера скульптуру, требовалась грандиозная инженерная операция. А значит, и деньги. Но в фокусе внимания теперь была Москва, безвозвратные архитектурные потери которой с 1920-х годов исчисляются, как мы знаем, не отдельными памятниками, зданиями или даже улицами, а целыми архитектурными массивами. В Питере же со средствами было тугу. Однако народ требовалось развлекать, и как-то (июль 1924 года) на площади Урицкого, расчлененной в клетку, была организована в выходной день игра в живые шахматы. Два высококлассных шахматиста сидели

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С помощью такой трибуны замаскировали памятник Александру III. Петроград, площадь Восстания. 7 ноября 1919 года

за доской на возвышении, а живые фигуры – красноармейцы и матросы (ладью, к примеру, представлял целый орудийный расчет) – дублировали, перемещаясь, их ходы. Билеты на трибуны стоили 50 копеек. Игра, длившаяся пять часов, закончилась, разумеется, вничью.

Не исключено, что ангел, колonna, как и вообще немалая часть петроградской архитектуры и городской скульптуры, избегли уничтожения в первые послереволюционные десятилетия именно по причине скучности отпускаемых городу средств... Следующая попытка хоть как-то изменить вид центральной, теперь уже не петроградской, а ленинградской площади была предпринята в 1925 году. В один из осенних дней отряд красноармейцев пешим порядком провел по Республиканскому (Дворцовому) мосту подтянутый почти к земле фронтовой аэростат, сохранившийся после германской войны. Шествие направлялось к площади Урицкого. Кучка зевак, хвостом сопровождавшая процессию, на площади быстро выросла в зна-

Эскиз оформления площади Урицкого к празднованию 7 ноября 1918 года. Художник Н. Альтман

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

чительную толпу. Зрешище предстояло не из рядовых. Переクリкивались красноармейцы, вразнобой тянувшие веревки аэростата с разных сторон Александровской колонны. Скоро стало понятно, что скульптуру на верху колонны пытаются закрыть брезентовым полотнищем и обмотать веревками. Тем самым получалось бы некое подобие чехла. Но порывы несильного ветра не давали установить аэростат неподвижно. Корзину под аэростатом раскачивало и несло то в одну сторону, то в другую. Развернуть брезент в корзине было негде, а спущенный за борт его край начал сразу же полоскаться на ветру. Веревки опасно цеплялись то за крыло ангела, то за крест. К тому же, как ни велико было полотнище, оно оказалось недостаточного размера. Попытки закрепить его на фигуре ангела продолжались несколько часов. Ничего не выходило... Изнемогли все – и те, кто был в корзине, и те, кто пытался управлять передвижениями аэростата с земли. В конце концов при очередном порыве ветра корзину сильно качнуло, брезент не смогли удержать, и под насмешливые возгласы толпы он, как огромный осенний лист, приземлился невдалеке от колонны. Ангел с крестом пристально и неустанно продолжал глядеть в окна дворца...

Шел конец 1920-х годов. Иногда казалось, что о планах относительно Александровской колонны стали забывать, но после того, как с легкостью превращался в груду обломков очередной памятник, становилось ясно: вопрос лишь в том, какой у самой большой в мире колонны номер в печальной очереди. И, словно бы в компенсацию за промедление с уничтожением Александровской колонны, в 1930 году была снесена другая, воздвигнутая также в ознаменование военной победы. Это был памятник «Воинская слава» (архитектор Д.И. Грибман), сборная металлическая колонна из трофейных турецких пу-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

шек, стоявшая в Ленинграде перед Измайловским собором. Злободневность уничтожения именно этой колонны диктовалась, вероятно, необходимостью реверанса в адрес Турции, куда с визитом отправлялся Климент Ворошилов.

К концу 1930-х могло показаться, что борьба с памятниками все же несколько поутихла, но в 1937-м, когда, несомненно, было и без того очень много неотложных дел, с глаз долой был убран высыпшийся на площади Восстания (бывшей Знаменской) конный памятник Александру III работы Паоло Трубецкого. В течение нескольких десятилетий мы, посещавшие Русский музей, могли, приникнув к щели в воротах, увидеть этот выразительнейший памятник, затиснутый в узкий хозяйственный двор. Впрочем, то была наилыготнейшая из политических ссылок. Безболезненно отстояться в музейном дворике, где никто не подойдет к тебе ни с молотом, ни с ножковкой по металлу, – разве это не лотерейный билет? Подвергнутый домашнему аресту Александр III и во время блокады Ленинграда был весьма квалифицированно храним музейщиками, а мешки с песком спасли его даже от залетевшего во дворик вражеского снаряда. Теперь конный Александр III уже, можно сказать, на поселении – он

стоит во дворе Мраморного дворца, одной из резиденций Русского музея. Это ли не завидная судьба? Вероятно, этот памятник (не как Александр III, а как необыкновенно емкое отображение в искусстве одного из периодов в истории России) терпеливо ждет того естественного хода вещей, когда на искусство мы наконец научимся глядеть как на искусство. Что бы мы сказали о венецианцах, если бы узнали, что они своего кондотьера Коллеони засунули в хозяйственный двор?

Возвращаясь к жизнеописанию Александрийского столпа, нельзя все же не увидеть, что чем больше проходило времени, тем все призрачней становилось решение о его уничтожении. Грандиозность столпа, трудно переносимая руководством города

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Игра в живые шахматы на площади Урицкого в июле 1924 года

в первые годы после 1917-го, со временем стала восприниматься совершенно иначе. Именно это качество – грандиозность, огромность – будто бы указывало на вероятное какого-то иного, не скоропалительного решения. Но времена отмены всего якобинского еще не пришло.

Вынося на суд читателя следующий сюжет, должен признаться, что хотя эта сага и излагается здесь сообразно рассказу много знающего музейного работника, но быть абсолютно уверенным в том, что на самом деле произошедшее было до мелочей именно таким, автор не может. Решительно отрицать, впрочем, нет оснований также. Послушайте, а мы (вы и я) уверены, что нам известны про блокаду все ее обстоятельства? Едва ли. И потому предварим следующий сюжет словом «якобы».

Так вот, в блокадную, осадную пору над Александровской колонной якобы опять нависла угроза. И речь теперь шла уже не только об ангеле с крестом, но и о полном уничтожении колонны. Мы говорим о тех месяцах осады, когда возникла непосредственная опасность, что город падет, и о том, что на этот случай внутри самого города должна была быть оборудована аварийная взлетная полоса. Документальных данных, подтверждающих, что план срочной эвакуации первых лиц города и командования фронтом разрабатывался, мы, естественно, не имеем. Такое если и расекретят, то не ранее, чем веке в XXII. Сейчас эта тема больная. Но со временем снятия блокады прошло уже семьдесят лет. И разве не пришло время сказать, учитывая все факторы фронтовой обстановки и соотношения сил по меньшей мере с осени 1941 до конца 1942 года, что такого варианта развития событий, как захват города противником, не могло не быть в стратегической разработке? Зачем бы тогда, если наперед было ясно, что город выстоит при любом штурме, увозили на Урал загодя все самое ценное из Эрмитажа? Давайте же

Трибуна у Александровской колонны на площади Урицкого, оформленная в виде «Корабля ВКП [б]». 7 ноября 1925 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нии в высокой архитектурной инстанции проекта установки статуи Ленина, о грандиозности какового сначала все говорили с понятным энтузиазмом, по рукам членов совета вдруг пошел неведомо откуда взявшийся листок с выкладками синоптиков. Выкладки языком цифр говорили о высоте характерной для Москвы облачности и о том, каковы ее нижние пределы. Из цифр следовало, что на Ленинских (Воробьевых) горах при проектируемой высоте фигуры в дни низкой облачности видна будет лишь ее половина, а именно нижняя. То есть, буквально, лишь штаны вою́дя пролетариата. Это был приговор. Члены совета мгновенно поняли, кому и чем более всего грозит низкая облачность.

Автор полагает, что весь приведенный выше эпизод, скорее всего, сплошной фольклор. Но пусть тогда свое слово скажут архивы. Хотя полагать, что в советское время (особенно с серединой 1950-х) они не подвергались (и не раз) целенаправленной приборке, предельно наивно. Но все же попытаться задать вопрос сохранившимся документам – не грех. Иначе рождаются мифы, подобные тому, который будет у нас в этой череде последним.

Вернемся в Ленинград начала 1950-х. Проект установить на Александровской колонне вместо фигуры ангела бюст или фи-

гуру И. В. Сталина вызвал на высоком художественном совете сначала общее воодушевление, а несколько погодя натуральный шок. Среди обсуждавших нашелся человек (к глубокому сожалению, мы не знаем имени этого скромного знатока городских ландшафтов Ленинграда), который сообщил, что на правом берегу Невы есть такие точки, из которых верх колонны виден отраженным в воде, при этом в безветренную погоду очень четко. Но ведь все присутствующие понимают, тихим голосом, как бы в неловкости от того, что взрослые дяди столь непонятливы, добавил этот человек, что изображение верха колонны при этом перевернуто... Мы не знаем реакции того или тех, кто считал, что очередная Сталинская премия у них уже в кармане. Но ангел, попирающий змия, был в очередной раз спасен.

К данному сюжету, как и к предыдущему, у самого автора также есть вопросы. Например, ему кажется, что в пору, о которой идет речь, никому бы в голову не посмело прийти предложить поставить бюст или памятник «знаменосцу мира» на какой бы то ни было постамент или пьедестал, служивший до того чему-либо другому... И второе – где эта точка на другом берегу, откуда видно отражение ангела? Не крыша ли Алексеевского равелина?

При всем том, однако, этот вызывающий сомнения сюжет, как ни крути, часть мифологии Дворцовой площади, и «благополучность» его исхода символична. А что говорит о популярности ярче, нежели сказка о том, что некто всегда выходит сухим из воды? В этом смысле наша колонна с ее ангелом и есть тот самый некто, то есть настоящий народный герой.

В то же время колонна наша – реальный, круглосуточно доступный обозрению монумент. И в отличие от горожан середины XIX века, не любившихходить через площадь из опасения, что колонна рискует упасть, нынешний петербуржец об этом давно не думает. И правильно. Летом 1942 года на площадь (тогда еще Урицкого) между Александровской колонной и садом упала тяжелая авиационная бомба, очевидно предназначавшаяся Республиканскому (Дворцовому) мосту. Взрывной волной были полностью высанжены все выходящие к площади окна Зимнего дворца, Главного штаба и Адмиралтейства. Очевидец пишет, что несколько дней затем эрмитажники сгребали в кучи-пирамиды осколки бледно-фиолетовых зеркальных стекол и грузили их на машины. Колонна же устояла.

Для ленинградца-петербуржца Александровская колонна – это и символ, и неотъемлемый атрибут-ориентир, а также нечто, воспринимаемое как созданное навсегда. Цельная, сплошная, каменная. Подробности того, как вырубали гигантскую призму из Пютерлакской гранитной скалы (между Выборгом и Фридрихсгамом), опрокидывали на мягкую и упругую подстилку из еловых лап, чем и как транспортировали, запечатлены в рисунках и на гравюрах. Доступно также узнать о количестве кабестанов и подсчитать витки троса, охватывавшие гигантский каменный столб, известны число солдат и рабочих, тянувших веревки, и список воинских частей, участвовавших в заключительном параде. Но спроси у случайно-

го встречного на улице, почему, как ему кажется, 14 декабря 1825 года войска были построены для присяги Николаю I на Сенатской площади, а не вокруг колонны на Дворцовой. И человек задумается. А действительно, почему? И девяти из десяти встречных (особенно, конечно, молодым) не придет в голову, что никакой колонны в 1825 году еще не было. Потому что для сегодняшнего жителя Петербурга Медный всадник, Адмиралтейство и Александровская колонна входят в набор того, что было всегда.

Происходящее с колонной и ее роль в жизни города уже давным-давно отделились от первопричины, ее породившей. И все больше новаций, все быстрее садится пыль на ставшее вчерашним даже недавнее прошлое, о котором, казалось бы, известно все. Но, видно, не все. Удивительно, говорят специалисты, как при имевшейся в 1830-х годах технике, возможно было изготовить ствол такой колонны со столь безупречной точностью. Колонну называли восьмым чудом света. Иностранцы приезжали увидеть колонну и отражение Зимнего дворца в ее зеркально отполированной поверхности.

НЕПРИКАСАЕМЫЙ АНГЕЛ

Существует, однако, еще один сюжет, без упоминания о котором закончить даже самый краткий очерк жизни колонны было бы неправомерно.

Уже через несколько лет после установки колонны, еще при Николае I, из-под бронзовой абаики (четырехугольная призма в навершии колонны) по гранитному стволу поползли вниз белесые известковые языки. Причин их появления понять не могли, и, хотя воздвигать леса было накладно, в 1862 году леса все же поставили, и со всех сторон абаики были спущены на коротких цепях небольшие бронзовы кольца. В эти кольца с земли стреляли из лука стрелой с шелковинкой. К шелковинке затем привязывали шнур, к шнур - веревку и т.д. - затем трос. На тросе к тому месту колонны,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Процесс вырубания заготовки для Александровской колонны из Пютерлакской гранитной скалы

которое требовалось отмыть, появлялась возможность поднять ремонтную люльку.

В 1990-х годах (в преддверии 300-летия Петербурга) непосредственно на крест, венчающий колонну, был высажен с вертолета (практически же - выпрыгнул) альпинист Роман Юрьев. С его помощью с навершия колонны были сброшены вниз веревки, позволившие подняться наверх специалистам, задачей которых было определить состояние бронзовой скульптуры. Осмотр засвидетельствовал вероятность близкой катастрофы. Во многих местах на бронзе были трещины и многочисленные поражения металла, связанные с коррозийной болезнью. Требовался незамедлительный ремонт, но по закону случайных (однако необыкновенно частых у нас) совпадений все средства, отпущеные на предъюбилейную подготовку города (в 2003 году - 300-летие Петербурга), были уже распределены. К тому же стояла зима. Утомлять читателя описанием, как все в конце концов утряслось, не станем. За дело взялись специалисты - колонну одели в леса.

Одним из первых объектов обследования была внутренняя полость абаики. Просверлили в медных листах покрытия абаики четыре маленьких отверстия и ввели внутрь «глаз» гибкого эндоскопа. Увиденное ужаснуло (журнал «Автобус» в №2 и 3 за 2004 год опубликовал статью Владимира Сорина, возглавлявшего верхолазов-реставраторов. - Прим. авт.). Низ абаики оказался заполненным пропитанной водой кир-

ничной кашей. То был известный всякому строителю результат многократного замораживания-размораживания промокшего кирпича. Тайна белесых потеков раскрылась. Груз, необходимый для устойчивости всего навершия, с течением времени, оказывается, все уменьшался, полтораста лет украшая верх колонны безобразными потеками. Абаку пришлось вскрыть, выгребать и вычищать из нее разными инструментами (вплоть до зубных щеток) кирпичную кашу (2300 килограммов) и срочно заказывать новый груз. Теперь это уже были особой формы самозаклинивающиеся гранитные призмы. Всесторонней реставрации бронзового ангела можно было бы отдать еще много страниц, если бы это не выходило за рамки задач нашей статьи. Однако не назвать здесь имена членов команды Владимира Сорина было бы просто несправедливо. Это Леонид Какабадзе, Константин Ефимов, Андрей Пошехонов и Петр Португальский.

Но почему все-таки внутри бронзы, гарантия стойкости которой измеряется веками, оказался бренный кирпич?

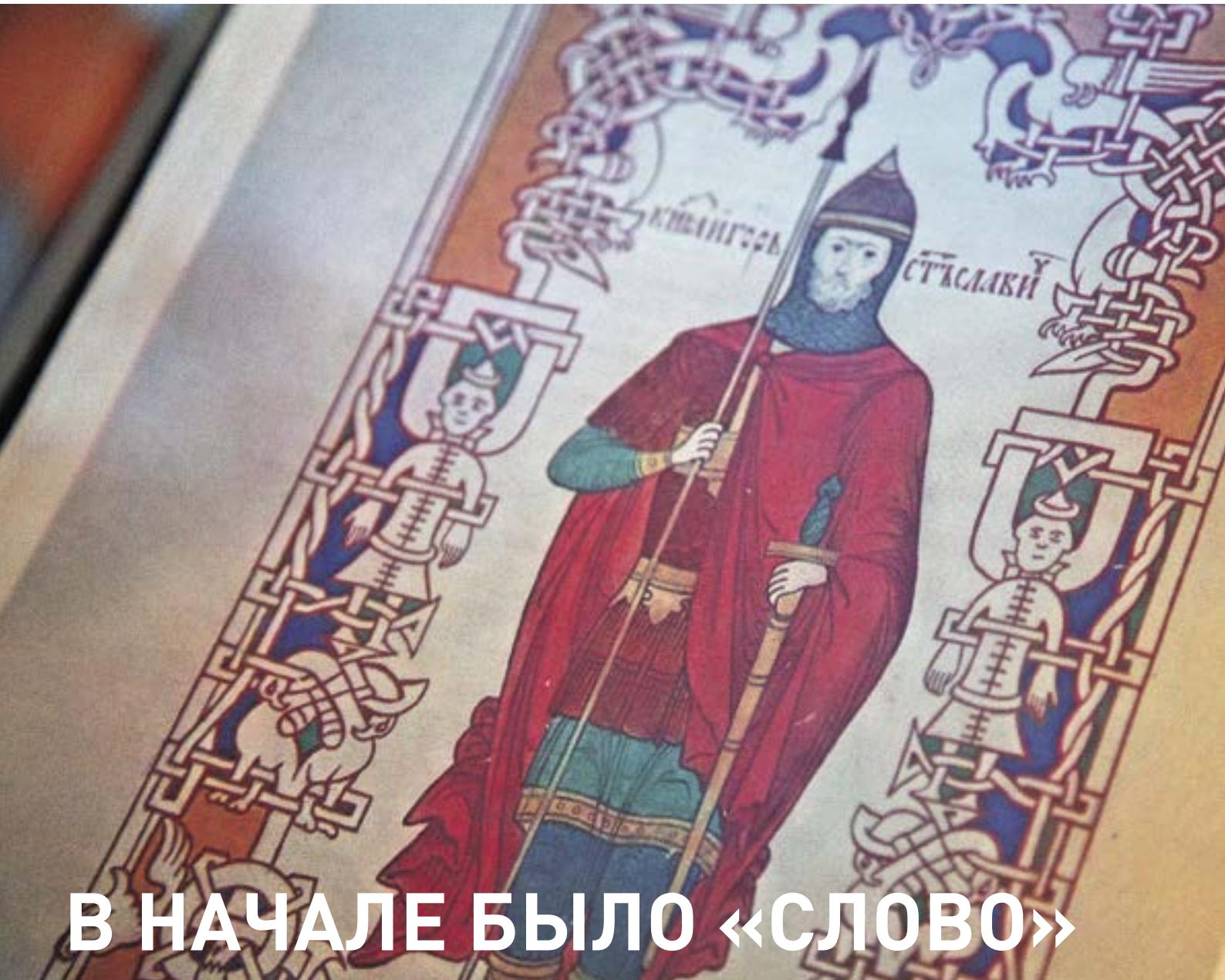
Причиной этой загадки была, очевидно, вспыхнувшая в начале 1830-х годов холера. От холеры слегли каменотесы, готовившие гранитные призмы для заполнения ими абаики. Монферран, докладывая Николаю I о не-предвиденной задержке, просил об отсрочке окончания работ. Но приглашения на торжество монархам всей Европы были уже разосланы. В изменении сроков Николай отказал. В параде, посвященном открытию памятника, приняло участие около 100 тысяч человек. Торжественный проход войск сопровождался пушечными выстрелами, барабанным боем, звуками Парижского марша. «Два часа продолжалось сие великолепное, единственное в мире зрелище...» - писал в своих воспоминаниях В.А. Жуковский. Но прошло несколько лет, и из-под навершия колонны по полированному граниту поползли белесые языки. Так продолжа-

Александровская колонна
на Дворцовой площади
Санкт-Петербурга.
Наши дни

лось почти полтораста лет. За это время пала императорская власть, потом власть Временного правительства, потом советская. Наступило новое время. Теперь идет самое новое... Успешная замена гранитными блоками разрушенного морозом и временем кирпича и ремонт бронзового ангела закольцовывают наш сюжет, приуроченный к началу четвертого столетия Санкт-Петербурга. Этими словами можно было бы все и завершить, согласившись, что почти у каждого сюжета, тяготеющего к драме, – будь то судьба отдельной души; либо дань, заплаченная за совершенство, – должны быть и драматические повороты. Драма, не раз готовая обернуться для зрителя трагедией, несомненно, ощущается и в истории нашей колонны.

Она ведь у нас не только монумент, но отчасти и нечто одушевленное, к тому же еще и явление – редкий пример троичности жизненной роли. Есть в ней приближенное к земле и есть тяготеющее к небесам. Верх и низ колонны, являясь единым, живут тем не менее разными жизнями. Парящий над городом не-прикасаемый ангел – не предмет, это – категория. И есть низ колонны – пьедестал. Пока не поставили часового, общедоступный. Его могут исписать своими каракулями молодые дикари, здесь улыбаются в небо влюбленные парочки. Тут как-то были установлены пряничного вида загородки зимнего катка, маскируясь за которыми осуществилось кучное нашествие вандалов с ножовками по металлу. И этим лихим ночным слесарям удалось (экспертиза марта 2008 года) отпилить от новенькой ограды колонны 28 орлов. Где теперь, по каким бараболкам и воровским загородным особнякам блуждают эти пленные птицы? Сюжет закончен, разобраны леса, перешли на другой объект реставраторы, вылечив глядящего в окна дворца бронзового ангела и унеся с собой особенный опыт и особенные воспоминания, такие, которых ни у кого, кроме них, больше нет...

В НАЧАЛЕ БЫЛО «СЛОВО»

АВТОРЫ

ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

...МЫ СТОЯЛИ У ОБОЧИНЫ, ОГЛЯДЫВАЯ ОКРЕСТНОСТИ И ДОСАДУЯ НА ВЫНУЖДЕННУЮ ОСТАНОВКУ. ТАКСИСТ, СПРЯТАВШИСЬ ПОД КАПОТОМ, КОПАЛСЯ В МЕХАНИЧЕСКИХ ВНУТРЕННОСТЯХ И УГОВАРИВАЛ СВОЙ СТАРЕНЬКИЙ АВТОМОБИЛЬ «НЕ ПОЗОРИТЬСЯ». БОЛЬШАЯ КРЫЛАТАЯ ТЕНЬ УПАЛА НА ДОРОГУ: В НЕБЕ НАД НАМИ ПЛАВНО СКОЛЬЗИЛА ХИЩНАЯ ПТИЦА. СДЕЛАВ КРУГ, ОНА ПОЛЕТЕЛА В ТУ СТОРОНУ, КУДА МЫ И ДЕРЖАЛИ ПУТЬ, – К НОВГОРОДУ-СЕВЕРСКОМУ.

—ЧЕГО ТАМ СМО-
треть-то? — по-
любопытство-
вал таксист,
справившись наконец с полом-
кой. — Монастырь да арка три-
умфальная. Что там интерес-
ного?

— Как же? А музей «Слово о пол-
ку Игореве»? — удивились мы.
— А есть такой? Слышал про эту
сказку, но сам не читал. Да и что
там осталось-то от этого... Иго-
ря? Он кто вообще был?
Оправившись от легкого шока,
мы постарались напомнить по-

томку жителей Черниговско-
го княжества славную исто-
рию этой древней земли и
рассказать о судьбе бедового,
но гордого князя Игоря Свято-
славича — главного героя уни-
кального памятника древнерус-
ской литературы.

Так выглядит
сегодня
Чернигов,
родина гордого
рода Ольговичей

МЯТЕЖНЫЙ РОД

Кажется, только в одном не повзло русской литературе: в Новое и Новейшее время не появились выдающиеся авторы, которые обратили бы свои взоры на историю средневековой Руси. Не родились у нас Вальтеры Скотты и Морисы Дрюоны. А будь иначе, возможно, не казалась бы нам столь запутанной корона генеалогического древа Рюриковичей. И выяснилось бы, что история княжеского рода по накалу страстей, низости и благородству поступков, верности и предательству, геройству и интригам ничуть не уступает истории королевских домов Британии или Франции...

И «Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова», которое мы называем «Словом о полку Игореве» или просто «Словом», вовсе не сказка, а поэма, повествующая о реальном эпизоде из истории Руси XII века. И не случайно в ее названии расшифровывается, о каком именно князе Игоре идет речь: понятие «род» для наших предков значило гораздо больше, чем для нас. Так какого же рода был князь Игорь?

...В феврале 1054 года в Вышгороде, в 8 верстах от Киева, умер великий князь Ярослав Мудрый. Его наследниками стали пять сыновей: старший, Изяслав, получил Киев, Святослав – Чернигов, Всеволод – Переяславль, Игорь – Владимир-Волынский, а Вячеслав – Смоленск. Игорь и Вячеслав вскоре скончались, и оставшиеся три брата привили Русью, объединившись в «триумвират Ярославичей». Они обновили законы, создав «Правду Ярославичей», вместе противостояли торкам и половцам, а также полоцкому князю-смутьяну Всеславу Чародею, победив его в битве на Немиге и заточив в Киеве в поруб...

Первая трещина в триумвирате появилась в 1068 году, когда дружины князей были разбиты на реке Альте ордой половцев хана Шарукана. Хан двинулся к Киеву, а спрятавшиеся там Изяслав и Всеволод отказались вооружить горожан для обороны. Киев восстал. Изяслав бежал, а вчe выпустило из поруба Чародея и провозгласило его великим князем. В этой тяжелой ситуации не растерялся только

прадед героя «Слова» – Святослав Ярославич, сумевший разбить половцев под Сновском, несмотря на то, что его дружина по численности втрое уступала орде Шарукана. К тому же, как утверждает Новгородская летопись, Святославу даже удалось взять в плен самого Шарукана. Между тем Изяслав уже шел с польскими войсками на Киев. Чародей бежал из столицы, и запаниковавшие киевляне призвали Святослава и Всеволода. Триумвират трещал по швам. Но обошлось без крови: после переговоров Киев вернули Изяславу, а Святослав получил вдбавок к Чернигову и Тмутаракани еще и Великий Новгород, где посадил своего сына.

Спустя пять лет после битвы на Альте триумвират распался: в 1073 году Святослав убедил Всеволода, что Изяслав замышлил извести братьев и плетет заговор с Чародеем. Всеволод поверил. Святослав захватил Киев, а Всеволод сел в Чернигове. Изяслав вновь бежал в Польшу. Именно этот момент и стал поворотным в судьбе династии Рюриковичей. Незаконный за-

хват Святославом власти в Киеве нарушил лестничную систему наследования трона и породил массу династических противоречий. После смерти Святослава в 1076 году Всеволод, во избежание смуты, вернулся Киев Изяславу, но было уже поздно. Сыновья Святослава стали князьями-изгоями, лишившись родного Чернигова. А после смерти последнего из «триумвирата Ярославичей», Всеволода, когда киевляне позвали на княжение его сына Владимира Мономаха, черниговский дом, возглавляемый неугомонным сыном Святослава Олегом, решил вернуть себе не только «отчину», но и киевский стол. Притязания Олега на Киев были, мягко говоря, незаконными, но ради достижения цели князь шел на любые интриги и союзы, включая договоры с половцами, которых он не раз «наводил» на Русскую землю. Видимо, из-за этого он и стал «Гориславичем» (то есть «сжегший, прожегший славу своих предков». – Прим. авт.), как называет его «Слово», уточняя: «Олег мечем крамолу коваше». Восемнадцать лет шла расправа Гориславича с дядьками, а затем и с двоюродным братом Владимиром Мономахом. Два раза он ненадолго занимал черниговский стол. Но после княжеского съезда в Любече в 1097 году и до своей смерти в 1115 году укрощенный Мономахом Олег сидел в своем уделе – Новгороде-Северском (Чернигов отошел его старшему брату, Давиду. – Прим. авт.). Открыто в княжеских распрах он не участвовал и упорно уклонялся от походов Мономаха на половцев. Оно и понятно: Гориславича с Дешт-и-Кыпчак (Половецкой землей) связывали не только союзные, но и родственные отношения. Вторым браком он был женат на дочери хана Осолука, а один из его четырех сыновей – на дочери хана Аепы. Это был Святослав Ольгович – отец героя «Слова о полку Игореве»...

Спасо-

Преображенский собор Чернигова, заложенный в XI веке, стал усыпальницей черниговских князей

Остатки

фундамента Спасского храма в Новгороде-Северском, построенного при жизни князя Игоря – героя «Слова о полку Игореве»

НЕИЗБЫВНАЯ ВРАЖДА

– Да тут дороги со временем того Игоря не ремонтировали! – злится таксист, когда машина в десятый раз за последние пять минут ухается в яму. Мы проезжаем центр городка, единственным украшением которого является конная статуя Игоря Святославича, грозящего мечом то ли давно сгинувшим половцам, то ли работникам дорожно-ремонтного управления. Машины, как и людей, немного, так что до южной окраины Новгорода-Северского добираемся быстро: именно здесь, в Спасо-Преображенском монастыре, располагалась резиденция новгород-северских князей. Согласно церковному преданию, этот монастырь был заложен то ли

Ярославом Мудрым, то ли его родным братом Мстиславом Лютым. Здесь же в начале XII века были построены деревянные Спасский собор и Михайловская церковь. А на рубеже XII-XIII веков, то есть во время княжения Игоря Святославича, на месте старого, деревянного, был возведен каменный Спасский храм.

– Скорее всего, из старого Спасского собора Игорь и уходил в свой знаменитый поход, – говорит экскурсовод музея «Слово о полку Игореве» Ирина Лобачева. – Ведь раньше без молебна и благословения такие важные дела не начинали.

Музей, расположенный на территории действующего Спасо-Преображенского монастыря, маленький, но очень уютный и гостеприимный. Удивляло нас только одно: пробыли мы в музее около двух часов и за все это время встретили еще только двух посетителей – земляков из Москвы...

Здесь, в резиденции новгород-северских князей, и родился Игорь в апреле 1151 года. Но не от половчанки, а от второй жены Святослава – некой новгородской боярыни. Как сообщает Новгородская летопись,

в 30-х годах XII века сын Гориславича, княживший тогда в Великом Новгороде, там и нашел вторую княгиню. Видимо, история была романтическая: князь

новгородский епископ Ниононт отказался венчать влюбленных, заявив: «Не положено ее тебе брать». Так что Святослав «венчался своими попами у Святого Николы». Не ясно, почему воз-

музей «Слово о полку Игореве» в Новгороде-Северском очень гостеприимный и уютный

ражал Ниононт. Возможно, первая княгиня была еще жива? А вот Василий Татищев со ссылкой на загадочную Ростовскую летопись уточняет, что князь в Новгороде женился на некой Петриловне, муж которой незадолго до того был убит дружинниками Святослава.

Во втором браке у князя родились три сына и три дочери, Игорь был предпоследним ребенком – младше его оказался только брат Всеволод, знаменитый Буй-Тур, прозванный так за отвагу и воинскую доблесть.

Можно не сомневаться, в честь кого получил свое имя будущий герой «Слова» – конечно, в честь родного брата Святослава Ольговича. Трагическая судьба Игоря Ольговича (в крещении Георгия; то же крестильное имя получил и герой «Слова». – Прим. авт.) заслуживает небольшого отступления.

Со смертью Гориславича черниговские князья не отказались от вражды с Мономашичами. Но, наученные горьким опытом, они теперь действовали осто-

музей расположены в отреставрированном княжьем тереме на территории Спасо-Преображенского монастыря

рожнее и хитрее, внося раздоры в родственный вражеский клан. Эта тактика принесла свои плоды: в течение XII века потомки Гориславича не раз оказывались на киевском троне, но в итоге всегда проигрывали потомкам Мономаха. В числе таких «счастливчиков» был и родной брат Святослава Ольговича – Игорь, правивший Киевом пару недель. Чтобы отстоять киевский стол, ему пришлось в 1146 году сражаться с Мономашем – Изяславом, сыном Мстислава Великого (брата Юрия Долгорукого. – Прим. авт.). Но в битве у Надова озера войска Игоря перешли на сторону Изяслава Мстиславича, что красноречиво свидетельствовало об

Памятник
Игорю
Ольговичу,
убитому князю-
иноку, поставлен
в Чернигове

Родословная
Игоря
Святославича,
представленная
в музее «Слово
о полку Игореве»

отношении киевлян к Ольговичам. Игорь был пленен, отвезен в Киев и посажен новым киевским князем Изяславом в поруб. Здесь он опасно заболел и принял постриг, став иноком киевского Феодоровского монастыря. В 1147 году в Киеве начались беспорядки: горожане, прознав про заговор Ольговичей, вознамерились захватить и убить Изяслава, собрались на вече и решили расправиться со схимником Игнатием – Игорем Ольговичем. Брат Изяслава – Владимир Мстиславич – пытался спасти князя-инока: сам чуть не погиб, но сумел отбить Игоря у озверевшей толпы и даже спрятать его в тереме своей матери. Однако разъяренные горожане ворвались и туда, убили Игоря и жестоко погулились над тру-

пом. Гибель князя-монаха потрясла современников, а пришедшие в себя киевляне позже оправдывались: «Не мы его убили, а Ольговичи, Давыдовичи и Всеволодовичи (черниговские князья. – Прим. авт.), что мыслили на князя нашего». Киевская летопись сообщает, что ночью в церкви Святого Михаила над телом убитого князя-монаха сами собой зажглись свечи... Узнав о гибели Игоря, Святослав Ольгович «плакался горько по брате своем». Но, проклиная Мономаша, Ольговичи не уклонялись и от союзов с некоторыми из них, при малейшей возможности подливая масла в огонь распри потомков Мономаха. Именно поэтому Святослав Ольгович был надежным и верным союзни-

Фрагменты из различных переводов «Слова о полку Игореве»

В переводе Н.А. Заболоцкого
«Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его –
В похвалу трудам его и ранам –
По былинам времени сего,
Не гоняясь в песне за Бояном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.»

В переводе В.А. Жуковского
«Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не по вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Есть ли песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.»

В переводе Д.С. Лихачева
«Пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Пусть начнется же песнь эта
по былям нашего времени,
а не по замышлению Бояна.
Ибо Боян вещий,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками».»

ком Юрия Долгорукого, который полтора десятка лет вел войну со своим племянником Изяславом Мстиславичем за Киев. Это именно Святославу Ольговичу Новгород-Северскому слал весточку Юрий Владимирович: «Приди ко мне, брат, в Москву». В Москве и состоялась их встреча в апреле 1147

года. Обменявшись подарками (Святослав преподнес в дар сузdal'скому князю экзотического барса. – Прим. авт.), союзники договорились о взаимной поддержке: Юрий обещал помочь Святославу отвоевать свой удел, а Святослав дал слово поддерживать притязания сузdal'ского князя на Киев. Надо сказать,

Современная реконструкция палат новгород-северских князей в Спасо-Преображенском монастыре

что оба союзника свои обещания сдержали...

Когда Игорю исполнилось 6 лет, его отец Святослав Ольгович перешел на княжение в Чернигов. А спустя семь лет – в 1164 году – он умер, и княгине с детьми пришлось вернуться в Новгород-Северский, где стал княжить старший сын Святослава – Олег Святославич. Думается, после стольного Чернигова возвращение в родной, но все-таки провинциальный Новгород-Северский не слишком обрадовало 13-летнего Игоря.

Можно не сомневаться, что княжич был достойным отприском своего рода, для которого открытая или тайная вражда с Мономащичами была делом не только чести, но и привычки. Однако трудно не признать и другое: с каждым новым поколением Ольговичи становились все слабее, все меньшее влияние оказывали они на внутреннюю политику, играя вторые и третьи роли в спорах русских князей. Кажется, многолетняя распрая с Мономащичами слишком дорого обошлась черниговскому роду. Но, видно, даже горькая слава Гориславича не давала покоя его потомкам. Не в этом ли в том числе кроется причина безрассудного решения князя Игоря, двинувшего свои полки навстречу смерти в половецкую степь?..

В переводе А.Н. Майкова

«Не начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о старинных бранях, –
Песнь о храброй Игоревой рати
И о нем, о сыне Святославе!
И воспеть их, как поется ныне,
Не гоняясь мыслью за Бояном!
Песнь слагая, он, бывало, вещий,
Быстрой векшей по лесу носился,
Серым волком в чистом поле рыскал,
Что орел ширил под облаками!»

В переводе С.В. Ботвинника

«Не уместно ль начать нам, братья,
старым слогом
печальную повесть
о походе Игоря-князя,
Игоря Святославича?
Но вести эту песню надо
по былинам нашего времени –
не по замышлению Боянову.
Боян вещий, если хотел он
состорить кому свою песню,
растекался мыслью по древу,
по земле серым волком рыскал,
орлом сизым – под облаками».

В переводе К.Д. Бальмента

«Нам начать не благо ль, братья,
песнь старыми словами,
Песнь, как полк в поход повел он, славный
Игорь Святославич?
По былинам лет тех бывших,
не по замыслу Баяна,
Эту песнь зачнем мы, братья.
Он, Баян, певец тот вещий,
Коль кому восхочет песни,
белкой он течет по древу,
По земле он серым волком и орлом
под облак сизым».

КНЯЖЕСКАЯ ДОЛЯ

— Северское удельное княжество, столицей которого был Новгород-Северский, включало земли древних северян, радимичей и вятичей, — рассказывает Ирина Лобанова. — У нас нет точных сведений о том, как Олег Святославич, княживший после смерти отца в Новгороде-Северском, распределил уделы между своими братьями, но, судя по всему, Игорю достался Путивль.

Сведений о князе Игоре в русских летописях немного, но их вполне достаточно для того, чтобы проследить его жизнь, хотя бы пунктирно, до и после трагического похода в Степь.

Первый раз Игорь Святославич упоминается в летописях в связи с ужасающим разгромом Киева в 1169 году. Тогда Игорь и его старший брат, Олег, беспре-

кословно примкнули со своими дружинами к войскам сильнейшего князя, правившего Владимиро-Сузdalской Русью, Андрея Юрьевича Боголюбского. Сын Юрия Долgorукого не про-

ход в действующий Спасо-Преображенский монастырь, где находится музей «Слово о полку Игореве»

сто ввязался в драку за киевский стол, он продемонстрировал всей Руси, что больше не считает Киев столенным градом (Боголюбский даже не посчитал нужным занять престол, посадив на него своего младшего брата, Глеба. — Прим. авт.) и намерен превратить в новую столицу государства свой Владимир. Ни Олег, ни Игорь Святославичи не могли отказать себе в удовольствии поучаствовать в очередной внутренней распределе Мономашечей, хоть и выступали в ней в роли «молодших князей».

Женился князь Игорь либо в 1169, либо в начале 1170 года. Его избранницей стала дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла и его супруги Ольги — родной сестры Боголюбского. Так что с помощью жены Игорь Святославич породнился с потомками Долgorукого. Жена Игоря — это есть

Так в Средневековье могла выглядеть знатная черниговская боярыня (реконструкция, представленная в музее архитектуры «Чернигов Древний», расположенном в Борисоглебском соборе)

«Ярославна» из «Слова», плач которой со стен Путивля считается одной из главных жемчужин поэмы. Как звали Ярославну, нам, увы, неизвестно. Ее часто именуют Евфросинией, но насколько это имя соответствует действительности – не ясно. В конце 1170 года у княжеской четы родился первый из шести детей – сын, названный Владимиром.

А в следующем году на Русь вторглись половцы, привлеченные возможностью пограбить приграничье, пока русские князья выясняли отношения в очередных междоусобных войнах. Кто из старших князей отправил против них Игоря Святославича – неизвестно, некоторые историки предполагают, что это был его двоюродный брат Святослав Всеволодович, княживший тогда в Чернигове. Игорь со своей дружиной нагнал у реки Ворсклы половцев, возглавляемых ханами донской и лукоморской орд – Кончаком и Кобяком соответственно. Степняки, заметив русские полки, бросили все награбленное, а также пленных и пустились наутек. Дружины Игоря нагнали бегущего врага, расправа оказалась быстрой: часть половцев были перебиты, а многие попали в плен.

Следующее упоминание князя Игоря в летописях относится к 1173 году, когда все черниговские князья вновь беспрекословно присоединились к войску Андрея Боголюбского, в очередной раз решившего «наказать» Киев. Казалось, черниговский дом уже распрощался со своими претензиями на киевский стол и окончательно подчинился клану Мономашичей. Однако все изменилось 29 июля 1174 года, когда в Боголюбове был предательски убит своими боярами Андрей Боголюбский. Сильнейший из Мономашичей пал, и в роду тут же началась грызня, которой успешно воспользовался глава черниговского дома Святослав Всеволодович, ставший в итоге великим князем Киевским (правил Киевом в 1173, 1176–1181 и 1181–1194 годах. – Прим. авт.). Искушенный политик, поднаторевший в многолетних интригах с Мономашичами, как оказалось, не испытывал никакого снисхождения и к своим ближайшим родственникам. Зря Олег Святославич, старший брат Игоря, рассчитывал на то, что с переходом родственника в Киев получит черниговский стол. А Игорь надеялся, что в таком случае получит в правление Новгород-Северский. Но – нет. В Чернигове

На входе в музей «Слово о полку Игореве» всех посетителей встречает бюст гордого князя Игоря Святославича

Святослав Всеволодович посадил княжить своего сына. Новгород-северские князья смирились, но обиду затаили.

Конечно, мира по-прежнему не было. Святослав Всеволодович очень быстро столкнулся с противодействием Мономашичей – самого младшего сына Юрия Долгорукого, владимирского князя Всеволода Большое Гнездо (о котором «Слово» говорит, что он «Волгу может веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать»), и смоленских братьев Ростиславичей – Романа, Давыда и Рюрика. К моменту, когда Игорь Святославич вновь появляется на страницах летописи в связи с этими распрями, он уже является новгород-северским князем – в январе 1180 года его старший брат, Олег, скончался, и Игорь беспрепятственно получил новгород-северский стол.

Очередная война киевского князя Святослава Всеволодовича привела его вассала Игоря к ближайшему к Киеву городу – Вышгороду. Здесь вместе с союзниками – половецкими ханами Кончаком и Кобяком – князь Игорь ждал подхода войска Святослава Всеволодовича. Но повел себя крайне беспечно, не выставив часовых. Ночью на лагерь напал Рюрик Ростиславич, чья дружины была усиlena отрядом «черных клубков». Разгром оказался полным: князь Игорь еле унес ноги, успев вскочить в одну ладью с ханом Кончаком, вместе с которым он затем и добирался до Черниговской земли. Как считают большинство исследователей «Слова», именно в тот момент русский князь и половецкий хан и договорились об обновлении союза между черниговским домом и Степью, пообещав друг другу поженить своих детей. Старший сын Игоря – Владимир – должен был жениться на дочери Кончака – Свободе. Именно это соглашение в будущем спасет жизни Игоря и Владимира, оказавшихся в половецком плену. ●

Продолжение следует.

СОЛНЦЕ ЖИВЫХ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ КАТАКЛИЗМЫ И БОЛЬШОЕ ГОРЕ – СТРАШНЫЙ РУБЕЖ В ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ. КТО-ТО ЗАМОЛКАЕТ В ОТРЫВЕ ОТ РОДНОЙ ЗЕМЛИ И РОДНОГО ЯЗЫКА, А КТО-ТО НА ЧУЖБИНЕ ОБРЕТАЕТ НОВЫЙ ГОЛОС И НОВУЮ ПИСАТЕЛЬСКУЮ ЖИЗНЬ. ТАК СЛУЧИЛОСЬ С ИВАНОМ ШМЕЛЕВЫМ. НО, МОЖЕТ БЫТЬ, В САМОМ ДЕЛЕ, ЛУЧШЕ ЧЕЛОВЕКУ НЕ ВЕДАТЬ НАПЕРЕД СВОЕЙ СУДЬБЫ: ЗНАЯ ЕЕ ЗАРАНЕЕ, КАКОЙ БЕЗУМЕЦ ЗАПЛАТИЛ БЫ ЗА НОВЫЙ ГОЛОС И ТВОРЧЕСКОЕ БЕССМЕРТИЕ ТАКУЮ ЦЕНУ?

ПРЕДКИ ИВАНА ШМЕЛЕВА были государственные крестьяне-старообрядцы из села Гуслицы Богородского уезда Московской губернии. Прадед писателя, тоже Иван Шмелев, поселился в Москве в 1812 году – в купеческой Кадашевской слободе; после Отечественной войны он торговал резными деревянными изделиями. Дело его

подхватил сын Иван, который брал подряды на строительство домов, затем внук Сергей, отец писателя. Он занимался сплавом леса, у него была большая плотницкая артель, а кроме того – целая сеть бань, купален и портомоен на Москве-реке. Брал Сергей Шмелев подряды и на сооружение балаганов и катальных гор на Масленицу, и на возведение лесов в храме Хри-

ста Спасителя; устраивал иллюминации и памятные всей Москве праздничные фейерверки. Последний его подряд – создание помоста для публики на пушкинских торжествах в 1880 году. Мать, Евлампия Гаврилова, из купеческой семьи Савиновых, окончила институт благородных девиц, отец – всего четыре класса Мещанского училища. Отец был человек веселый, жизнерадостный, широкой души; мальчику он казался необыкновенным: сильным, прекрасным, умным, все умеющим. У матери был тяжелый характер. Отца Иван Шмелев вспоминал часто и с радостью – про матер не писал, кажется, ничего и никогда. Вера Николаевна Бунина записала в дневнике в 1929 году: «Шмелев рассказывал, как его пороли, веник превращался в мелкие кусочки. О матери он писать не может, а об отце – бесконечно».

Шмелевы жили на Большой Калужской в доме №13 (сейчас это Ленинский проспект, дом не сохранился. – Прим. авт.). Во дворе дома всегда было много людно. Шмелев вспоминал: «Здесь, во дворе, я увидел народ. Я здесь привык к нему и не боялся ни ругани, ни диких криков, ни лохматых голов, ни дюжих рук. Эти лохматые головы смотрели на меня очень любовно. Мозолистые руки давали мне с добродушным подмигиванием и рубанки, и пилу, и топорик, и молотки и учили, как «притрафляться» к до-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

скам, среди смолистого запаха стружек, я ел кислый хлеб, круто посоленный, головки лука и черные, из деревни привезенные лепешки. <...> Двор наш для меня явился первой школой жизни – самой важной и мудрой. <...> И все то, что теплое бьется в душе, что заставляет жалеть и негодовать, думать и чувствовать, я получил от сотен простых людей с мозолистыми руками и добрыми для меня, ребенка, глазами...» Главным человеком в этом мире для маленького Вани был старый плотник Михаил Горкин – его дядька, воспитатель и учитель, внушивший ему первые крепкие представления о добре и зле, Боге и дьяволе, о человеческой душе.

Эта Москва – крепко стоящая на ногах, крепко держащая в руках пилу и молоток, твердо верующая, страстная, безудержная в работе, в любви, в песне, в пьянстве – Москва разноцветная, полная запахов и звуков – послалась в нем навсегда.

Мальчик смотрел на мир широко открытыми глазами – впитывал, запоминал, радовался, торопился поделиться с другими. Нянька за болтливость прозвала его «балаболкой». Шмелев вспоминал, как разговаривал с досками во дворе, с игрушками: «Все казалось живым, моим. Живая была метла, – бегала по двору за пылью, мерзла в снегу и даже плакала. И половая щетка была живая, похожая на кота на палке. Стояла в углу – «наказана». Я утешал ее, гладил ее волосики».

Вместе с Горкиным он ходил на богомолье в Троице-Сергиеву лавру, где его благословил старец Варнава. Потом мать привезла ему от старца крестик; этот дар она поняла как обещание тяжелых испытаний. Семья была глубоко верующая. Дома книг не держали – только Евангелие и пррабкины еще Четыри минеи. Мальчик видел, как читают другие, попросил мать научить его читать, научившись – пристрастился к чтению.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Здание
московской
Шестой
гимназии
в Большом
Толмачевском
переулке.
Начало XX века

Иеромонах
Варнава, старец
Гефсиманского
скита Троице-
Сергиевой лавры

НЕСЧАСТЬЕ

Отец умер в расцвете сил – 38-летним: упал с лошади, она проволокла его по дороге, он сильно расшибся. Ване было 7 лет. Несчастье накрепко врезалось в память; главы о смерти отца в «Лете Господнем» изумляют обилием деталей, которые увидели и запомнили детские глаза. Отец был главной фигурой в мире сына, а сиротство оказалось нестерпимо горьким. Мать держала весь дом в ежовых рукавицах. Отец оставил

после себя долги, так что прежнего приволья не было, хотя некоторый доход семье давали бани, кроме того, мать сдавала два этажа дома. Жить стали скромнее – но по-прежнему пекли по воскресеньям пироги, постились, говели, соблюдали вековой уклад.

Детей мать воспитывала страхом. Порола нещадно. «Возвращаясь из Первой гимназии, мальчик заходил в часовню Николая Чудотворца у Большого Каменного моста – она была разрушена в 1930-е – и, жертвуя редкую копеечку, просил угодника, чтобы поменьше пороли; когда его, маленького, худого, втаскивали в комнату матери, он с кулачками у груди, дрожа, криком молился образу Казанской Богородицы, но за негасимой лампадой лицо Ее был недвижим, – пишет Наталья Солнцева. – В молитве – все его «не могу» и «спаси»... но мать призывала в помощь кухарку, когда он стал старше – дворника. В четвертом классе Шмелев, сопротивляясь, схватил хлебный нож – и порки прекратились». Но тревожность осталась, остался и нервный тик. В одном из писем Шмелев рассказывал, как на Пасху, когда ему было 12 лет, мать давала ему пощечины всякий раз, как у него дергалось лицо: «Так продолжалось все разование (падали слезы,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

на пасху, соленые) – наконец, я выбежал и забился в чулан, под лестницу, – и плакал».

Первой учительницей мальчика была мать; с нее началось знакомство с грамотой и русской литературой. Затем был частный пансион сестер Верзес; одиннадцати лет мальчик пошел в Первую гимназию возле храма Христа Спасителя. В гимназии ему пришлось туго: нервный, испуганный, одинокий, он путался, не успевал, получал единицы... «Меня подавили холод и сушь, – вспоминал он. – Это самая тяжелая пора моей жизни – первые годы в гимназии. Тяжело говорить. Холодные сухие люди. Слезы. Много слез ночью и днем, много страха». Через три месяца мать перевела его в Шестую гимназию, недалеко от дома, в Большом Толмачевском переулке (сейчас в этом здании – Педагогическая библиотека имени Ушинского). Здесь ему было легче, невзирая на гимназическую казенщину; здесь он пришел в себя и даже стал одним из лучших учеников. Одноклассники прозвали его огатор romanus – «римский оратор» – за не закрывающийся рот: мальчику всегда было чем поделиться и что обсудить. В третьем классе он написал поэму о путешествии учителей на Луну – на воздушном шаре, сделанном из панталон латиниста. Был наказан сидением в гимназии в воскресенье. В гимназии не все было безоблачно: немец ставил двойки, латынь давалась плохо, учитель словесности влепил кол за сочинение, в котором мальчик упомянул Надсона. Но когда словесность стала преподавать Федор Владимирович Цветаев, дядя Марины Цветаевой, Шмелев расцвел: новый учитель позволял ему быть собой и писать о природе вместо скучнейших сочинений о благонравии и о грамматике. Иставил пятерки, иногда с тремя плюсами. Шмелев много читал (особенно увлекался приключениями, как большинство гимназистов той поры: непременные Гюстав Эмар и Фенимор Купер), увлекал

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ся театром, любил музыку – одна из сестер собиралась стать пианисткой, много играла дома; он внимательно слушал, сидя под фикусом. Однажды в порыве вдохновения написал либретто по лермонтовскому «Маскараду» и послал его композитору Аренскому; композитор не ответил, а либретто стало предметом насмешек всей консерватории. Еще гимназистом Шмелев увидел Чехова – тогда еще Антона Чехонте; об этом знакомстве – его знаменитый рассказ «Как я встречался с Чеховым», полный нежнейшего юмора и печали.

Шмелев думал, пробовал перо – писал рассказы, сочинил исторический роман, потом другой – в духе Толстого, который прятал на чердаке...

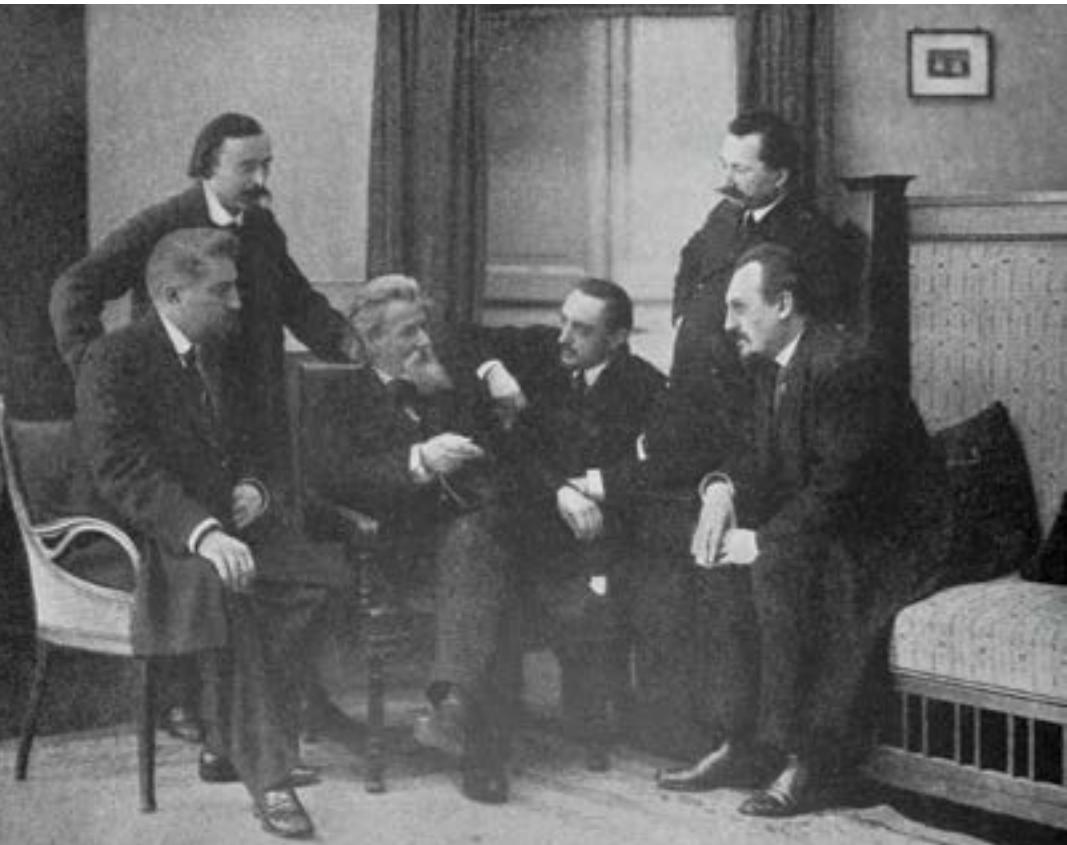
Летом перед восьмым классом он проводил каникулы на старой мельнице; романтическое место, старый мельник – совершенно из Пушкина и Алексея Толстого – так впечатлили его, что Шмелев в один присест написал рассказ «У мельницы» – и вскоре отнес его в журнал «Русское обозрение». Рассказ увидел свет, когда автор был уже студентом; ему заплатили 80 рублей, и гонорар показался ему огромным. Правда, до серьезного писательства осталось еще лет десять.

Ольга
Александровна
и Иван
Сергеевич
с сыном
Сережей.
Начало 1900-х
годов

РАБОТА

Шмелев окончил гимназию в 1894 году, ему не хватило всего полбалла, чтобы получить медаль. Сразу поступил на юридический факультет Московского университета, где проучился четыре года. Он продолжал искать себя: «В молодости его круто шатало: от истовой религиозности к сугубому рационализму в духе шестидесятников, от рационализма – к учению Л.Н. Толстого, к идеям оправдания и нравственного самоусовершенствования», – пишет Олег Михайлов.

В 1895 году Шмелев женился на Ольге Охтерлони, дочери генерала, героя Севастопольской обороны. В свадебную поездку молодые отправились на остров Валаам; перед поездкой получили благословение от старца Варнавы. Из поездки Шмелев привез множество впечатлений, которые изложил в книге очерков «На скалах Валаама». Книгу издал за свой счет. В ней вроде и угадывается будущий Шмелев – по точности описаний, по чуткости слуха. И в то же время трудно его угадать – так это плоско, дешево, неточно: монах «два раза оглянулся на нас и торопливо пошел, точно боялся, что мы заговорим с ним, расспросим печальную повесть его души. Видимо, одичал человек... Суровая природа и тяжкая атмосфера монастырской жизни поглотила свойства человеческого духа. И мне стало жаль человека, который притаился в нем под монашеской ряской, стало жаль человеческое сердце». Книгу задержала и серьезно покалечила цензура. Раскупалась она плохо, большую часть тиража Шмелев отдал букинисту за ничтожные деньги. В 1896 году у Шмелевых родился сын Сергей. В 1898 году Иван Шмелев, окончив университет, поступил на военную службу, отслужил год и затем несколько лет служил чиновником в уездных городах Московской и Владимирской губерний. Ему было очень

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЁВЫМ

трудно: хорошие русские писатели обычно плохие чиновники. И даже те из них, у кого получается быть хорошими чиновниками (вот хоть Салтыков-Щедрин, которым Шмелев восхищался в молодости и чью сатиру потом считал вредной для России. – Прим. авт.) – и те тоскуют от неустроенности и придуроватости провинциальной русской жизни. Шмелев писал об этом времени: «Служба моя явилась огромным дополнением к тому, что я знал из книг. <...> Я знал столицу, мелкий ремесленный люд, уклад купеческой жизни. Теперь я узнал деревню, провинциальное чиновничество, фабричные районы, мелкопоместное дворянство». Служба его не увлекала, писать он почти перестал. Снова взялся за перо во время первой русской революции. Он рассказывал критику Львову-Рогачевскому: «Я был мертв для службы. Движение девятисотых годов как бы приоткрыло выход. Меня подняло. Новое забрезжило передо мной, открывало выход

гнетущей тоске. Я чуял, что начинаю жить». Это новое брезжит в его первых рассказах и повестях о маленьких людях; среди них внимание публики особенно привлек «Гражданин Уклейкин» – история не столько пьяного и буйного сапожника Уклейкина, сколько оскорбленного человеческого и гражданского достоинства. В этих книгах появляются и новые герои: сильные, уверенные в себе люди из рабочей среды, так непохожие на забитого, измученного нуждой и несчастьями маленького человека из классической русской литературы. Правда, Шмелев пока не особенно хорошо представляет себе, что это за герои и что с ними делать: тип будущего революционера уже угадан, но не слишком автору знаком. А хорошо знакомые представители старого мира – те чувствуют в воздухе какую-то новую правду – и вот уже в рассказах Шмелева жандарм, увидев на баррикаде своего сына, не может поднять руку на рабочих, а капитана,

И.С. Шмелев
(в первом ряду
второй справа)
в группе русских
писателей.
1900-е годы

участвующего в военно-полевом суде над революционерами, терзает муки совести. Шмелев в это время – очень средний писатель, один из тех, что сплотились вокруг горьковских сборников «Знание»; к этому кругу он примкнул сразу, как приехал в Москву. Пишет он очень неровно. Трудно узнать в этом вялом повествовании руку будущего Шмелева: «Чем больше Лиза погружалась в узкий круг вопросов бедного, забитого люда, тем сильнее иногда, в минуты подъема, хотелось ей сбросить гнет мелких желаний и пошлость жизни без стремлений, без сильных переживаний. Тогда казалось ей, ненавидит она своих сослуживцев с их бесконечными жалобами и трусливою лестью». Так писал в 1900-х кто угодно – любой третъеразрядный писатель-реалист. Свой голос Шмелев обретает в знаменитом «Человеке из ресторана» – истории лакея, рассказанной от первого лица. Литературоведы говорят о сказовой манере «Человека из ресторана»: текст написан языком малограмматного городского обывателя, в нем угадывается будущая скороговорка зощенковских героев. Солженицын различал в «Человеке из ресторана» и зачатки платоновского синтаксиса – и выписал для себя множество любопытных оборотов («почему вы так выражаете про мертвое тело?»; «хорошо знаем взгляды разбирать и следить даже за бровью»; «по моему образованному чувству»; «даже не за полтинник, а из высших соображений») и метких простонародных выражений. Правда, в отличие от зощенковских мещан, шмелевский герой Скорододов – человек мудрый, душевно чистый и внутренне благородный, наделенный при этом саркастической наблюдательностью: «Одна так-то все про то, как в подвалах обитают, и жалилась, что надо прекратить, а сама-то рябчика-то в белом вине так и лущит, так

это ножичком-то по рябчику, как на скрипичке играет»...

«Человек из ресторана» имел огромный успех. Шмелев рассказывал позднее, что семь лет спустя в голодном Крыму хозяин маленького ресторанчика продал ему хлеб только потому, что узнал в нем автора этой книги.

«Десятые годы двадцатого века – по человеческим меркам – лучшее время в его жизни. Он был счастлив в семье, печатался в крупнейших российских газетах, входил в «Книгоиздательство писателей в Москве», выпустил восьмитомное собрание произведений и редактировал сборники «Слово». Бунин, Белоусов, Зайцев, Вересаев, Сергеев-Ценский, Серафимович, Андреев – вот круг его друзей и единомышленников», – пишет литературовед Елена Осьминина.

Постепенно среди рассказов и повестей «с направлением» стали появляться другие, обещающие нового Шмелева – в первую очередь «Росстани», медленное повествование о том, как старый богатый купец едет на родину умирать. Неторопливое любование миром, спокойная готовность к близкой смерти и тихая радость жизни – вот, собственно, и все, что есть в этой длинной книге (Георгий Адамович потом обозвал ее «соляночкой на сковороде», чем сильно разозлил автора). Шмелев все чаще говорит о красоте жизни, которой не замечают его герои, занятые повседневной суетой. Об этой невероятной, вечной красоте – его «Неупиваемая чаша», написанная уже в 1918 году, – трагическая история крепостного художника, умершего от тоски, нереализованности, невозможности любви. Сюжет печальный, история горькая – а читается с такой радостью, что дух захватывает, потому что главный герой, художник Илья, смотрит на жизнь любящими глазами и находит в ней бесконечный источник радости.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

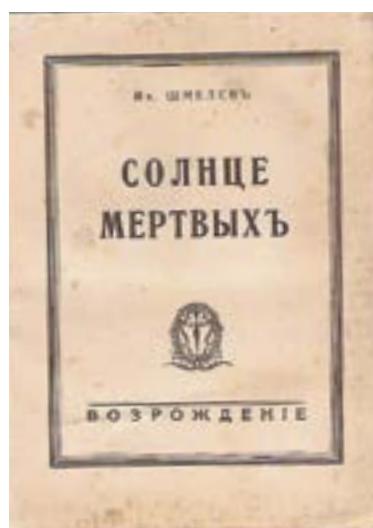
Сергей Шмелев
(справа)
на фронте
в Первую
мировую войну

РЕВОЛЮЦИЯ

Февральскую революцию он принял с энтузиазмом: ездил по России, выступал на митингах и собраниях, встречался с политкаторжанами, о чем восторженно сообщал сыну на фронт. Сын, мобилизованный в 1915 году, воевал; отец слал ему письма, где рассуждения о темноте русского народа чередуются с трогательными расспросами, не забывает ли его ласточка надевать шарф... Октябрьскую революцию он не принял. В 1918 году уехал с семьей в Крым к Сергееву-Ценскому – может быть, надеялся там

переждать бурные годы. Сын, вернувшийся из армии, был мобилизован белыми. Он вернулся с фронта Гражданской совсем больной, но за границу с отступавшей армией не поехал. Шмелевы сознательно остались на родине; в 1920 году Иван Сергеевич даже купил домик в Алуште. Когда Красная армия заняла Крым, Сергея Шмелева арестовали прямо в лазарете, увезли – и он пропал бесследно. С декабря 1920 года по весну 1921-го, несколько месяцев подряд, Шмелев искал сына. Писал в Москву Луначарскому, просил его о помощи. Луначарский обращался к Калинину – но помочь уже было нечем: сына расстреляли без суда и следствия еще зимой.

Шмелев получил от Калинина охранную грамоту и нищенский паек. Думал уехать в Москву, но не находил душевых сил: как уехать от дома, связанного с памятью о погибшем сыне. В 1921 году в Крыму начался голод; об этих остановившихся, вымороенных, бессмысленно-страшных днях всеобщего умирания он потом написал «Солнце мертвых», может быть, одну из самых страшных книг в мире. Может, он и

Обложка книги
И.С. Шмелева
«Солнце
мертвых»

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

Бунин позвал его к себе в Париж – «на отдых, на работу литературную». Шмелев поехал – через Москву и Берлин. Он понимал сейчас: он должен рассказать миру, что происходит в России. За границей он начал выступать в печати, на литературных вечерах, окунулся в бурную эмигрантскую полемику: все это позволяло жить после жизни. Наталья Солнцева, биограф писателя, сообщает: «С 1923 года он состоял членом Русского национального комитета, которым руководил А.В. Карташев. Он включился в работу «Союза русских инвалидов». Как Бунин и Куприн, был почетным членом Общества русских студентов для изучения и упрочения славянской культуры. И хотя он в минуты отчаяния называл свою жизнь во Франции призрачной, его деятельность в эмигрантской среде была вовсе не призрачной. Он хлопотал о денежных пожертвованиях воевавшим в Первую мировую и в Гражданскую войны, на страницах журнала «Литература и жизнь» (1928 №1) он призывал создать Зарубежный литературный фонд для оказания материальной помощи литераторам, для содействия страхованию их собственности, он участвовал в благотворительных изданиях».

«Солнце мертвых» – нельзя сказать «имело успех», это понятие из другой жизни – его заметили, его прочитали, перевели на 13 языков.

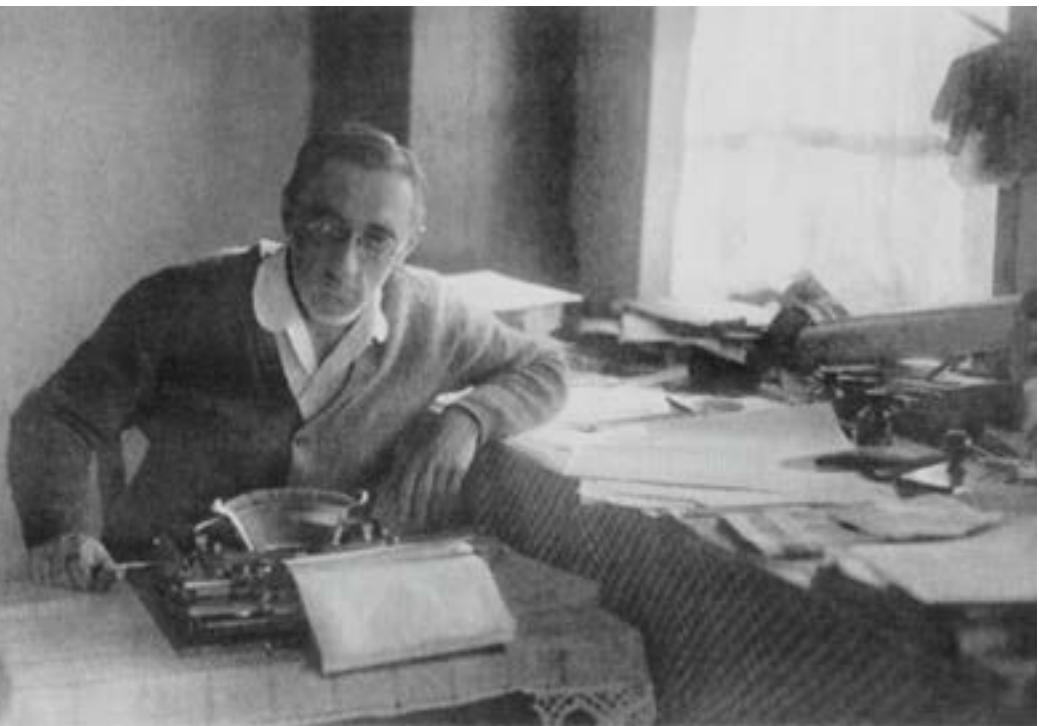
Шмелев стал задумываться о том, чтобы собрать другую книгу – книгу памяти об утраченном, «Солнце живых» – в параллель «Солнцу мертвых». Рассказать о том, что было в той, ушедшей России живого, любимого, настоящего. Он начал с небольших детских рассказов о православных праздниках – первым из них стал рассказ «Рождество» в 1928 году. Если что и может спасти человека, которому больше некуда жить, – то только любовь. И не только любовь к утраченному: в жизни Шмелева появил-

ся сейчас только потому, что понимал, что должен об этом рассказать: о детях, с рычанием грызущих копыта дохлой лошади, о брошенном павлине, о расчеловеченных людях, крадущих друг у друга скот, о человеке, который не мог достать для жены гроба и похоронил ее, заперев в шкафу на ключик... Эту книгу почти невозможно читать – рваное, бесконечное повествование тянет

из читателя душу, ползет долго и страшно – это хуже, чем документальные свидетельства о войне, блокаде, концлагерях: нет в этом умирании ни героизма, ни духовного сопротивления, ни борьбы со злом – только бесмыслица, только смерть, только бескрайнее горе, только злое солнце в пустом небе. «Бога у меня нет: синее небо пусто», – сказал Шмелев. Жить стало нечем и незачем.

И.С. Шмелев.
Около 1930 года

О.А. Шмелева,
В.Н. и И.А.
Бунины,
И.С. Шмелев.
Грасс. 1923 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ся если не новый смысл, то новая привязанность, душевная радость. Во Франции они жили у племянницы Ольги Александровны, Юлии Кутыриной. От распавшегося брака с французом у нее был сын, Ив Жантайом. Иван Шмелев стал крестным отцом мальчика; мать ребенка работала, Ива фактически воспитывали Шмелевы. Когда они расставались, Шмелев писал крестнику подробные письма – то о знакомых крабах, то о шишках, загорающихся от жары... высматривал подробности, журил за скверный почерк, рассказывал о чудесах и тайнах: «Я хожу (не езжу на велосипеде) и узнал много таинственных мест. Говорят, что в самой глухи леса есть... но об этом лучше не говорить, а надо пойти и поглядеть!»

Ив Жантайом написал воспоминания о дяде Ване; уже в старости передал в Россию архив Шмелева и помогал перенести его прах на кладбище Донского монастыря. Иву – Ивушке – Шмелев и начал рассказывать о детстве, о праздниках, и из этих рассказов – Рождество, Масленица, Пасха... – со временем сложилось «Лето Господне», взгляд на живое бытовое русское право-

славие счастливыми, изумленными детскими глазами. «Лето Господне» дышит, пахнет, звенит колоколами, жужжит летним лугом, шепчет, плачет, радуется; здесь мощная живопись и детская наивность, здесь сусальное умиление и вечная тайна. Кни-

И.С. Шмелев,
И.А. Бунин,
З.Н. Гиппиус,
Д.С. Мережковский,
Б.К. Зайцев.
Париж. 1936 год

га получилась не горькая, прощальная, засыпанная пеплом ностальгии, а яркая, ликующая, полная любви, светящаяся изнутри. Солженицын замечал, что крупным русским писателям в эмиграции выпали долгие годы «на душевную проработку пережитого», причем «у иных, в том числе и у Бунина, она приняла окраску эгоистическую и порой раздраженную (на этакий недостойный народ)» – а Шмелеву «дано было пройти оживление угнетенной, омертвелой души – катарсис».

Одновременно с «Летом Господним», работа над которым заняла семнадцать лет, он начал «Богомолье», своего рода приложение к роману – и писал потом: «Работа над «Богомольем» спасла меня от ПРОПАСТИ, – удержала в жизни. О сем знала лишь ныне покойная моя жена». Ольга Александровна умерла в 1936 году; Шмелев тяжело переживал ее смерть – разбирал архивы, раздавал личные вещи, оставил работу над романом «Пути небесные», словно готовясь уйти вслед за женой.

Через три года, однако, его вернула к жизни новая любовь – и ее тоже звали Ольгой Александ-

О.А. Бредиус-
Субботина.
6 октября
1941 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Столовая
в парижской
квартире
И.С. Шмелева
на улице Буало.
Около 1950 года

бедствовал, и многие помогали ему деньгами. Он был тяжело болен – еще с крымского голода страдал язвой желудка. В 1949 году едва не умер, перенес тяжелую операцию, исхудал до 39 килограммов; денег на операцию, лечение, питание не было – собирали друзья. Он не мог есть, не мог спать – понимал, что уходит. И совсем не боялся смерти.

В июле 1950 года он приехал в монастырь Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От и вечером в день приезда умер от сердечного приступа; монахиня монастыря мать Феодосия, которая нашла его мертвым, сказала: «Человек приехал умереть у ног Царицы Небесной под Ее Покровом».

Жизнь вместила все: счастье, славу, изгнание, горе, нечеловеческие в прямом смысле слова испытания. И номинацию на Нобелевскую премию, и позор. Человек он был резкий, страстный, для литературных и политических противников не жалеющий скверных слов (вон как Набокова приложил за «Приглашение на казнь», в котором ничего не понял: «Это – словесное рукоблудие. <...> Весь – ломака, весь – без души, весь – сноб воинский. Это позор для нас, по-зор и – похабнейший»). Суровый, не прощающий – не принимал денег за публикации своих произведений в России: от убийц сына не возьму. Поразительно, пожалуй, что литературным итогом этой мучительной жизни стало не проклятие, вопль ненависти и непрощения, не полынная горечь разбитой жизни – а гимн счастья, признание в любви России, и пасхальная радость, и сияние Божества: «Я смотрю через золотистое хрустальное яичко. Горкин мне подарил, в заутреню. Все золотое, все: и люди золотые, и серые сараи золотые, и сад, и крыши, и видная хорошо скворешня, – что принесет на счастье? – и небо золотое, и вся земля. И звон немолчный кажется золотым мне тоже, как все вокруг». ●

ровной. Ольга Бредиус-Субботина, замужняя дама, жила в Голландии, написала Шмелеву просто как читательница и поклонница. Знакомы они были через философа Ильина, с которым состояли в переписке. Переписка с Бредиус-Субботиной длилась несколько лет и превратилась в роман в письмах – здесь и повседневные новости, и религия, и философия, и воспоминания, и политика – и нежность, нежность, бесконечная нежность. В письмах военного времени оставили след и заблуждения Шмелева, стоявшие ему доброго имени: «Это бой с бесовской силой... и не виноват перед Богом и совестью идущий, если бесы прикрываются родной нам кровью», – пишет он, рассказывая о знакомых, уходящих на Восточный фронт. Бредиус-Субботина отвечала ему иносказательно (письма проверяла немецкая цензура), что смысл войны – не в этом, рассказывала о том, что такое тоталитаризм; отчасти под ее влиянием Шмелев к 1943–1944 годам изменил позицию. После войны его обвинили в коллокационизме, сотрудничество с фашизмом. Главными пунктами обвинения стали публикации в «Парижском вестнике», выходившем в оккупированном Париже, и участие в молебне по поводу «освобождения Крыма». Писатель оправдывался, говоря, что в газете – единственной доступной

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ГЕНЕРАЛЬСКИЕ МАСКИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«ОН ПОДПРЫГНУЛ НА ОДНОЙ НОГЕ, ВЗМАХНУЛ ДРУГОЙ, КАК БУДТО В ВАЛЬСЕ, И ПО-БАЛЬНОМУ ОСКАЛИЛСЯ НЕУМЕСТНОЙ УЛЫБКОЙ»*. КТО-ТО ИМЕННО ТАК УМИРАЕТ ОТ РАЗОРВАВШЕГОСЯ ВБЛИЗИ СНАРЯДА. КТО-ТО – ИМЕННО ТАК ГИБНЕТ, ПОПАВ ПОД КОЛЕСА МЧАЩЕГОСЯ ГРУЗОВИКА.

МЫ ЗОМБИРОВАННО и хорообразно жалуемся, что в русской художественной литературе очень мало значительных и талантливых произведений, посвященных Первой мировой войне. Более того, сочинений, в которых она присутствует хотя бы косвенно. Ну, «Хождение по мукам» Алексея Толстого, ну, «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, ну, «Тихий Дон» Михаила Шолохова...

* М.А. Булгаков. «Белая гвардия».

Все? Список западных авторов куда длиннее: Ремарк, Хемингуэй, Олдингтон, Барбюс, Роллан, Аполлинер, Фолкнер. И это только первый ряд. Классики! А может быть, в силу различных обстоятельств нас просто лишили возможности знать хоть что-то о замечательных русских литераторах, которые посвятили этой теме романы и повести, стихи и поэмы?

*Молится старушка, сына поминает,
Сын в kraю далеком родину спасает.
...
Видит она поле, это поле боя.
Сына видит в поле – павшего героя.*

Если включить эти строки в тексты пресловутого ЕГЭ по литературе, думаю, немногие догадаются, что они принадлежат Сергею Есенину. Это ведь вам не «клен ты мой опавший». Стихи, к слову, написаны в 1914 году, когда Первая мировая воспринималась всюду как некий праздник национальной силы и гордости. И у нас, и в союзных странах Антанты, и в Германии с Австро-Венгрией. Есенин и Первая мировая? Вот это да! Что уж тогда говорить о плеяде яких писателей, оставивших, как принято говорить у литературных критиков, след в отечественной культуре своими произведениями на тему Великой войны. След отчетливый и ведущий к истине. Жаль только, что след, лежащий на тропах, далеких от столбовых дорог отечественной литературы XX века, обустроенных политиканами и пропагандистами режима имени 1917 года.

Один из таких писателей – Николай Белогорский. Если точнее – генерал Николай Всеходович Шинкаренко-Брусилов, публиковавшийся в течение почти полу века под псевдонимом «Белогорский». Сразу стоит оговориться, псевдоним выбран не случайно, и очевидная звучность тут ни при чем. Первую мировую войну Шинкаренко встретил в качестве командаира эскадрона 12-го Белгородского уланского полка. Вероятно, лобовой псевдоним «Белгородский» показался Николаю Всеходовичу слишком уж нескромным. Он вообщем, как свидетельствовали лично знавшие его сослуживцы и товарищи по эмиграции, был человеком крайне твердых принципов и истинно офицерского воспитания. И эти оценки вполне позволяют доверять гипотезе, что именно Шинкаренко послужил Михаилу Булгакову прототипом полковника Феликса Най-Турса, единственному безупречному героя романа «Белая гвардия».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай
Всеходович
Шинкаренко-
Брусилов
(1890–1968)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Шинкаренко Всеволод Иванович (1861–1918), отец Н.В. Шинкаренко

Алексей
Максимович
Каледин (1861–
1918), генерал
от кавалерии,
деятель Белого
движения.
Портрет работы
М.Б. Грекова.
1918 год

Но обо всем по порядку. Николай Шинкаренко родился в 1890 году в семье кадрового офицера Русской армии. Его отец Всеволод Иванович, окончивший 3-е Александровское военное училище в Москве, служил в то время в Туркестанском военном округе в чине штабс-капитана. Иными словами – не «мажор». Получив высшее военное образование в Александровской военно-юридической академии, он всю карьеру провел в дальних округах, занимаясь вопросами военной юриспруденции. С января 1917 года генерал-лейтенант Шинкаренко – председатель Иркутского военно-окружного суда. Казалось бы, из штабных. Но есть в его послужном списке одна запись: в 1906 году награжден орденом Святой Анны 2-й степени с мечами. А ежели с мечами – то орден боевой. Видать – за русско-японскую войну, на которой он находился с 1904 года. После Февральской революции Всеволод Иванович вышел в отставку. В 1918-м – арестован. И по решению местной ЧК – расстрелян.

На одном из порталов кубанского казачества висит информация о том, что Шинкаренко-младший – природный кубанский казак. Но, сдается, это пример

того, что желаемое выдается за действительное. Наверняка известно лишь то, что Николай Всеволодович – из дворян. Выбрав стезю отца, Шинкаренко поступает в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, которое оканчивает в 1910 году, после чего выходит поручиком в Уссурийский конно-горный дивизион. Там он служил недолго и вскоре оказался в 12-м Белгородском уланском полку, дислоциированном на западных рубежах империи. В 1912 году Шинкаренко ушел добровольцем на Балканскую войну. Сражался в болгарской армии. За проявленное отличие при осаде Адрианополя был награжден орденом «За храбрость». В 1913 году вернулся в полк, с которым и вышел на Первую мировую войну.

Михайловское
артиллерийское
училище
в Санкт-
Петербурге.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Белгородские уланы входили в состав 12-й кавалерийской дивизии, которой последовательно командовали «вторая шашка империи» Алексей Каледин и будущий президент Финляндии Густав Маннергейм. О том, как воевалось с Калединым, командовавшим одной из лучших кавалерийских дивизий ПМВ, прекрасно написал сам Шинкаренко: «Ночевали в Линдерфельде, брошенной населением немецкой колонии. Ничего не ели. Напились тепленькой воды с одним куском сахара на троих. Потом эскадроны выводили, вся улица наполнилась тем сдержанно-энергичным полуッシュом, который всегда бывает там, где много конницы, и который складывается из позванивания пик, легкого поскрипывания кожи не успевшего постареть конского убора и движения лошадей. В строй четырех эскадронов стали штандарты, полки пошли искать победу. Влево и впереди вытянулась Демня. Туда одна за другой ушли все сотни синих Оренбургцев. Над Демней рвались двуцветные императорско-королевские шрапNELи и оттуда несли раненых. Спешили драгун. Желтая бригада, – Белгородцы и Ахтырцы, – ждали своей очереди, спешившись в извилистой и глубокой лощине северо-западнее Линдерфельда. Было жарко, устало и сонно. Людям, сидящим в счастливой безопасности крутоГО ската, больше всего на свете хотелось спать, и им совсем не думалось о бое.

А бой разгорался. С нашего уже берега болотистой речушки Щерека гремели австрийские батареи, и там, где не было неснятого хлеба, то и дело показывались идущие впереди серо-синие цепи; показывались и исчезали, и только непрекращающаяся ружейная стрельба, похожая на треск сухого дерева в печке с хорошей тягой, только она не позволяла забыть о том, что враг придвигается все ближе и ближе. Начальник дивизии был на маленькой высоте, впереди: Каледин никог-

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА Н. В. ШИНКАРЕНКО

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

да не управлял боем из халупы. К нему вызывали то одного, то другого эскадронного командинра, и уходили вперед один за другим эскадроны желтой бригады..."

«Желтая бригада» на кавалерийском сленге – это та самая 1-я бригада выдающейся 12-й кавалерийской дивизии, в которую входили белгородские уланы. Цвет приборного сукна у них был желтый.

Уже при Густаве Маннергейме Шинкаренко стал командиром стрелкового дивизиона 12-й кавалерийской дивизии и в феврале 1916 года был награжден Георгиевским золотым оружием. Шел вместе с полком в знаменитый Луцкий прорыв, переименованный в советское время в «Брусиловский». Кстати, по поводу самого генерала Брусилова, перешедшего, как известно, на службу в Красную армию, Шинкаренко никогда не высказывался публично. Хотя уж кто-то, а он на родственных правах имел моральное право. Полностью его фамилия звучала – Шинкаренко-Брусилов. Фамилию «Брусилова» носила его мать, Варвара Николаевна, приходившаяся прославленному генералу сводной племянницей. Не в фамилии дело, считал Николай Всеходович, а в том, как прожил жизнь ее конкретный носитель. Варвара Николаевна эмигрировала и прожила остаток жизни с сыном во Франции. А вот другая представительница фамилии Брусиловых, Варвара Ивановна, урожденная Котляревская, вдова сына Алексея Алексеевича, после Соловков и повторного срока в 1930-м, была расстреляна в 1937 году.

После боев
под Луцком.
Июль 1916 года

Войну в 1917-м Шинкаренко закончил подполковником. Воин? Безусловно. Но и – осчастливленный даром слова человека. Это хорошо видно из приведенного выше отрывка его статьи, посвященной генералу Алексею Каледину.

Но заниматься литераторством Шинкаренко стал позже. А пока приходилось воевать. Что одну, что вторую революцию он категорически не принял. И одним из первых прибыл на Дон, где начала формирование Добровольческая армия генерала Корнилова. Но прежде получил бесценный поведенческий опыт в условиях полного армейского краха и политического раздрайя. Весной 1917-го Шинкаренко сопровождал Маннергейма при визите к командующему 3-м конным корпусом графу Келлеру, непрекаемому кавалерийскому авторитету времен Первой мировой войны и человеку, абсолютно преданному династии. Цель визита была в том, чтобы уговорить Федора Артуровича быть мягче в отношении к «февралистам». Не получилось. Да и не могло получиться. Слова «Золотой шашки России» Шинкаренко запомнил навсегда и повторял другим. «Я – христианин. И думаю, что грешно менять присягу», – сказал Кел-

Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А.А. Брусилов и командующий 8-й армией генерал от кавалерии А.М. Каледин опрашивают нижних чинов в период боев на реке Стырь под Луцком.
Август 1916 года

лер. «Он был больше, чем христианин, он был – христианский рыцарь», – записал позже Шинкаренко.

Итак, самое начало 1918-го. Будущий писатель, а пока офицер Добровольческой армии Николай Шинкаренко, сражается при обороне Ростова с наступающими красными. В бою под Новочеркасском был тяжело ранен, подменяв убитого пулеметчика на платформе бронепоезда. По этой причине уйти с «добровольцами» не мог, скрывался, пока в Ростов не вернулась армия Деникина. Дальше – рутина Гражданской войны. Сначала полковником в Сводно-Горской дивизии в боях под Царицыном в 1919-м, затем, уже в чине генерала, на подступах к Крыму летом 1920-го. И все время – с непременным успехом. Весной 1920 года приказом главкома Русской армии барона Врангеля был учрежден орден Святителя Николая Чудотворца. Шинкаренко стал одним из первых его кавалеров.

Но войну, как известно, не выигрывают только мужеством и храбростью. Белый Крым пал – и началась жизнь в эмиграции. Сначала – в Сербии, потом – в Германии, далее – во Франции. Именно в Германии в 1924 году впервые был опубликован роман Николая Шинкаренко (Н. Белогорского) «Марсова маска», посвященный событиям Первой мировой войны. Роман по большей части автобиографический, в нем описывались месяцы боевой жизни в некоем кавалерийском полку, всей своей историей сильно напоминавшем «желтых» белгородских улан. Фамилии и географические названия автор изменил, но всякий, кто прошел 1914–1915 годы в составе 12-й кавалерийской дивизии, легко узнавал «дела минувших дней».

В 1929 году ветеран 2-го Офицерского Дроздовского полка Евгений Рышков, более известный под псевдонимом Тарусский, вместе с другими участниками Гражданской войны, Сергеем Терещенко и Василием Ореховым, начинает издавать в

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Париже журнал «Часовой». В одном из первых номеров печатается его рецензия на роман Шинкаренко «Тринадцать щепок крушения». Чуть позже Николай Всеходович, живший уже в Ницце, становится постоянным автором этого журнала. В 1936 году, едва началась гражданская война в Испании, Шинкаренко отправляется туда в качестве военного корреспондента. Но военные привычки и верность убеждениям быстро дают себя знать. После первой же встречи с генералом Франко русский офицер отказался от корреспондентского статуса и записался в армию каудильо. 46-летнего генерала, имевшего за плечами опыт трех войн и навыки командования дивизией, заставили пройти курс молодого бойца. Но если он на что и сетовал, так это на недоверие к «русско бланко» со стороны испанских офицеров и на крайне осторожную позицию русской военной эмиграции по части испанских событий. Известно, что на стороне Франко воевало чуть более 50 белых русских.

Были среди них и погибшие за идеи испанского ультраправого лидера. Например, 57-летний генерал Русской армии Фок, попавший в окружение в бою под Бельчите осенью 1937 года и застрелившийся. А сам Шинкаренко попал в снайперский прицел и был ранен в левый висок еще раньше – в апреле того же года. Пережил трепанацию черепа. Но довольно быстро восстановился, как вспоминал один из его знакомых, и начал писать письма знакомым в Париж.

Несмотря на участие в боевых действиях, Николай Всеходович не забывал редакцию «Часового» и писал туда заметки с передовой. После ранения и излечения, уже лейтенант испанской армии Шинкаренко, в самом конце гражданской войны вернулся в армию и участвовал в боевых действиях на Арагонском фронте. А по их завершении с радостью узнал, что ему положена небольшая офицерская пенсия, которая позво-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Генерал
Н. В. Шинкаренко
в форме
лейтенанта
Испанского
легиона.
1936 год

лила бы сосредоточиться на литературной работе и публицистике.

Подполковник Русской императорской армии, генерал Русской армии Врангеля, лейтенант испанской армии Николай Шинкаренко осел в Испании, в Сан-Себастьяне. В городе, охватывающем чудную овальную бухту, на правом конце которой нависла над Бискайским заливом мрачноватая крепость, и доселе помнящая шаги Наполеона. Пиши – не хочу!

И Шинкаренко-Белогорский писал. С 1952 по 1967 год – в журнал «Военная быль». И еще дневники и прозу. В том числе – двухтомный роман «Вчера», изданный в Мадриде в 1964–1965 годах.

Интересно, читал ли Михаил Булгаков прозу Николая Шинкаренко? И читал ли Шинкаренко произведения Булгакова? И если читал, узнал ли он в образе полковника Най-Турса себя? И почему он мог узнать себя в этом образе?

Разве для сопоставления довольно лишь того, что оба – и реальный человек, и книжный герой – среднего роста, темноволосы, с аккуратными кавалерийскими усиками? Маловато, конечно. Но ведь и тот, и другой во время Первой мировой служили в уланских полках с очень похожими названиями. Шинкаренко – в Белгородском, Най-Турс – в «Белградском». Литературный персонаж погиб в Киеве, за пулеметом, прикрывая отход своей части. А Николай Всеходович был тяжело ранен при точно таких же обстоятельствах, правда, под Новочеркасском. Нравственные принципы, встроенные Михаилом Афанасьевичем в характер Най-Турса, полностью совпадают с рыцарским отношением к жизни самого Шинкаренко, отчетливо выражены в его сборнике «Тринадцать щепок крушения» и в романе «Марсова маска». А упорство в неприятии идейного врага, продемонстрированное Шинкаренко в годы Гражданской войны и в эмиграции, в точности совпадает с представлениями о верности долгу полковника Феликса. Была ли в жизни у Булгакова возможность увидеть натуру и сохранить ее черты для создания в будущем художественного образа? Доказать сие безусловно – затруднительно. Но если сопоставить время и место, когда автор и прототип могли встретиться – то почему бы Господу не свести их осенью 1919-го – весной 1920 года, когда Сводно-Горская дивизия, которой командовал Шинкаренко, находилась на Северном Кавказе, то есть там же, где и госпиталь, в котором врачевал Булгаков?..

Михаил Афанасьевич дальнейшей жизни для Най-Турса не разглядел. Потому и убил его с беспощадностью автора, имеющего право на судьбу своих героев. Николай Всеходович после ранения выжил. Воевал снова. И снова был ранен. И снова выжил. И все-таки погиб. В 1968-м. В Сан-Себастьяне. Под колесами грузовика.

«ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ» В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА

БЕСЕДОВАЛ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

ТО, ЧТО КАЖДЫЙ ЯЗЫК ПО-СВОЕМУ МОДЕЛИРУЕТ СОВОКУПНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ О МИРЕ, ФОРМИРУЕТ ИХ КАРТИНУ МИРА, ИЗВЕСТНО ДАВНО. ПРИМЕР С ЯЗЫКОМ ЭСКИМОСОВ, В КОТОРОМ ЕСТЬ НЕПРИВЫЧНОЕ НАМ МНОЖЕСТВО СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ СЛОВО «СНЕГ», СТАЛ УЖЕ ХРЕСТОМАТИЙНЫМ. РУССКИЙ ЯЗЫК, КАК И ЛЮБОЙ ДРУГОЙ, ФОРМИРУЕТ СВОЮ СПЕЦИФИЧЕСКУЮ ЯЗЫКОВУЮ КАРТИНУ МИРА И СОВОКУПНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, КОТОРЫЕ ГОВОРЯЩИМИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ВОСПРИНИМАЮТСЯ КАК САМО СОБОЙ РАЗУМЕЮЩИЕСЯ. ЧТО ЖЕ СВОЙСТВЕННО РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА? ОБ ЭТОМ МЫ БЕСЕДУЕМ С АЛЕКСЕЕМ ШМЕЛЕВЫМ, ДОКТОРОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ЗАВЕДУЮЩИМ ОТДЕЛОМ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ РЕЧИ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМЕНИ В.В. ВИНОГРАДОВА РАН.

— А ЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ, В ВАШЕЙ книге «Русская языковая модель мира» сделана попытка понять нашу культуру через ключевые слова русского языка. Вы разбираете вопрос, как в языке явлены пространство и время, говорите о том, какие жизненные установки в неявном виде закодированы в значении слов, а в конце книги пытаетесь даже смоделировать философию жизни русского человека. И для меня именно это интереснее всего. Каков он, русский человек? Какова его философия жизни?

— Никакой попытки моделировать «философию жизни русского человека» я не делаю, поскольку не понимаю, что это такое. О каком «русском человеке» идет речь? Все люди разные, и русские люди

в этом не составляют исключения. Другое дело, что совокупность представлений о мире, заключенных в разных словах и выражениях русского языка, складывается в некую систему взглядов и предписаний, которая разделяется всеми говорящими по-русски. Ибо подразумеваемое чаще всего не отслеживается говорящим, оно принимается как нечто само собой разумеющееся, как некоторое априорное знание о том, как вообще устроена жизнь. Скажем, слова, переводимые словом «утро», по-видимому, существуют во всех европейских языках. Но для русского человека утро наступает, когда он проснулся, или, если, например, он спать не ложился — то когда природа проснулась, солнце встало. А в Германии утро наступает сразу после полуночи. И некоторые педанты на немец-

ком радио до сих пор говорят guten morgen, когда время переходит за полночь. Этот «подтекст» в значении слова не может быть выявлен при переводе. Он подразумевается...

– Хорошо. А что подразумевается тогда под русской широтой и русским «авось»? В чем отличие «воли» от «свободы»? И почему, с одной стороны, «хорошую работу» мы ценим, но с другой – нас не пугает словосочетание «лень-матушка», и мы готовы рассматривать проявление лени как своего рода сибаритство. Зато слова «расчет», «карьера» и «корысть» воспринимаются нами отрицательно.

– Я бы сделал несколько предварительных оговорок. Как мы воспринимаем мир? Для носителей русского языка совершенно очевидно, что за рассудок отвечает голова, а за чувства – сердце. А в древнееврейском языке сердце отвечало за всю психическую жизнь, в том числе за рассудок и понимание. Поэтому когда в Библии, например, говорится о людях с ожесточенным или с окамененным сердцем, речь идет, скорее, об их неспособности к пониманию, к восприятию того, что им говорят. А в некоторых африканских языках орган понимания – печень. Разумеется, и картина мира этих языков будет иной.

– А что все же важнее в русской языковой картине мира – сердце или голова?

– Надо различать индивидуальный взгляд разных людей и то, что нам навязывает язык. Язык нам не говорит о том, что выше – разум или чувства, хотя, скорее, намекает, что разум важнее. Носитель русского языка прекрасно понимает, что означает «ум с сердцем не в ладу» – фраза, которую на некоторые языки трудно даже перевести. Когда говорят, что у такого-то сердце подчиняется разуму, – имеется в виду все же достаточно холодный, расчетливый человек, можно этого не одобрять. Совсем другое дело, когда разум подчиняется сердцу. Ну а уж сердечный человек – это тот, у которого широкое сердце и который готов в это сердце принять других людей. Сердечный человек – это, конечно, хорошо, но не настолько, чтобы он мог позволить себе потешить голову. Но «бессердечный» – это уже без всяких оговорок плохо. Сострадание, как и любовь, ценится очень высоко.

– Я бы сказал, что в языке есть простор для подходов порой прямо противоположных.

– Язык в большинстве случаев дает нам возможность отнестись к чему-либо двумя способами. Мы можем сказать «скончайся» – это плохо, а можем сказать «бережливый» – и это хорошо. Но если человек бережлив настолько, что его бережливость превышает какую-то меру, то он опять-таки будет «скончайся» – а это плохо. И от прилагательного «скончайся» легко образуется уже заведомо отрицательное существительное «скончайца». А от «бережливого» никакого такого существительного не образуется.

Но в более общем смысле для русского языка характерно разделение и противопоставление «верх» и «низа», «горного» и «дольного», при этом излишнее внимание к «дольнему», к быту, к мелочам, никак не одобряется. Напротив, хорошо, когда человек бескорыстен и даже нерасчетлив. В русском языке показательна история слова «корысть», которое в близких славянских языках окрашено положительно и означает пользу. «Корыстный» по-польски значит «полезный». А в русском языке это слово характеризует человека, который прежде всего стремится к своей выгоде, – и это никак не одобряется. А если при этом человек еще и мелочный – тоже важное слово, – то есть стремится к выгоде по мелочам, за копейку удавится, – то это еще хуже. Противоположность мелочному человеку – человек щепетильный или деликатный – то есть не желающий нанести какого-либо ущерба душевному спокойствию, психике другого человека. Но оппозиции «горного» и «дольного» прослеживаются и в этических, и даже эстетических представлениях. Скажем, в русском языке «удовольствие» заведомо менее ценно, чем «радость». Сейчас в рекламе часто используется призыв «наслаждайтесь!» (калька с английского enjoy), в том числе и в контекстах, которые до сих пор кажутся комичными: «Наслаждайтесь новой сковородкой!»

Наслаждение, удовольствие сиюминутно, физиологично, сугубо индивидуально и в этом смысле – фиктивно. Оно может быть очень сильным, это удовольствие, к нему можно стремиться, и в то же время – это не есть нечто сущностное. Им нельзя, скажем, поделиться. Оно не может переполнить человека.

Радость – это некоторая реальность. Радостью можно поделиться, и от этого радость становится не меньше, но больше. Радость может переполнить человека, плескаться в нем. Радость совершенно не физиологична, и она очень высоко ценится, конечно. Даже сильное удовольствие, наслаждение русская языковая картина мира не очень-то ценит, в отличие от радости, потому что порадовать – в самом широком смысле это просто сделать хорошее другому человеку.

– Русское «авось» тоже проистекает от нежелания «заземляться» в быту?

– Русское «авось» – это часть языкового автопортрета. Да, в русском языке явно положительно оценивается пренебрежение к возможным неприятностям, которое и выражает слово «авось». Произойти может всякое, всего не предусмотришь, и думать об этом нечего – авось пронесет. И даже если какая-то не слишком серьезная неприятность случится – то и это «ничего». Тоже специфическое русское слово. С другой стороны, такая беспечность уравновешивается такими конструкциями, как «а вдруг», «мало ли что» и «на всякий случай»: из них тоже явствует, что случиться может все, что угодно, действительность непред-

сказуема. Но вывод делается противоположный: лучше подстраховаться. С такими «удвоениями» представлений, существующих в русской языковой картине мира, нам часто придется сталкиваться. Ну, например, «ширь», «простор» – это что-то безусловно позитивное, ценное, без чего русский человек не может чувствовать себя свободно и хорошо. Но «простор» пронизан холодом, ветром и опасностями – и тут ему противостоит «уют» – как своего рода безопасное и комфортабельное убежище человека.

– Мне бы хотелось развить тему широты, пространства: в каком-то смысле русское слово «воля» отличается от русского же слова «свобода» подразумеваемым пространственным измерением. Так?

– Чем «воля» отличается от «свободы»? Свобода – это когда человека не призывают к тому, чего он не хочет делать. Это некоторая система ограничений, которая человека не очень тяготит. А воля – это когда человек просто может поступать как угодно, никаких норм нет. Этим воля может быть даже страшна – норм нет, все непредсказуемо, но чем-то и желанно. Оттенки в значении слов «воля» и «свобода» очень ярко оказались в названии двух партий – террористической «Народной воли» и Партии народной свободы, как иначе называла себя Конституционно-демократическая партия, партия кадетов, которая была партией университетских профессоров.

Можно сказать, что противопоставление мира и воли, о котором я упомянул, близко, скажем, к противопоставлению космоса и хаоса. Воля – это хаос, где нет ничего упорядоченного. Пространственно это слово, конечно, связывается с простором...

– В русском языке и многие внутренние состояния, на мой взгляд, определяются через пространственные представления. «Широта души», «широкий человек». Даже слово «гулять» во всем множестве своих значений подразумевает в том числе и пространственную нескованность.

– Происхождение слова «гулять» не очень понятно. Сейчас кажется, что его основное значение – это пешее перемещение, но все-таки по смыслу «гулять» очень отличается от английского to walk. В русском «гулять» главное то, что человек не работает, а делает то, что хочет, и свободен. «Я не пошел на работу, когда должен был пойти» – это называется прогул, а если человеку законно разрешили не идти на работу, это называется отгул. В просторечии есть выражение «гулять отпуск». Сюда же можно добавить выражения «гулять на свадьбе», «народное гулянье» и другие.

– У вас был прекрасный пример с графом Платовым.

– Граф Платов сказал императрице Марии Федоровне, что с короткими своими товарищами ездил в Царское Село: «Что вы там делали? Гуляли?» – спросила она. «Да нет, государыня, – отвечал Платов, – большой-то гульбы не было, а так – буты-

лочки по три на брата осушили». Понятно, почему «большой гульбы» не было, потому что для того, чтобы была большая гульба, надо, чтобы был стол, закуска, задушевность в застолье, что тоже связано с русской языковой картиной мира...

– Где-то здесь нащупывается и широта русской души...

– Широта русской души – это своего рода штамп.

– Интересно было бы разобрать.

– Слово «широкий» в применении к душе может означать разные вещи. Любовь к размаху, наличие любви к крайностям, щедрость. Но, с другой стороны, скажем, у Достоевского в «Подростке» герой задается вопросом: «Широкость ли это особенная в русском человеке или просто подлость?»

– «Широк русский человек, я бы сузил».

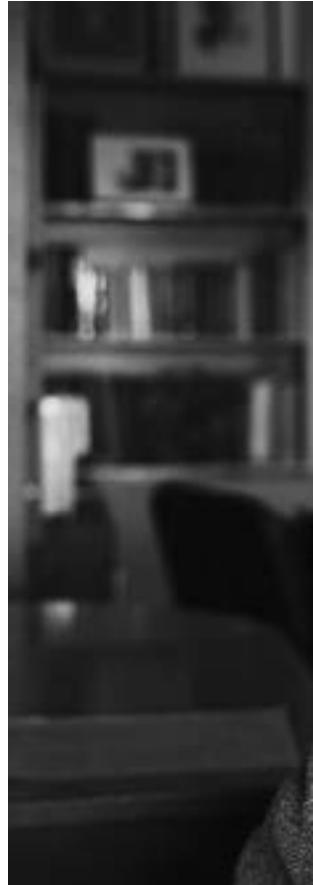
– Это уже из «Братьев Карамазовых». И там говорится просто: «широк человек». Но многие, цитируя, как и вы, добавляют слово «русский», потому что, конечно, есть ощущение, что это русским очень свойственно. Вообще, такая пространственная составляющая, переживание просторов – оно проявляется очень во многих словах русского языка. То, что свобода связана с большими пространствами, проявляется еще в целом ряде слов, например в таких, как «даль», «ширь», «приволье», «раздолье». Человеку нужно большое пространство, чтобы чувствовать себя свободно и хорошо, человек только на просторе может чувствовать, что его ничто не стесняет, и это специфика русского языка – связь свободы и простора.

– Я сам так ощущаю.

– Просто по-русски, если свобода человека как-то ограничена, это называется притеснением и связано с теснотой, а как мы знаем, Обломов всегда ходил без галстука и без жилета, потому что любил простор и приволье. Галстук и жилет стесняют его свободу, и без галстука и жилета не то чтобы у него получается большой простор в собственном смысле слова, но ощущение такое – что он может двигаться как хочет. Поэтому очень характерны для русских текстов сочетания «покой и простор», как в стихотворении Некрасова «Железная дорога». Но, с другой стороны, в русской языковой картине мира представлена и любовь к небольшим закрытым пространствам, к уюту. А что такое уют? С чем он ассоциируется? Как правило, с небольшим, обжитым, теплым помещением, занавесками на окнах, комнаткой. Характерно, что «уют» сочетается с уменьшительными существительными: «уютный уголок», «уютное гнездышко», «уютный мирок», «уютный дворик». Мы не можем сказать «уютный мир», «уютный угол», «уютное гнездо», «уютный двор».

– Да, это как-то не по-русски...

– Известно, что для уюта носителям русского языка необходимы занавески, желательно небольшое

помещение. Странно сказать «большая просторная уютная комната». Желательно теплая комната. Хорошо, если камин какой-то или печка топится, самовар на столе, какая-то округлая мягкая мебель, обои на стенах. В этом – ощущение уюта.

– Что-то мы вверглись в дальний мир со всем этим уютом. Хотелось бы вернуться в горний. Вы интересно разбираете оппозицию смириения и гордости и даже задаетесь вопросом: какое смириение нам подобает?

– В современном русском языке есть два омонима: «мир» как вселенная и «мир» как отсутствие войны, и кажется, что между ними нет почти ничего общего, что это случайное совпадение. Исторически это было, видимо, одно слово еще, скажем, во времена Кирилла и Мефодия, и слово означало нечто вроде «гармония», «порядок», «обустроенность». Противопоставлялось воле. В конце концов это слово стало обозначать два понятия, которые в других языках называются разными словами. Да и в русском языке с какого-то времени эти слова – «миръ» (отсутствие войны) и «міръ» (вселенная, или міръ, крестьянская община) – стали писаться по-разному. И слово «миръ» повлияло на слово «смириение». Слово «смириение», по-видимому, исторически связано со словом «мѣра». «Смѣрение», «смѣриться» – это значит «умерить свои претензии», не претендовать на что-то большее, чем человек собой представляет. Но довольно быстро оно стало писаться с буквой «и» вместо «ять».

– А может быть, все-таки «смириение» – это «мир в душе»?

– Нет, «смириение», или латинское *humilitas*, – это отсутствие гордости в первую очередь. Смириться – это значит слишком не гордиться. Но именно на русской почве, где смириение связалось с миром и с идеей примирения, стало писаться с буквой «и», появилась идея мира в душе, которого нет, скажем, в английском *humility*, во французском *humilité*. От латинского слова *humus* – «земля». Человек считает себя не выше земли. А по-русски «смириение» приобрело новый момент, когда человек примиряется как бы со всеми близкими, уравновесил, успокоил свою душу, утвердил мир в душе. Смириться с чем-то. Раньше говорили: «смириться перед чем-то». Перед какими-то бедами, превратностями судьбы. Это привело к тому, что на русской почве «смириение» часто ассоциируется с некоторой пассивностью – человек принимает все, что происходит в действительности, «примирается с действительностью», чего нет, скажем, в английском *humidity*. Впрочем, английское слово практически вышло из употребления. В современном языке употребляется слово *humble*, «смиренный»; в шутливом интернет-клише *in my humble opinion* – ИМХО – по-русски пишут «ИМХО», что значит «по моему скромному мнению», – *humble* стало обозначать не только «смиренный», сколько «скромный». Но такие же существенные изменения произошли и со словом «гордость», без которого бессмысленно говорить о смириении. Изначально гордость – это первый из семи смертных грехов, и именно ее и надлежало в первую очередь смирять. Но начиная с конца XIX века в европейских языках слово «гордый» изменило свою оценку и все чаще стало употребляться в положительном значении: «прекрасные гордые люди». У Максима Горького какой-нибудь гордо реющий буревестник и звучащий гордо человек – уже сплошь и рядом. Хотя когда Чехова одна дама в письме назвала гордым мастером, он ей ответил: «Почему вы называете меня гордым мастером – горды только индюки». Видно столкновение двух – более старого и более нового – значений. Потом слово «гордый» стало советским штампом, который уже Галич обыгрывал иронически: «Прекрасная и гордая, // Заметна за версту, // У выезда из города // Стояла на посту». Сейчас отрицательный смысл у слова «гордость» появляется очень редко, в основном в этом случае уже говорят – «гордыня».

– А что особенно ценно для человека в русской языковой картине мира? Каковы мотивации, грубо говоря? Если удовольствие – не такая уж ценность?

– Не является подлинной ценностью. Это, скорее, техническая такая вещь. Существует же техника получения удовольствия. Можно сказать: «А, это так, для удовольствия» – и сделать жест, махнуть рукой. Мы не можем сказать: «Ну, это так,

для радости». Потому что радость – это действительно важная вещь, а удовольствие – это ерунда. Красота – ценность. Само слово «красивый» – тоже вообще-то специфически русское, труднопереводимое. По-английски непонятно, как выразить смысл слова «красивый». По-русски могут быть «красивое решение задачи», «красивый гол в футболе», «голос красивый», «женщина красивая». Вот все объединено тем, что доставляет эстетическое наслаждение. А любование, эстетическое наслаждение высоко це-няются в русской языковой картине мира, единственное вообще наслаждение, удовольствие, которое высоко ценится.

– А «правда»? Какие-то все это глубокие корни имеет, если Солженицын сравнительно недавно призывал жить не по лжи. Это по правде жить...

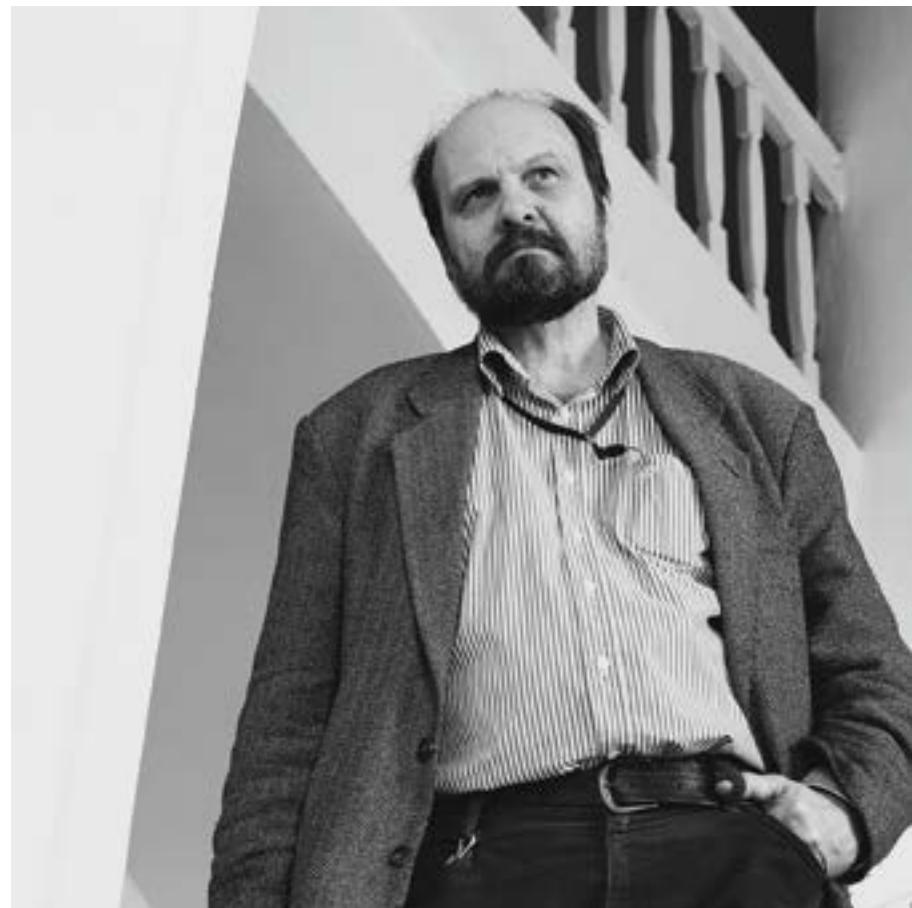
– Это верно. Но в некотором отношении слово «правда» противостоит слову «истина» как менее высокое. Истина в русском понимании – это то, что соответствует реальному положению дел и что необходимо устанавливать. Правда – это то, что люди знают и друг другу сообщают или, наоборот, скрывают. Можно знать правду, можно ее скрывать. Можно сказать полуправду. Не бывает полуистины, потому что истина не членится пополам. Можно сказать неправду. Не бывает неистины. Потому что истина – это просто положение дел, оно не связано с тем, что говорят люди. Поэтому в суде свидетели клянутся говорить правду, всю правду и только правду, а суд на основании их показаний уже хочет установить истину.

– Но жизнь по правде – это же серьезно?

– Здесь мы сталкиваемся с другим значением слова «правда», связанным с некоторым специальным тоже русским представлением о справедливости и с общехристианским представлением о праведности. Жизнь по правде – это близко к жизни по совести. Тут же рядом стоит специфически русское представление о «справедливости», которое, разумеется, переводится на разные языки, но при этом возникают другие оттенки смысла. Скажем, по-французски «справедливость» просто justice – то есть это юстиция, а по-русски справедливость и законность – это разные вещи. Противопоставление справедливости и законности на некоторых языках даже и выражается с трудом, а носители русского языка прекрасно понимают и даже могут задать вопрос, как судить: по закону или по справедливости?

– В слове «справедливость» не кроется ли праведность какая-то?

– Исторически это, конечно, тот же корень. Но слово «справедливость» может оцениваться и не столь высоко. И даже как нечто совершение не ценное, потому что справедливость меньше, чем милость, меньше, чем жалость, сострадание

и так далее, и есть такие типичные словосочетания – «суров, но справедлив». Справедливый человек может быть суровым, может быть жестоким и так далее, и это, конечно, не очень ценится в системе ценностей. И скажем, Сергей Довлатов выстраивал такую схему на основании романа «Мастер и Маргарита»: абсолютное добро – это Иешуа, а абсолютное зло – это Воланд, который символизирует как раз справедливость. Справедливость в действительности может таить в себе что-то заведомо злое, потому что в ней нет сочувствия к другим людям.

– Мы не поговорили об изменениях в русской языковой картине мира, которые произошли недавно.

– Действительно, сейчас языковая картина мира очень меняется. Вот, скажем, мы говорили о смиренении – это качество или эта способность к смиреннию в человеке очень высоко ценились прежде, а слова «успех», «наслаждение» и «выгода» не так уж много и значили в русской языковой картине мира. А сейчас ценятся. Говорят «успешный человек» – сочетание, совершенно немыслимое в языке XX века. Только в самом конце стали так говорить. Положительно стали оцениваться успешная карьера, или амбициозные менеджеры, или эффективные менеджеры. Это новые словосочетания, которые выражают уже другую систему ценностей. «Карьерный рост»! Уже мало кто

помнит, что так сказать было нельзя, все прилагательные, вообще все производные слова «карьера» были окрашены отрицательно: «карьеризм», «карьерист»...

Сейчас это совершенно изменилось, и предполагается, что люди, естественно, хотят сделать карьеру, хотят получить выгоду. Это очевидно из языка рекламы. Хотят наслаждаться жизнью. Это видно в значении многих слов. Особенно видно, когда слово как бы заимствуется второй раз. Слово «амбициозный» было заимствовано в русский язык в конце XIX века и приобрело значение « тот, кто чрезмерно самонадеян, обладающий чрезмерно высоким о себе мнением и чрезмерно честолюбивый».

— Я недавно слышал в политическом выступлении словосочетание «амбициозные экономические проекты» как что-то хорошее.

— Это новая вещь. Изменились представления о том, хорошо ли ставить перед собой трудновыполнимые задачи, которые побуждают человека их выполнять и высоко о себе думать.

— А что сменило традиционное русское «наплевать»? Махнул рукой, сказал «плевать» — и думать забыл. Это почти смирение. Вот «по фигу» или его матерный эквивалент — это уже неприятно. «Мне совершенно нет до вас дела» — вот что это означает.

— Это верно. Такого человека не интересуют мнения и чувства других людей. Это в традиционной культуре оценивается отрицательно, потому что там как раз ценится внимание к чувствам другого человека. Но, с другой стороны, отношение, выражаемое словом «плевать», может расцениваться как взгляд философа, не интересующегося мелочами жизни. Татьяна Толстая даже пишет, что «плюнуть», «махнуть рукой» и простить обидчику — это взгляд христианский.

— Но интересно, лень — она ведь никуда не делась, несмотря на креативных менеджеров.

— Представление о лени входит в автостереотип русских. При этом история слова «лень» — это такая отдельная история... Интересно, что, скажем, в первой половине XIX века слово «лень» могло появляться в таком почти итальянском значении *dolce farniente*, и «ленивец» часто rhymeовался со словом «счастливец». Хотя обычно лень не одобряется, есть лодыри, лентяи, и это плохо. Но при этом человек запросто может отказаться от работы, от дела какого-нибудь на основании единственного аргумента: «Мне лень». Если сказать «лень» или «неохота» как отдельные предложения, это будет без всякого осуждения воспринято как отказ. Мы говорим об особенностях языка, об особенностях словоупотребления, на этом основании не стоит делать вывод о том, каковы они, носители современного русского языка. О людях мы не можем судить.

Зато мы можем проникать в культуру через язык — в ту часть культуры, которую мы уже понастоящему не знаем, ведь мы не являемся носителями русской крестьянской культуры, просто народной культуры XIX века, но мы можем через язык кое-что про нее понять, что люди считали само собой разумеющимся.

Ну, и также мы можем узнавать что-то про то, что кажется само собой разумеющимся современным носителям языка.

— И что же?

— Язык, с одной стороны, очень чуткая, отзывчивая вещь, в нем быстро сказываются все изменения оттенков смыслов слов, появляются новые слова для обозначения ранее не существовавших реалий, а с другой стороны, принципиально изменить картину мира, которая задается языком, очень трудно. Несмотря на все перемены в обществе и в языке, из языка никуда не ушло и по-прежнему кажется само собой разумеющимся, что нужны большие пространства, чтобы чувствовать себя свободно и хорошо, что есть высокие вещи, а есть низкие, на которые можно махнуть рукой и сказать «плевать» и особо на них не обращать внимания. О многом говорят сохранившиеся пары слов «радость — удовольствие», «бытие — быт», «добро — благо». Можно сделать вывод, что русская культура внимательна к нюансам человеческих отношений. Что она высоко ценит отзывчивость, ласку, родственность. Особая роль родственных отношений проявляется в таких обращениях, как «родной», и в обращениях к незнакомому человеку: «отец», «бабуля», «браток»...

И, несмотря на частое и повсеместное употребление слова «счастье», русский язык до сих пор не очень-то высоко ставит его, не очень в него верит. В духе того, как говорил Суворов: «Сегодня счастье, завтра счастье — помилуй Бог, а ум-то где?»

— А кстати — ум-то где в русской языковой картине мира? Вот вы утверждаете, что язык нам свидетельствует о том, что ум высоко ценится, а с другой стороны, у нас любимый сказочный персонаж Иван-дурак, отношение к нему сочувственное, в крайнем случае снисходительное. И вообще, все эти обороты — «шибко умный» и пр. — они как будто отдают приоритет везению, удаче («везет дуракам»), а не уму.

— Соотношение ума и счастья — это отдельная тема. В русской культуре есть и то, и другое: то есть отношение, при котором выше ценится счастье, и отношение, при котором выше ценится ум. Об этом свидетельствуют русские пословицы. С одной стороны, говорится: «Счастье без ума — дырявая сумма, что найдешь — и то потеряешь». А с другой стороны, говорится: «Счастье — дороже ума». Так что во многом это зависит от личного отношения человека. В некоторых случаях есть ценности, отношение к которым человек выбирает сам. ☺

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УБИВАТЬ

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСАНДР ЧУДОДЕЕВ

ФОТО

СЕРГЕЯ АВДУЕВСКОГО

ЗАЧЕМ ВСПОМИНАТЬ СТОЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ? ВЕДЬ ЕЩЕ СОВСЕМ НЕДАВНО ПО ЭТОМУ ПОВОДУ БЫЛИ РАССТАВЛЕНЫ ВСЕ ТОЧКИ НАД I. ДЕСКАТЬ, «УЧАСТИЕ РОССИИ В ТОЙ ВОЙНЕ – ГЛУПОСТЬ И ТРАГИЧЕСКАЯ ОШИБКА, КОТОРУЮ МОЖНО БЫЛО ИЗБЕЖАТЬ». ЧТО ТА ВОЙНА «ЗАКОНЧИЛАСЬ ПОРАЖЕНИЕМ ЦАРСКОГО РЕЖИМА». НО ВОТ КАКАЯ ШТУКА ЭТА ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ – МНОГИЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ (РАСШИРЕНИЕ НАТО, СИТУАЦИЯ ВОКРУГ УКРАИНЫ) удивительным образом напоминают то время. СИЛОВОЕ ДАВЛЕНИЕ НА РОССИЮ в ту войну удивительным образом повторилось в 90-е годы прошлого столетия и чем-то даже напоминает и современный «УКРАИНСКИЙ СЮЖЕТ».

НИ ОДНА ИЗ ВОЙН В ИСТОРИИ НЕ СТАНОВИЛАСЬ причиной появления столь большого количества споров и мифов, как Первая мировая. О каких мифах и легендах идет речь и почему многие политики, историки, журналисты и прочая общественность до сих пор спорят об этой войне? Своим мнением делится директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, академик РАН Юрий Пивоваров.

– Юрий Сергеевич, если посмотреть советские школьные учебники, как и более серьезную партийную литературу с начала 20-х годов прошлого века, то в них та война была заклеймена как «империалистическая», «несправедливая» и «ненужная народу»...

– Если вы помните, то в этих учебниках весьма мало места уделялось этой войне. Гораздо больше говорилось о слабости России в той войне, о ее

несостоительности и неготовности. И это было понятно. Ведь большевики, прийдя к власти в октябре 1917 года, заявили, что они открывают новую эпоху. Что было до этого хорошим, преподносилось как плохое и ненужное. И от этого «хорошего» надо категорически отказаться. По своей природе большевики не могли признать, что царизм не столь уж бездарно вел войну или что это была война, в ходе которой русский народ проявил себя героически. К тому же та война в нашем сознании заслонена Великой Отечественной войной. Для русского народа именно Великая Отечественная, безусловно, стала основной войной XX столетия. А вот англичане и французы Великой войной называют именно Первую мировую. В их сознании гораздо более важна именно эта война, в которой с их стороны было больше жертв и где их участие было решающим. И по сей день у нас, даже среди достаточно образованной части общества, бытует мнение, что Россия проиграла Первую мировую войну. А ведь это большевистская, а вовсе не объективная точка зрения.

– Над нами во многом еще довлеет такой ленинский постулат: «превратим войну империалистическую в войну гражданскую». Его, что интересно, никто не отменял и не называл «преступным» или «антинародным». Вот это как?

– Представьте себе картину: Ленин, который сидит в благополучной Швейцарии, который давно не был в России. И вот 1 августа 1914 года начинается война. В такой ситуации будущему «вождю мирового пролетариата» предоставляется неплохой шанс громко о себе заявить. И Ленин, да и не только он на крайне «левом фланге», но и те, кто проповедовал крайне правые, консервативные идеи, увидели в этой войне возможность «проявить себя». Кстати, Николая II многие, в том числе бывший министр внутренних дел Петр Николаевич Дурново, предупреждали не вступать в эту войну, ибо для России это закончится плохо. Но для статс-секретаря Дурново было плохо то, что для России плохо. А для Ленина было плохо, если ничего не произойдет. Война была для него шансом. Она, в понимании Владимира Ильича, ослабит капиталистическую систему в целом и всколыхнет русскую политическую сцену. А это уже шанс для политиков типа Ленина, чтобы сформировать революцию. А что такое революция? Это и есть гражданская война – ее синоним. Миллионные массы пойдут не друг против друга сражаться, а с оружием в руках пойдут убивать «своих капиталистов». То есть русские пойдут против русских. И ведь так оно и случилось. А через год уже в Германии началась революция, но ее удалось подавить. Страна получила передышку почти на пятнадцать лет. Однако, как и Россия, не сумела вырваться из-под негативного воздействия Первой мировой. К власти пришел «окопник» Гитлер. Удивительно другое – как относительно спокойно тогдашняя российская общественность

рубила сук царского «прогнившего режима», на котором она же сама и сидела. Ведь с чего началась Февральская революция? С протестов, что в столицу не подвезли хлеба – свежего хлеба. Хлеб нескольких дней давности в магазинах был.

– Утверждается, в частности, что на тот момент война стала самым кровопролитным конфликтом. Так ли это? К примеру, в Китае подсчитали, что за четырнадцать лет Тайпинского восстания во второй половине XIX века погибло от 20 до 30 миллионов человек. В то время как в Первую мировую в общей сложности погибло около 17 миллионов солдат и мирных граждан. Согласны с такими подсчетами?

– Я думаю, что, делая такие подсчеты, китайцы нас не обманывают. Но просто надо помнить соотношение населения Поднебесной к населению Европы. И тогда Китай был самой населенной страной в мире. Важно то, что среди всех войн мирового масштаба таких жертв, которые были в ходе Первой мировой, еще не случалось. Более того, в конце XIX века целый ряд крупных военных экспертов полагали, что Большая война просто невозможна в связи с появлением отравляющих газов (правда, по инициативе Николая II Гаагские конференции 1899 и 1907 годов запретили применение газов и разрывных пуль). Но это не помешало немцам в 1915 году впервые применить газы на Западном фронте), танков, аэропланов, пулеметов и так далее. Та ситуация, к примеру, несколько напоминает нынешнюю, когда большинство специалистов считают, что ядерная война невозможна, поскольку над человечеством довлеет страх повторения новой Хиросимы с ее жертвами и разрушениями. Но когда сто лет назад началась Большая война, буквально все, в том числе и в России, предсказывали, что она продлится недолго. В этом смысле Первая мировая нанесла миру страшную травму. Она была началом ужасной трагедии, которая в общем и целом закончилась лишь по окончании Второй мировой войны. Фактически участники Первой мировой доиграли эту печальную пьесу в ходе Второй мировой. Межвоенное двадцатилетие стало страшным периодом, когда к власти в ряде стран пришли тоталитарные и авторитарные режимы. В экономике случился Великий кризис. Первая мировая открыла этот ящик Пандоры. Для Европы это стало коллективным самоубийством, суицидом всего Старого Света – с его изысканной культурой, отчасти декадентской, но очень сложной и великолепной. Россия той поры была в культурном смысле полноправным участником всей этой великолепной европейской культуры. И разрушение всего этого стало незаживающей раной, особенно для тех, кого тогда называли «потерянным поколением». Страдания этого поколения блестяще описаны в произведениях Ремарка, Хемингуэя, Арагона и других. Но в России не было «потерянного поколения», поскольку в России

произошли революция и Гражданская война, которые перечеркнули страдания Первой мировой.

– Как быть с мнением о том, что тогда «все не навидели войну»?

– То, что никто, если не брать в расчет большевиков и им подобных, не хотел войны, это факт. В советское время на русский язык была переведена книга Барбары Таксман «Августовские пушки». Это бестселлер о том, как началась Первая мировая. Автор подводит читателя к выводу, что ни одно тогдашнее правительство войны не хотело. Вместе с тем будущие участники этой войны активно к ней готовились. Взять, к примеру, Германию. Существовал известный план Шлиффена, предлагавший вести войну на два фронта, с блицкригом на Западном фронте и захватом Парижа. Франция готовилась тоже, желая взять реванш у Германии за поражение во Франко-прусской войне 1870 года. Англия готовилась воевать, выражая беспокойство ростом германских вооруженных сил и германского противодействия британскому морскому владычеству. Германия активно добивалась колониального передела. В России, в том числе и у либералов, таких как Милюков, лидер партии кадетов, была популярна идея получить контроль над проливами – Босфором и Дарданеллами – и тем самым дать России возможность стать хозяином Юга Европы. Австро-Венгрия также была начеку, в особенности из-за ситуации на Балканах. Как и тогда, не просто ответить на вопрос: «Кто виноват?» Не все так очевидно. Германию по Версальскому договору заставили признать, что она несет главную ответственность. Теперь появляются версии, что во всем виноваты Россия и Сербия, и именно тогдашние их правители были «поджигателями войны». Многие говорят о противоречиях между Германией и Британией, считая их «мотором войны». Или франко-германское противоречие... Нам надо помнить, что главным военным врагом России в тот момент была не Германия, а Австро-Венгрия. Нашей главной задачей было сражаться с Австро-Венгрией и хотя бы не проиграть Германии. Потому что основное должно было решиться на Западном фронте. То есть в этой войне, как бы нас это ни обижало, России отводилась второстепенная роль.

– Некоторые специалисты считают, что России не стоило ввязываться в эту войну. Якобы даже Григорий Распутин убеждал последнего «царя-батюшку» не участвовать в Первой мировой, ибо в противном случае Россию ждет погибель. Что вы об этом думаете?

– Я призываю не переоценивать «фактор Распутина». Распутин, конечно, играл при дворе определенную роль, потому что обладал некоей силой, помогавшей ему заговаривать кровотечение у наследника престола, а, скажем, врач Боткин, великолепный профессионал, не мог этого делать. Что в этой ситуации оставалось импера-

трице? Она, как мать, полагалась на Распутина. Но эти его качества не могли, разумеется, предотвратить войну. Да, Распутин был против нашего участия в войне. Однако, повторим, тогда многие дальновидные люди были против вступления России в войну. Но дело в том, что Россия в той ситуации одна не могла избежать участия в Первой мировой. Все вместе смогли бы предотвратить ее. Но мы одни – нет. Россия была вплетена в общеевропейскую политическую, военную, хозяйственную систему настолько крепко, что взять и гордо заявить, что мы участвовать в надвигающейся войне не будем – она просто не могла.

– *То есть нам было невозможно «отсидеться»?*

– Абсолютно верно. К примеру, товарищ Сталин, вступая в пакт с Германией в 1939 году, хотел «отсидеться». Но Вторая мировая все равно к нам пришла. В данном случае я не обсуждаю пакт Молотова – Риббентропа. Но попытка отодвинуть войну от наших границ была. Мол, пусть Гитлер воюет на Западе, пусть обе стороны ослабнут, придет время – мы воспользуемся этим... Не получилось. В ситуации же, связанной с Первой мировой, мы, даже если бы Николай II хотел этого, не могли остаться в стороне. Вся диспозиция войны со стороны Антанты была в том, что русские должны были оттянуть какое-то количество немецких войск, чтобы те сразу же не взяли Париж. В тот момент это многие понимали. Также было ясно, что план Шлиффена, который немецкий Генштаб выработал задолго до 1914 года, вскорости устареет в результате быстрого прогресса военно-технической сферы. И это подталкивало Германию к войне.

– *Существует еще мнение о том, что своим спасением на тот момент Франция во многом была обязана Русской армии. Но это спасение обернулось потом большой русской трагедией – революцией 1917 года. Согласны с этим?*

– Тут мы не открываем никаких Америк. Более того, классик русской литературы Александр Солженицын в романе «Август четырнадцатого» считал, что гибель армий Самсонова и Рennenкампфа в Восточной Пруссии в самом начале войны во многом обусловила падение царизма в 1917 году. То наше поражение было тяжелым и действительно имело для нас тяжкие последствия, но оно, безусловно, спасло Париж. И не просто спасло один из самых блестательных городов мира, но и не дало Франции выйти из войны. Если бы такое случилось, то тогда немецкий сапог всей своей мощью прошелся бы по нам. То есть тогда мы спасали не только Францию, но и самих себя. А те наши армии, как это ярко показал Александр Исаевич в своем романе, героически, но, из-за устаревшей организации и особенно отсутствия связи между частями, погибли. Вообще, причина наших относительных неудач в той войне во многом заключалось в том, что у нас довольно быстро был выбит кадровый офицерский корпус. Дело в том, что у тех же немцев, поскольку в Германии было всеобщее образование, практически не было неграмотных людей. Там тогда, как у нас позднее, уже при советской власти, существовал институт «резервного офицера». «Офицеров запаса» было у немцев с избытком. А у России такого количества «резервистов» не было и близко. У нас образование было уделом меньшинства. Поэтому офицеров, имеющих образование, было не так много, как и офицеров-«резервистов», их было не-

откуда брать. К тому же в первые годы войны и эти офицерские крохи были перебиты. Качество войск, а значит, и управления заметно понизилось. Что демонстрировало военную отсталость России тех времен (при этом не следует эту отсталость преувеличивать).

— То есть вы считаете, что Россия в Первую мировую воевала бездарно?

— Да нет же! Наоборот, я считаю, что мы воевали хорошо. Чего мы добились? Мы выполнили главную для нас задачу в той войне. Мы не дали разгромить Францию, а значит, не дали Германии и Австро-Венгрии навалиться на нас. На германском фронте мы далеко немцев не пустили. К концу войны мы потеряли Польшу, часть Белоруссии, Украины и Прибалтики. И все! То есть если посмотреть на линию фронта к 1917 году, то наши тогдашние потери не идут ни в какое сравнение с людскими и территориальными потерями советских войск к 1942 году. Тогда под немцами оказалось 85 миллионов населения и 2 миллиона квадратных километров территории. Что же касается Австро-Венгрии, то двумя ударами, в 1914 и в 1916 годах (Брусиловский прорыв), мы практически уничтожили австро-венгерскую армию. Мы не пустили немецкий флот в Петроград. Другое дело, что и наш флот не сумел себя по-настоящему проявить, поскольку немцы были все-таки сильнее. К 1917 году Россия была готова одержать победу. Известен доклад начальника Главного артиллерийского управления Русской армии генерал-лейтенанта Алексея Маниковского, который он представил Временному правительству в апреле 1917 года. В нем убедительно говорилось о том, что Россия готова к победе. Надо также иметь в виду, что в это же время в войну на стороне Антанты вступили США. А значит, участь Германии была фактически решена.

— А сколько Россия потеряла в живой силе в той войне?

— Мы потеряли порядка 2 с лишним миллионов человек. Эта цифра сопоставима с потерями других стран-участников Первой мировой. В чем мы всех превзошли, так это в количестве попавших в плен. Нечто подобное нам пришлось пережить на раннем этапе Великой Отечественной. Но это сугубо психологический вопрос. Человек попадает в плен, когда у него начинается паника. Русская царская армия состояла в основном из крестьян. А они в большинстве своем часто не понимали, за что они кровь проливают. Такие понятия, как «Россия», «Родина», не были для них понятны. Для российских крестьян начала XX века «Родиной» была их деревня. Надо понимать, что в социальном отношении мы тогда сильно отставали от Европы. Да, российская элита была сопоставима с европейской. А вот основная масса населения все еще жила в архаичном XVII веке. Но в любом случае Россия к 1917 году оказалась

наименее пострадавшей среди всех основных воевавших держав. Если во всех этих странах были введены карточки на рационное питание, то Россия могла себе позволить этого не делать. Так зажиточно и сыто российская деревня ни до войны, ни после нее никогда не жила. Отчеты полиции свидетельствуют о том, что крестьяне могли себе позволить покупать в городах неизвестный им до тех пор шоколад. Если сравнивать социальную обстановку в царской России в годы Первой мировой с периодом Великой Отечественной, то можно констатировать: в первом случае в стране не было такого дикого перенапряжения сил, как это случилось через 25 лет. То есть в первом случае Россия не очень-то перенапрягалась. Удивительно, но это факт — в годы Первой мировой экономика России продолжала расти. Например, в военный период была построена уникальная железная дорога Петроград — Мурманск протяженностью более тысячи верст. Эта дорога прошла по непригодным для человеческого существования местам. Английские инженеры покрашивались тому, как в таких условиях подобное вообще возможно построить. Тем более ведя войну. Существует точка зрения, согласно которой русские железные дороги не справились с вызовами

войны. Положение, конечно, было тяжелым. Мы здесь исторически отставали, поскольку позже других вступили в «железнодорожную гонку». Но, что интересно, уже в 1916 году пропускная способность русских дорог была выше, чем, к примеру, у американцев! Можете себе это представить!

– С ваших слов выходит, что и воевали мы не плохо, и был экономический и технический рост, и крестьяне стали охотно шоколад покупать... Тогда объясните, откуда же на нас свалилась такая трагедия, как две русские революции 1917 года и кровопролитнейшая Гражданская война?

– Во-первых, не все было так благостно. Были серьезные провалы на фронте. Была общая усталость от войны. Были немалые потери в живой силе. У людей было ощущение, что все ведется неправильно. Была также и бездарная бюрократическая политика царизма (знаменитая «министерская чехарда»). Около престола постоянно крутились какие-то «темные людишки». Николай II взял на себя полномочия Верховного главнокомандующего. Что было ошибкой. С того момента все проблемы, возникавшие на фронте, стали связывать прежде всего с его именем. Император покинул Петроград и не мог контролировать ситуацию в столице. Еще один момент. В те годы сильно возросла роль гражданского общества. Возникло общероссийское земское движение во главе с князем Георгием Львовым, объединившее земства городские и сельские. Это была мощная организация, которая занималась помоющим фронту. Но одновременно это была организация оппозиционных сил. В 4-й Госдуме возникает «Прогрессивный блок», в который вошли основные политические силы России. Блок занимает открыто антисистемные позиции. «Общественники» существенно выросли во время войны. Они, трактуя эту войну как абсолютно неудачную, обвиняя во всем царизм, почувствовали себя «спасителями нации». Ведь с чего началась Февральская революция? Именно думцы начали наступление на царизм, а Дума стала штабом революции. Обе основные политические силы сразу вышли из этого замороженного состояния. По сути, возник антицарский заговор, в котором участвовали представители генералитета, ведущие политики, члены императорской семьи. Ведь сто лет общество, начиная с декабристов, желало «подвинуть» самодержавную монархию в сторону и само руководить. Уже потом они поняли, что их «заговор» был ошибкой и даже преступлением. Нетерпение и безответственность элит привели Россию к катастрофе.

Хорошо известны антиправительственные речи Милкова и Керенского, произнесенные ими в Думе в конце 1916 года. Когда их читашь, не понимаешь, почему эти люди не были арестованы. Критика нынешней оппозиции в адрес власти это просто детский сад по сравнению с тем, что тогда позволяли себе говорить эти люди в адрес

Николая II и императрицы. То есть существовало много подводных камней, которые способствовали свержению монархии.

– А почему побежала с фронтов армия?

– Причин было много. Так, приказ №1 Петроградского совета после победы Февральской революции разрушил субординацию и дисциплину. Правильно говорят, что демократии не может быть в армии и в сумасшедшем доме. После этого приказа армия начала разваливаться. Были и другие причины. 1917 год был годом очередного передела земли. Крестьянская Россия жила в переделенной общине. Раньше раз в год делили землю по количеству едоков. Вчера в семье было пять человек, значит, тебе давалось пять долей земли. Завтра стало семь – получи семь долей. Но с 1893 года, еще при Александре III, решили этот передел проводить раз в двенадцать лет; считалось, что в таком случае культура сельхозпроизводства существенно возрастет. Человек, получивший землю на двенадцать лет, будет в нее больше вкладывать и на ней вкалывать, чем когда он получал ее на год. Если к 1893 году прибавить двенадцать лет, то мы получим 1905 год – начало первой русской революции. А если к 1905 году прибавить еще двенадцать лет, то мы получим 1917 год. Крестьяне, сидевшие в окопах, думали примерно так: вот они на фронте, а «Ванька с Петькой» в этот момент делят лучшую землю. Как тут усидишь? Вот солдатская масса и рванула из армии, причем с оружием в руках. После этого в стране началась Гражданская война. Мы не до конца понимаем, что настоящая русская революция происходила именно в деревне. Переворот в Петрограде и в Москве, разгон Учредительного собрания, казнь царя и его семьи, ну и так далее – важные, но не главные события той поры. Главные события происходили в деревне. Знаете, какая основная тема пронизывала всю Гражданскую войну? Ее можно сформулировать в одной фразе: «Кто опять введет деревню в спокойствие?» Кто прекратит крестьянскую революцию? Белые, красные, «зеленые»? Победили красные, и они на долгие годы заковали крестьян в крепостное рабство. Победили бы белые – они тоже попытались бы это сделать, но в более мягкой, цивилизованной форме.

– Говорят, война выковала новый тип человека. Так ли это?

– Несомненно. В чем это заключалось? Впервые убийство стало имперсональным, то есть безличным. По большей части солдаты сидели в окопах и палили друг в друга. То есть убийство потеряло личностный характер; оно стало анонимным. Кроме того, возникло общество, которое привыкло жить в условиях чрезвычайной ситуации. Рождается иной тип социального управления. В условиях войны все централизуется, огосударствляется. Русский большевизм во многом вышел из этой шинели.❶

«МНЕ ИНТЕРЕСЕН ЛЮБОЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ ШЕКСПИРА»

БЕСЕДОВАЛ

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

В АПРЕЛЕ ВЕСЬ МИР ОТПРАЗДНУЕТ 450-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА. В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СОВСЕМ НЕМНОГО ЛИЧНОСТЕЙ, ЧЬИ ДНИ РОЖДЕНИЯ ОТМЕЧАЛИСЬ БЫ НА ВСЕЙ ПЛАНЕТЕ ОДНОВРЕМЕННО В ТЕАТРАХ И БИБЛИОТЕКАХ, ЛЕКЦИОННЫХ ЗАЛАХ И КИНОТЕАТРАХ, В МУЗЕЯХ И НА УЛИЦАХ.

ОДИН ИЗ РОССИЙСКИХ ШЕКСПИРО-ведов, главный редактор журнала «Вопросы литературы» профессор Игорь Шайтанов, в прошлом году выпустил монографию «Шекспир». Книга стала развернутым ответом тем, кого накануне юбилея продолжают одолевать сомнения из-за споров вокруг авторства шекспировских сочинений – по праву ли чествуют именно Уильяма Шекспира? Игорь Шайтанов утверждает – по праву.

– Юбилей Шекспира, что называется, на носу. Узнает ли широкая общественность о 450-летии драматурга или дату отметят преимущественно научные круги?

– Пока я ощущаю больше массового интереса к празднованию юбилея, чем научного. Знаю, что театры и в столицах, и в провинции готовятся к тому, чтобы отметить 450-летие Шекспира новыми постановками. К примеру, в моей родной Вологде в начале июня пройдет трехдневный шекспировский фестиваль – с премьерными спектаклями, с чтением строк Шекспира горожанами, с презентациями новых изданий. К слову, научная конференция там тоже состоится. В Москве заметна активная работа Британского совета, на больших экранах столицы и других крупных городов России прошли киноверсии шекспировских спектаклей лондонского театра «Глобус». События уже начались.

– В чем вы видите причину непреходящей популярности английского классика в нашей стране? Ведь фактически у нас он самый почитаемый иностранный писатель...

– Несколько лет назад на эту тему высказался тогдашний посол Великобритании в Москве, Тони Брентон. Он написал эссе «Шекспир – русский», которое я перевел. Он не без юмора замечает: если принять, что пьесы Шекспира написал не он, а кто-то другой, а на эту роль выдвигается множе-

ство кандидатов, почему бы не предположить, что этот автор был русским, ведь в России так любят творчество Шекспира. Конечно, это шутка со стороны британца, но она о многом говорит. Шекспира, разумеется, любят не только в России, но и в мире. Я часто говорю на встречах с аудиторией о том, что в книжных рейтингах Шекспир располагается на втором месте, уступая лишь Библии. Третье место занимает Агата Кристи. Очень показательная позиция, между мудростью и развлечением. Он и учит, и умеет развлечь. Так было и в шекспировские времена. Кроме того, нельзя не увидеть причины нашего особого отношения к Шекспиру в том, что он открыл для нас нашу современность. Рубеж XVI–XVII веков – это начало той эпохи, которую мы считаем и называем нашим временем, нашей современностью. И литература этой эпохи создала ряд вечных архетипических образов. Сервантес открыл Дон Кихота и Санчо Пансу, в Германии появился Фауст, в Испании – Дон Жуан. По одному-двум национальную культуру. А теперь откройте оглавление пьес Шекспира – почти каждая пьеса дает вечный образ на все последующие века. Романтики называли Шекспира универсальным гением. И Россия была одной из тех стран, где национальная литература рождалась с именем Шекспира на устах и в сознании. По крайней мере, так это было для Пушкина.

– Сближения Шекспира и Пушкина понятны и объяснимы. Но почему творчество Шекспира так полюбило руководство Советского Союза? Один наш крупный театральный деятель вспоминал, что в эпоху застоя на знаковые роли в шекспировских спектаклях актеров отбирали не менее тщательно и скрупулезно, чем на роль Ленина...

– Во второй половине 20-х годов идеологическое отношение партии к классике было сродни футуристическому, и ее предлагалось сбросить с корабля современности. Но такое отношение быстро прошло. Опомнились. В особенности когда возоб-

Игорь Шайтанов:
«В книжных
рейтингах
Шекспир
располагается
на втором месте,
уступая лишь
Библии»

ладало тоталитарное мышление. Поняли, что авторитеты нужны не только политические, но и культурные. Хорошо это или плохо, но советская власть относилась с огромным почтением к классике в широком понимании этого слова, русской и зарубежной. А если Шекспир самый известный и признанный классик, то и отношение к нему должно быть соответствующим. В 30-е годы началась масштабная работа по подготовке полного собрания сочинений Шекспира с новыми переводами, которые остаются основными и сегодня. Лозинский, Пастернак, Радлова, Кузмин... В этих переводах Шекспира до сих пор ставят и читают.

— Как вы полагаете, почему эти переводы остаются актуальными: они настолько хороши или мы настолько к ним привыкли, что не желаем воспринимать новые?

— Перевод оценивается по двум основным критериям — насколько он близок к оригиналу и становится ли он фактом родного языка. Переводы, вошедшие в канон, делали блестящие поэты или классики переводческого цеха. И шекспировские тексты в этих переводах в XX веке стали фактом русского языка. Их знают и цитируют. Причем, что интересно, целый ряд классических фраз, которые мы произносим как бы от имени Шекспира, придуманы не им, а взяты из русских переводов и не совсем точны. Известный пример. Все знают формулу из «Гамлета» «распалась связь времен», между тем в подлиннике Гамлет говорит буквально: «время вышло из пазов». Мысль приблизительно та же, но метафора у Шекспира другая. Повторюсь, переводы, о которых мы говорим, это великолепная литература, очень хорошая поэзия. Но искусство перевода требует постоянного

обновления, и ощущается потребность перевести Шекспира на русский язык заново. К сожалению, большинство современных переводчиков берутся за Шекспира с единственной установкой — сделать иначе, чем было раньше. А на этой установке далеко не уедешь. Прочистить легкие необходимо, но и дышать нужно по-новому. Считается, что советский Шекспир недостаточно груб и откровенен, и это мнение ощущается в переводах последних пятнадцати лет. Дескать, сейчас мы опустим шекспировский язык и сделаем его истинно шекспировским. И опускают. Но по качеству это очень далеко от переводов Маршака и Пастернака. Ведь они ставили перед собой задачу не просто приблизить перевод к оригиналу, но сделать его достоянием современного русского читателя. Последнее у современных переводчиков пока не получается.

— В пьесах Шекспира несколько раз мелькает упоминание России и русских — герои «Бесплатных усилий любви» переодеваются московитами, в «Зимней сказке» королева называет себя дочерью русского императора. А какими Шекспир мог знать Россию и русских?

— Шекспир был человеком с открытыми глазами и интересовался всем миром. Он почти наверняка видел русские посольства, которые бывали при дворе королевы Елизаветы в 90-х годах XVI века. Известно, что Борис Годунов посыпал группу русской молодежи учиться в Англию, и ни один из них не вернулся на родину. Одного разыскали лет через двадцать, и он к тому времени сделался англиканским священником. Также Шекспир весьма вероятно был знаком с записками англичан о России, например Флетчера, в которых автор изображает Россию варварской страной. Россия для англичанина времен Шекспира — это страна прежде всего холода и... даже не варварства, а рабства. Одним из первых в английской поэзии упомянул Россию в одном из своих сонетов великий предшественник Шекспира Филип Сидни. В нем он рассказывает о своей любви и приводит такую метафору любовного плена: дескать, я люблю так же, как «как московит, рожденный в рабстве».

— Каково место Шекспира в сегодняшней России?

— Шекспир был, пожалуй, единственным иностранным писателем в нашей стране, который выдержал испытание перестройкой и новым книжным рынком. Даже в начале 90-х годов, когда на книжные прилавки хлынула бульварная литература, с них не исчез и Шекспир. Его издания, старые и новые, можно было встретить на уличных развалиах, в метро торговали сонетами Шекспира в новых переводах. Удар по Шекспиру нанес не книжный рынок, а театр. То, что с ним подчас делают на сцене, удивляет и поражает.

— Вы имеете в виду Макбета в джинсах и Офелию в мини-юбке?

– Не в этом дело. Происходящее на сцене – беда не столько Шекспира, сколько современного театра. Режиссерский театр, возникший, кстати сказать, не так давно, всего сто лет назад, по всей видимости, доживает последний период. В театре этого типа режиссер является единственной живой фигурой – актер у него на побегушках, а автор – вообще никто. И это называют интерпретацией. Англичане назвали это явление более подходящим термином – присвоение. Хорошая интерпретация не обязательно должна быть преклонением перед автором, интерпретировать ведь можно и в полемике. Я помню блестательный спектакль Вахтанговского театра «Ричард III» с Михаилом Ульяновым в главной роли. Пьеса была поставлена в откровенной полемике с автором. В версии вахтанговцев было понятно, что зло не может быть великим, поскольку величие не возрастает от количества пролитой крови – сказался опыт XX века. А у Шекспира все-таки Ричард кровавый, но великий. Но подобных спектаклей сейчас не ставят. Современные же в большинстве своем оскорбительны, это цирк – гимнастика и балаган, и никак иначе это не назовешь.

– То есть премьеры шекспировских постановок вы не посещаете?

– Давно не хожу. Последней каплей стали две премьеры спектаклей по шекспировским пьесам в одном известном, модном и популярном московском театре – «Гамлет» и одна из комедий. «Гамлет» был высоколобой постановкой и, вероятно, с театральной точки зрения очень самобытной и тонкой, но к Шекспиру и его тексту действо не имело ни малейшего отношения. В другой постановке я увидел лишь набор гимнастических упражнений по принципу «упал-отжался», актеры даже текст не умели читать. С тех пор сценическими постановками я не интересуюсь.

– Какой период из жизни Шекспира более всего интересен вам?

– Мне интересен любой день его жизни. Для меня, как для исследователя, интересен период приезда Шекспира в Лондон – как приехал, как попал в театр и как стал драматургом. В моей книге как раз самые смелые гипотезы касаются начала творчества Шекспира. Он пришел в театр, когда в нем еще царила авторская анонимность, и первые шаги Шекспир делает как соавтор и переписчик старых сюжетов. Кстати, по поводу изображения Шекспира в кинематографе. Возьму две картины последних лет – «Влюбленный Шекспир» и «Аноним». Первый фильм – блестательный, остроумный, изящная фантазия о том, чего не было, но могло быть. И клеветнический бездарный «Аноним». Это к вопросу о том, насколько по-разному можно подойти к вымыслу о Шекспире.

– В начале своей книги вы пишете, что так называемый шекспировский вопрос, то есть вопрос об авторстве, не заслуживает серьезного внимания исследователя. И тем не менее на страницах книги вы постоянно возвращаетесь к этому вопросу, стараясь развенчать мифы о заговорах вокруг шекспировских текстов...

– Шекспировский вопрос абсолютно не беспокоит меня, но я знаю, что он беспокоит читателей. Когда я выхожу на разного рода публику – а я делаю это довольно часто, – обязательно слышу вопрос: а вы уверены, что именно Шекспир написал все это? В книге эта тема возникает в нескольких местах. В тех, к которым привязывают свои доказательства оппоненты. В том, что Уильям Шекспир существовал, родился и умер в Стратфорде-на-Эйвоне и работал в лондонских театрах, никто не сомневается. Но был ли актер из Стратфорда автором пьес, которые мы называем шекспировскими, в этом суть шекспировского вопроса. Я исхожу из простого юридического правила: презумпция невиновности. Прежде чем придумывать заговоры и шифры, давайте посмотрим – есть ли повод сомневаться? И я показываю в книге, какое количество больших и мелких свидетельств, в том числе исходящих от современ-

Спектакль
лондонского
театра «Глобус»,
копии театра
шекспировских
времен.
Фото
И. Шайтанова

В родном городе Шекспира сохранилось немало памятников, которые видели гения. На фото – Игорь Шайтанов у церкви Святой Троицы в Стрэтфорде

ников и его близких знакомых, имеется в поддержку авторства Шекспира. Два примера. Во-первых, посмертное стихотворение Бена Джонсона к Первому фолио, где он называет Шекспира «эйвонским лебедем». После этого нужно либо закрывать шекспировский вопрос, либо называть Бена Джонсона участником заговора, в который придется втянуть половину Лондона. Во-вторых, жил в Лондоне некто Леонард Дигтс, знаменитый переводчик с испанского и латыни. Для Первого фолио и сборника стихотворений (1640 год) Шекспира он написал стихи в честь драматурга, в которых воспевает его в веках. Отчим Дигтса Томас Рассел был стрэтфордцем и настолько близко был знаком с Шекспиром, что тот сделал его своим душеприказчиком в завещании. Мог ли Леонард Дигтс не знать, кто такой Уильям Шекспир?

– Шекспировское общество в России существует? Насколько оно многочисленно и активно?

– Шекспировское общество в нашей стране было создано Александром Абрамовичем Аникстом при Институте искусствознания и существует по сей день. Аникст был прежде всего театроведом, и этот уклон в театральную проблематику ощущается у его детища. Я принадлежу к другому шекспировскому обществу, так называемому Шекспировскому семинару – более филологическому, нежели театральному. Уже несколько лет семинар действует в Российском государственном гуманитарном университете. Мы подготовили к юбилею довольно много изданий, в скором времени выйдут в свет «Шекспировская энциклопедия» и шеститомник «Шекспировские трагедии в русских переводах».

– О Шекспире говорят, что его творчество всегда актуально. Какое из его сочинений вы в последние годы вспоминаете чаще других, наблюдая за современной жизнью?

– Каждая пьеса по-своему актуальна. «Гамлет» не терял актуальности все четыреста с лишним лет с момента его написания. Эта пьеса открыла рефлексирующего человека, который предпочитает думать и сопоставлять в ущерб действию. В «Венецианском купце» Шекспир открыл проблему национальности и в этом был первым. В пьесе «Мера за меру» автор поставил вопрос власти, и наш Пушкин был одним из первых в Европе, кто оценил всю глубину творения, которое стало очень популярным в XX веке. Шекспировские хроники тоже вряд ли когда-нибудь утратят актуальность. Помню, как я выступал в 90-х годах на одной известной радиостанции. Эфир закончился, я вышел из студии, и в коридоре меня догоняет редактор: началась война в Чечне, просим вас прокомментировать это событие через Шекспира. Чуть не силой надевают наушники и выводят в прямой эфир. Я поначалу растерялся, но вспомнил пьесу «Генрих IV» и толстого рыцаря Фальстафа, забудьту и лгуну, изгнанного молодым королем в конце второй части. Став правителем, Генри немедленно избавляется от своего старого приятеля, бывшего для него учителем жизни, проведшего его через народный карнавальный фон. Вот оно, вечное соотношение власти и закона с народом и стихией. Власть, с одной стороны, должна понимать стихию народной жизни, но, с другой стороны, не идти у нее на поводу, поскольку у них разные функции. Власть оформляет эту стихию, а стихия пытается обновлять форму общественной и государственной жизни. Держать равновесие между властью и народной стихией – величайшая проблема. Шекспир первым поставил ее с такой остротой. Метаморфозы этой вечной проблемы мы наблюдаем едва ли не ежедневно.

– Куда бы вы посоветовали отправиться человеку, который хочет ощутить дух подлинного Шекспира, – в Стрэтфорд или Лондон? А может быть, в Виндзор, где происходит действие многих шекспировских пьес?

– Стрэтфорд – это индустрия, туристический проект. Там, бесспорно, есть и лубок, но есть и подлинность – Эйвон течет, церковь Святой Троицы, где крестили Шекспира, стоит. У ее церковного алтаря – могила Шекспира. Все это производит очень сильное впечатление. Что касается Лондона... Я однажды прошел маршрутом от района на северо-востоке, где Шекспир не раз жил, где был построен первый лондонский театр, разобранный еще при жизни Шекспира, через Темзу до того места, где недавно был восстановлен театр «Глобус». Я не ожидал, что встречу что-либо шекспировское на этом пути: на месте первого театра сейчас захолустье и какие-то трущобы. Но недалеко от него по-прежнему стоит церковь Святого Леонарда, в приходе которой находился театр, а потому там селились актеры, и многие были похоронены у церковного порога. Церкви остаются опорными точками в топографии Лондона, сохраняя для нас шекспировские маршруты и позволяя заглянуть в его эпоху.❶

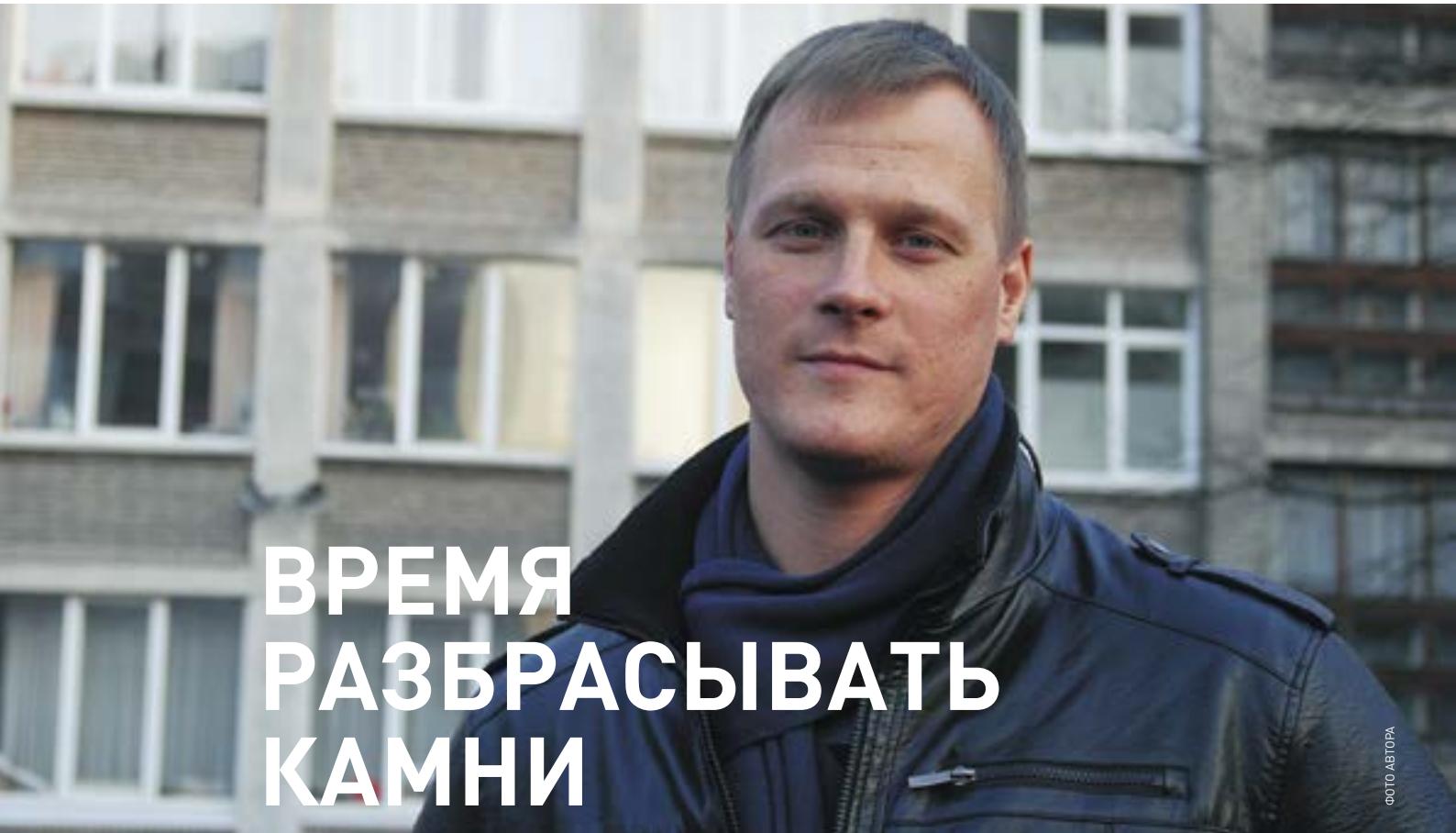

ФОТО АВТОРА

ВРЕМЯ РАЗБРАСЫВАТЬ КАМНИ

БЕСЕДОВАЛА

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

С ПЕТЕЙ ДРОНОМ МЫ ВМЕСТЕ УЧИЛИСЬ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ. В ТРЕТЬЕМ КЛАССЕ ДАЖЕ СИДЕЛИ ЗА ОДНОЙ – ПОСЛЕДНЕЙ – ПАРТОЙ. ПЕТЯ УЖЕ ТОГДА БЫЛ НА ГОЛОВУ ВЫШЕ ВСЕХ РОВЕСНИКОВ, ЧТО НЕ МЕШАЛО МНЕ, ОТЛИЧНИЦЕ, ПОСМАТРИВАТЬ НА НЕГО СВЫСОКА. КАКОВО ЖЕ БЫЛО МОЕ УДИВЛЕНИЕ, КОГДА, КРАЕМ ГЛАЗА НАБЛЮДАЯ ЗА ТЕЛЕТРАНСЛЯЦИЕЙ ОЛИМПИЙСКИХ СОРЕВНОВАНИЙ ПО КЁРЛИНГУ, Я УЗНАЛА В ОДНОМ ИЗ УЧАСТНИКОВ РОССИЙСКОЙ СБОРНОЙ СВОЕГО СОСЕДА ПО ПАРТЕ!

МЫ НЕ ВИДЕЛИСЬ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ, НО Петю я узнала сразу: статный блондин под 2 метра ростом, по-прежнему доброжелательный и спокойный. К шумихе, которая неожиданно возникла вокруг него и кёрлинга во время Олимпиады, относится по-философски. По всему Петербургу еще висят плакаты с его портретом и надписью «Люди нашего города». Хотя команда наших кёрлингистов и не заняла призовых мест, Северная столица все равно гордится своим земляком, достойно сражавшимся в Сочи с сильнейшими противниками.

– Петр, тебя, наверное, на улице люди стали узнавать?

– Да, сегодня в метро мне на эскалаторе девчонки стали кричать: «Петя, привет!», а я с ними не знаком. Потом мужчина подошел, спросил, не Дрон ли моя фамилия, и пожал руку. Это забавно, конечно, ведь игроки в кёрлинг в России никогда не были избалованы вниманием болельщиков. Поэтому такой ажиотаж на волне Олимпиады в Сочи меня очень радует: наконец-то про наш спорт перестанут говорить, что это «нелепица со швабрами»! Я даже слышал, что после Олимпиады в рейтинге видов спорта, которыми бы хотели заняться россияне, кёрлинг поднялся аж на второе место. Конечно, было бы лучше, если бы мы или наша женская сборная смогли за медали зацепиться. Руководство нам не ставило таких за-

дач, просто сказали: «Ребята, играйте и старайтесь». Но потом уже после Игр выяснилось, что рассчитывали на шестое-восьмое место. Мы заняли седьмое место, то есть ожидания оправдали. Да и если судить объективно, то занять призовые места мы могли бы, только, как говорится, прыгнув выше головы. Если честно, мне хотелось именно этого. Но не получилось. Будем работать дальше. Мужская сборная впервые выступала на Олимпиаде, для нас это полезный опыт.

– Как думаешь, почему у нас так долго к кёрлингу скептически относились? Некоторые вообще убеждены, что это не спорт.

– Кёрлинг – сложная игра, ее надо понять. А еще лучше – попробовать сыграть самому. Тот, кто хоть раз вышел на лед со щеткой в руках и сыграл несколько эндов, никогда не скажет, что это не спорт! Это тяжелая физическая нагрузка, кто-то подсчитал, что свиперы (те, кто трет щетками лед перед камнем. – Прим. авт.) натирают за игру 2 километра льда! Кёрлинг – сложный вид спорта, как биатлон. Там после бешеной гонки на лыжах надо сделать несколько метких выстрелов, а здесь ты только что до посинения тер лед, весь взмок и вот тебе надо сделать филиганный бросок камнем. Если дать себе труд разобраться в правилах, понять суть игры, то это захватывает! Мои родители приезжали болеть за меня в Сочи, рассказывали,

что на трибуны пришла женщина, говорит, мол, достались билеты случайно, пару эндов посиду да пойду. Потом посидела, присмотрелась и уже не уйти – азартно! Проблема была еще в том, что кёрлинг длится почти три часа. Поэтому до Олимпиады в Сочи телеканалы нам показывали не всю игру, а только нарезку из бросков минут на 20. А в кёрлинге очень важно смотреть все целиком, а если отвлекаешься, то теряешь нить игры. Неудивительно, что телезрители ничего не могли понять и приходили к мнению, что игра лишена смысла. Спасибо, кстати, телевизионщикам, что показывали все без исключения наши Олимпийские игры от начала и до конца, иногда даже в прайм-тайм.

– Говорят, болельщики в Сочи вас очень сильно поддержали?

– Да, мы подобной поддержки даже не ожидали! Мы ведь не избалованы таким вниманием, при полных трибунах играли до этого только в Швейцарии и Канаде. Но Канада – особенная в плане кёрлинга страна, у них это национальный вид спорта, наравне с хоккеем. Все канадцы знают поименно своих игроков, в каждой деревне есть катки, играют все – от мала до велика. Иногда старики уже еле ходят, но зато играют в кёрлинг. Но российские болельщики показали в Сочи, на что они способны. Иногда даже не слышали команда друг друга, такой стоял шум и гвалт.

– Это не мешало?

– Лично мне нет, я, наоборот, заряжаюсь положительной энергией от такой бурной поддержки. Но, конечно, во время ответственных бросков, когда надо максимально сосредоточиться, крики и свист могут отвлекать – поэтому организаторы даже сделали таблички «Просим соблюдать тишину» и носили их по рядам в ответственные моменты. Еще наши болельщики по незнанию нарушили негласное правило – нельзя радоваться ошибкам соперника, свистеть и хлопать, если команда противника сделала неудачный бросок. Так не принято. Наоборот, канадцы, например, наши удачные броски, когда мы у них играли, встречали искренними аплодисментами. Но под конец и наши болельщики прониклись духом кёрлинга.

– Что за «дух кёрлинга»?

– Есть такое понятие spirit of curling, правила джентльменов. Если ты задел камень или щетку противника, ты сам должен признаться. Сопернику никак специально не мешаешь, должно быть полное уважение друг к другу. И даже на Олимпиаде, где ставки очень высоки, после броска, которым ты перерубил сопернику все шансы, он к тебе подходит и говорит: «Отличный бросок». Это мне в нашем спорте очень импонирует.

– Когда же успела родиться такая традиция, ведь кёрлинг-то не так давно появился...

– Это заблуждение! Кёрлинг пошел из Шотландии, первое упоминание об этом спорте датируется 1511 годом – нашли старый камень, на котором эта дата выгравирована. Потом, в XIX веке, кёрлинг стал элитарным видом спорта, джентльмены в сюртуках и цилиндрах участвовали в соревнованиях. Тогда и возник дух кёрлинга. Кстати, в конце XIX века кёрлинг появился и в России – его завезли дипломаты из Европы. Игра не успела стать популярной – после революции кёрлинг как «буржуазный» вид спорта был изгнан из страны. Во времена нэпа он ненадолго возродился, но потом снова исчез вплоть до 1991 года. Сначала России очень помогала Международная федерация кёрлинга – давали оборудование, камни, щетки – у нас ведь ничего не было. Правда, у них был свой интерес: хотели сделать кёрлинг олимпийским видом спорта, а для этого его необходимо было распространить и в России тоже. И они добились своего – в 1998 году кёрлинг впервые был вписан в программу зимней Олимпиады в Нагано.

– Почему российская сборная более пятнадцати лет не могла попасть на Олимпиаду?

– Мы, конечно, за советское время сильно отстали, кёрлинг стал профессиональным видом спорта, чемпионаты мира проводятся с 50-х годов. У россиян не получалось отобраться на Олимпи-

аду. Но наша женская сборная участвует в Олимпиадах с 2002 года.

– Понравилась тебе атмосфера в Сочи?

– Очень! Слышал, что журналисты поговаривали о каких-то недоделках, но я ничего не заметил – все было на высшем уровне. Волонтеры работали на сто процентов. Служба безопасности тоже все контролировала, хотя они старались действовать незаметно. В нашу Олимпийскую деревню вход был только через рамку металлоискателя, все вещи просвечивались, жидкости изучались. Победители жаловались, что даже бутылку шампанского не пронести в дом, победу не отметить! Мы жили вместе с фигуристами, конькобежцами, хоккеистами. Я, правда, мало кого знал в лицо, только хоккеистов. Но они были немного обособлены, питались отдельно, приехали позже.

– А ты как вообще стал заниматься кёрлингом?

– Через двоюродного брата и дядю. Брат занимался на базе Института физкультуры имени Лестафта, позвали меня и моих родителей посмотреть. Мне тогда 10 с половиной лет было. Предложили мне тоже тренироваться – я и согласился. Я не сразу во все тонкости игры въехал, но мне необычность кёрлинга понравилась: лед, большие

камни, обувь специальная... Я первый год был единственным ребенком на тренировках, все остальные были уже студенты. Мне стало скучно, я взбунтовался, пригласили еще других мальчишек. Уже начались игры, стали создаваться команды. Сейчас вспоминаешь и удивляешься, в каких условиях мы играли. Специальных катков для кёрлинга в 1996 году и в помине не было, играли на хоккейных и фигурных катках. А там совсем другой лед, камни по-другому движутся, это влияло даже на тактику и стратегию нашей игры.

– Одноклассники над тобой не смеялись?

– Я всю школу параллельно с учебой активно занимался кёрлингом. Кое-кто, может, и посмеивался, но в основном они просто не особо интересовались, на какие там тренировки я хожу. Хотя несколько человек из школы я увлек игрой, один из моих бывших одноклассников стал сейчас айсмейкером: делает для кёрлинга специальный лед. Это целое искусство! На Олимпиаду в Сочи приглашали знаменитого айсмейкера-канадца, он две недели создавал нужного качества ледовое покрытие.

– После школы ты решил, что хочешь стать профессионалом в кёрлинге?

– Да, я решил пойти по этой стезе. Пошел учиться в Институт Лесгахта, стал тренером по кёрлингу. Хотя были времена, когда не совсем ясно себе представлял, как именно будет выглядеть мое будущее. Были и сомнения, правильный ли я выбрал путь в жизни. Один год даже ушел из спорта и пошел зарабатывать деньги «как все». Но потом вернулся. Теперь точно знаю, что не прогадал и без работы не останусь в любом случае. В моем клубе «Адамант» говорят, что каждый день поступают сотни звонков от людей, которые решили заниматься кёрлингом. В Петербурге даже дорожек столько нет! Сейчас кёрлинг во всей России развивается – в Москве есть хорошие команды, в Челябинске, в Калининграде.

– Лед там хороший?

– Сейчас в России уже немало мест, где лед не хуже европейского. Но сборная все равно тренируется в Швейцарии. Там база лучше, да и тренер наш швейцарец.

– Как думаешь, почему кёрлинг становится популярным?

– Много причин. Во-первых, это азартный вид спорта, его недаром называют «шахматами на льду». Здесь не только физическая подготовка важна, но и интеллектуальные усилия: придумать стратегию, разыграть дебют, понять противника. Во-вторых, этот спорт демократичен: профессиональная экипировка не очень дорогая, играть в кёрлинг могут не только самые сильные и выносливые, но и на любительском уровне почти все: мужчины, женщины, дети, старики.

Даже профессиональный век кёрлингиста длиннее, чем у других спортсменов, – можно до 50 лет быть в команде, если ты капитан, так как капитан уже не свищет (не трет лед).

– А травмы?

– Конечно, травмы случаются, это же лед. На одной из игр на Олимпиаде один из наших игроков поскользнулся и упал, на камерах это выглядело так, будто он головой об камень ударился. Но на самом деле все оказалось не страшно, отдался ушибом плеча. Могут быть у профессиональных спортсменов небольшие проблемы – например, сколиоз или плоскостопие. Но кёрлинг не сравнивать с другими видами спорта, где спортсменов просто калечат. Я знаком с питерской спортсменкой Марией Комиссаровой, горнолыжницей, которая сломала позвоночник во время Олимпиады. Никогда бы не отдал своих детей во фристайл.

– Какие качества необходимы в кёрлинге?

– Настойчивость. Трудолюбие. Умение контролировать эмоции. Это звучит банально, но это так и есть: главное не то, как ты выполнишь бросок, а то, веришь ли ты в команду или нет. Нет ничего хуже пассивности, когда в тебе нет внутреннего огня, когда все равно, каков будет исход игры. Но и излишнее волнение мешает. Не зря наш тренер очень много времени уделяет психологической подготовке, это – половина успеха. Если же говорить о физической форме, то мы очень много занимаемся легкой атлетикой. Тренировки каждый день. Летом на сборы ездим.

– Ты дома-то в Питере бываешь?

– Реже, чем хотелось бы. С Олимпиады приехал, неделю передохнул, потом на сборы в Москву. Еще недельку дома – и на чемпионат мира в Китай. Хорошо, что родители мои ездили в Сочи. Сначала думали, что только поболеть за меня едут, а потом признались, что такого шикарного отпуска у них еще никогда не было: в Олимпийской деревне был создан Дом родителей, они там и игры смотрели, и знакомились с другими родителями спортсменов. Жена бы тоже поехала, но у нас сыну нет еще и полугода, поэтому ей пришлось остаться дома. Если попаду на следующую Олимпиаду, в Корее, то можно и малыша взять, ему уже 4 года будет.

– Жена не обижается, что ты в разъездах?

– Прежде чем она переехала ко мне жить, я ее сто раз предупредил о моем графике и образе жизни. Согласна на это? Она сказала, что согласна. И ни разу не услышал от нее претензий и упреков, она очень меня поддерживает.

– Сына будешь в кёрлинг отдавать?

– Он у нас здоровяком растет – в 4 месяца весит уже 8 килограммов. Думаю, каким-то спортом он точно будет заниматься, но каким именно – сам выберет.

ХРАБРЫЙ ПОРТНОЙ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЭХО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ЕЩЕ ЗВУЧИТ В СЕЛЕ ЖУРАВКИНО. В ЧУЛАНАХ КАЖДОЙ ИЗБЫ ДО СИХ ПОР ВИСЯТ ТУЛУПЫ, ЖАКЕТЫ, ДУШЕГРЕЙКИ И КАРТУЗЫ, СШИТЫЕ ПЛЕННЫМ АВСТРИЙЦЕМ, ОСТАВШИМСЯ ЗДЕСЬ ИЗ-ЗА МЕСТНОЙ КРЕСТЬЯНКИ. ИХ ВНУКИ И ПРАВНУКИ ГОРДЯТСЯ СВОИМ ПРЕДКОМ, КОТОРЫЙ РАДИ ЛЮБВИ ПРОМЕНЯЛ ВЕНУ НА ГЛУХОЕ МОРДОВСКОЕ СЕЛО.

...Э

ТОТ СТАРЫЙ потертый полу-шубок Мария Васильевна Тюжина надевает только в самые суровые морозы. Правда, жалуется, что он стал для нее тяжеловат, так что пришлось половину овчины внутри выстричь. Но менять полушибок на новое пальто она не собирается. Даже лишившись части меха, полушибок по-прежнему прекрасно

согревает – хоть на снег ложись и спи. Так ладно сшила вещь, что и не придерешься. В лютую стужу только им и спасается старушка, когда нужно идти, к примеру, в сельский магазин. А если в магазине Мария Васильевна встретит Веру Наумкину, то в сотый раз расскажет ей о достоинствах полушибока. Сколько лет прошло, а швы у него не рвутся. Недавно у нее просили отдать любимый полушибок в

районный музей. «Ни за какие деньги не отдам! Такого портного, как твой дед, нет и больше не будет!» – уверяет она Вера. Директор журавкинского Дворца культуры Вера Наумкина наперед знает, что еще скажет Мария Васильевна. Вспомнит, как заказала сшить полушибок деду Веры – сельскому портному Мартыну. Как выстояла длинную очередь у пятистененного дома в конце села. Как шил дед Мартын костюмы, верхнюю одежду, обувь и картузы. Расскажет, что отправил ее к портному сыну, когда собрался ехать учиться в город. Пять лет он полушибок носил. Потом пальто купил, а полушибок привез матери в Журавкино. И вот она который десяток лет его донашивает. «Носите на здоровье!» – скажет Вера и вздохнет. Деда своего, портного, она никогда не видела, зато разговоры о нем слышит с детства. Правда, по большей части разговоры эти – восхищение его портновским искусством. Дома Вера обязательно расскажет своей дочери Кристине о встрече с Марией Васильевной. Потому что Мария Васильевна помимо золотых рук деда хвалила мирный характер, трезвый образ жизни и бравый вид

портного, воевавшего в Первую мировую. Кристине любопытно все, что связано с прадедом. Мартын Михайлович носил необычную для мордовского села фамилию Пуц. Австриец попал в плен в 1916 году, оказался в мордовских лесах, на родину возвращаться не стал, решил жить здесь и оставил о себе память как о великолепном мастере. На одной улице с Верой живут два ее брата – Николай и Борис Пуц, тоже внуки деда Мартына. У Бориса в доме стоит старая ножная швейная машинка Singer. На ней-то и был сшил тот самый полушибок, который так бережно хранит Мария Васильевна...

«ПОЛЫНЬ АВСТРИЙСКАЯ»

Во многих избах Журавкина и окрестных сел на стенах висят пожелтевшие от времени фотографии прадедов, воевавших в Первую мировую. Старые, рассохшиеся рамки. Треснувшие стекла. Часто рядом с этими фотографиями на стене висит одежка, сшитая плетенным австрийцем, который сто лет назад сходился на поле боя с изображенными на фото героями где-нибудь в Галиции или Саксонии. В том, как же так все пе-

реплелось, даже прямые наследники деда Мартына не могли долго разобраться.

Внуки помнят деда Мартына всегда сидящим за ножной швейной машинкой «Зингер». Рядом – их отец Борис, который помогал деду. Дед строчит на машинке, а Борис шьет рукава. Ножки, на которых стоит машинка, чугунные, узорчатые, логотип Singer сияет как солнце. Во всем доме не было вещи красивее и загадочнее, чем эта машинка. Даже огромный кроильный стол с двумя ящиками, угог на углах и самовар не шли

Агафья (жена сына Эдварда Пуца Бориса) с сыном, Николай (внук Эдварда Пуца), Эдвард Пуц (за машинкой «Зингер») и его жена Алена Алексеевна

Жительница Журавкина 91-летняя Зинаида Ивановна Сураева и сегодня считает, что никто лучше австрийца Пуца «одежки» не шил

ни в какое сравнение с этим чудесным аппаратом, колесо которого дед приводил в движение ногой.

Раньше дед Мартын с этой машинкой по окрестным селам ездил и зарабатывал шитьем. Клад в сани или телегу сено, бережно грузил машинку, укрывал ее сверху тулупами и отправлялся в путь. Машинку дед Мартын чужим рукам не доверял, выучил работать на ней только сына Бориса. Берег Singer дед Мартын как ребенка. Смазывал каждый день маслом, используя длинное петушиное перо. Бабка ругалась, когда видела его в руках деда. А все потому, что масло для смазки дед заимствовал из лампадки. Как увидит это Алена Алексеевна, так крик в сердцах поднимает: «Ах ты, полынь австрийская!» Но это был единственный повод для разлада в семье. А так – жили они душа в душу.

Детей к машинке дед Мартын не подпускал. Закрывал ее большим кожаным чехлом и говорил ей как живой: «Отдыхай!» Даже спал дед недалеко от своей швейной машинки, объяснял, что тогда ему родина снится. Однажды внук Николай воспользовался отсутствием деда и решил запустить машинку. Игла пробила ему палец. На крик прибежал дед, крутанул колесо, палец вытащил... Жалеть внука не стала даже бабка Алена. «Она консервную банку прошьет!» – до сих пор вспоминает Николай слова деда.

Единственное, за что мог серьезно наказать внуков дед Мартын, – это машинка. За все остальные шалости Пуц мог легонько шлепнуть деревянным метром или сделать выговор. Дед Мартын следил, чтобы каждую взятую вещь внуки клади на место, запрещал баловаться, не разрешал лазить по чужим садам за яблоками. «Лучше у меня спросите, я вам куплю, но чужое – не брать!» Говорил, что людей обижать нельзя, учил, как надо встречать гостей. Шил дед Мартын на меньшей половине дома, в отдельной комнате, ширмой не закрывал

ся. Поэтому внуки видели почти всех его заказчиков. Бывал у него даже начальник местной милиции, заходили и военнослужащие. После примерки он провожал их до двери, повторяя: «Мое почтение!» Дед Мартын был обходительным человеком: мерки снимет, обязательно поговорит с клиентом, пригласит к самовару. Без чая никого не отпускал. А вот бабка Алена была сккуповата, так что дед Мартын по сравнению с ней казался добрым. Для забавы наматывал внукам на пальцы резинку, сажал на нее пуговицы и те плясали как живые. А под Новый год расставлял пустые чугунки и колотил по ним, подражая колокольному звону. Так он развлекал внуков...

Но обычно дед Мартын был молчалив, постоянно крутил колесо своей машинки. Иногда только выходил ненадолго посидеть на лавочке перед домом, посморить козью ножку. Самокрутку он сворачивал из газетного листа так быстро, что внукам это казалось волшебством. Только оторвет от газеты полоску, сложит лодочкой, пальцем проведет и уже дымит! Дед Мартын говорил, что этому он на войне научился...

Электричество в доме появилось только в 1965 году – за три года до смерти деда Мартына. А до того пользовались двумя большими керосиновыми фонарями, которые дед зажигал вечером. По ночам дед Мартын не работал – стук машинки мешал остальным спать. Бабка Алена часто называла Singer «пулеметом». «Если бы ты знала, что такое пулемет», – вздыхал дед Мартын и, прекратив работу, укутывал машинку в чехол. Своей супруге он ни в чем не противоречил.

По большим церковным праздникам дед Мартын ходил с женой в храм, построенный в Журавкине в XIX веке и вновь открытый в 1947 году. Там все сельчане (а особенно селянки) могли убедиться в том, что Мартын Пуц – самый аккуратный мужчина в селе. И хотя роста он

Велосипедом наследники Эдварда Пуца пользуются в любое время года. Как в Европе...

был невысокого, но выправка и черные как смоль волосы выделяли его из толпы.

Про себя и свою жизнь Пуц рассказывать не любил, а когда задавали вопросы – отшучивался. Еще внуки помнят, что дед Мартын дорожил своим портмоне, куда складывал все документы и квитанции. А когда портмоне переполнялось, то портной разбирал бумаги и складывал их в большой сундук. Вот сундук интересовал внуков гораздо больше, чем портмоне: именно там хранились сахарные головы. Каждое утро вся семья собиралась пить чай за длинным столом. Дед Мартын торжественно доставал сахарную голову, откусывал от нее специальными щипцами кусочки и раздавал

их всем. Кусочки эти казались внуки слишком маленькими, а потому они при малейшей возможности старались умыкнуть сахар из сундука. В итоге дед Мартын повесил на сундук замок, а внуки назидательно внушал, что вот в Австрии даже магазины на замки не запирают. «Я не знаю, как сейчас, а до войны так было...» – на всякий случай подытожил он рассказ.

Внуки удивлялись, расспрашивали и про магазины, и про войну... Войну они знали только одну – ту, которая закончилась в 1945-м. На это дед Мартын отвечал, что на Великой Отечественной у него погиб старший сын, а от Первой мировой остался шрам на правом боку...

Зима из дворов глухого села Журавкино уходит поздно

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ТАКИЕ?

В январе 1968 года Singer замолк – дед Мартын серьезно заболел. Бабка Алена поила его травами и делала компрессы, но деду Мартыну становилось все хуже. Перед самой смертью он позвал старшего сына, Бориса, и строго наказал: в ремонт Singer никогда никому не отдавать, регулярно смазывать, и тогда машинка прослужит еще сто лет и всех прокормит. Никаких других завещаний он не оставил.

После смерти деда Мартына внуки смогли наконец проверить, действительно ли игла Singer может пробить консервную банку. Оказалось, не обманул дед Мартын...

Алена Алексеевна пережила супруга на десять лет. Внуки запомнили, что ходила она все время в черных длинных юбках и черном платке...

A Singer снова заработал. Теперь на нем строчил сын Мартына Пуца – Борис. Клиенты толпой шли и к нему. Машина – та же, выкройки – старого Пуца, цена за пошив – низкая.

Внуки подрастили и все чаще задумывались о своих корнях. На улице или в школе в пылу ссоры, бывало, назовут их австрийцами. При заполнении анкеты в учебном заведении или военкомате обязательно обратят вни-

мание на необыкновенную фамилию: «Пуц? Откуда взялись такие?» Конечно, с самых ранних лет внуки слышали разговоры в семье о том, что в них течет австрийская кровь вперемешку с мордовской и русской. Секрета из того, что дед был подданным Австро-Венгерской империи, воевал против России во время Первой мировой войны, попал в плен, угодил в здешние места и остался тут жить, в доме не делали.

В этой деревянной церкви, построенной еще в XIX веке, принял новую веру и новое имя австриец Пуц

ли, как дед Мартын показывал им свой правый бок с багровым шрамом – следом от русского штыка. Уже позже от отца они узнали, что дед Мартын попал в плен во время Брусиловского прорыва, о котором им в школе на уроке истории рассказывали. Отец хранил австрийский паспорт деда Мартына, в котором было записано место его рождения – город Вена, Австрия. Еще Борис рассказал детям, что дед Мартын родился в простой семье, его отец работал на железной дороге, в Австрии у него остались брат и сестра.

Борис Мартынович умер в 52 года, и Singer вновь надолго замолчал. Никто из его детей – трех сыновей и двух дочерей – портновским ремеслом заниматься не пожелал. Аркадий и Нина уехали в Москву, а Вера, Николай и Борис остались жить в родном Журавкине вместе с матерью – Агафьей. Пока был жив муж, она предпочитала о свекре не говорить. Зато после его смерти успела рассказать кое-что своим детям. Оказывается, их строгая и склонная к скуповатости бабка, всегда готовая устроить внукам выговор за безделье или шалости, и в молодости была такой же. До революции Алена Алексеевна Булдыжева работала гувернанткой в семье местных помещиков,

была грамотной и очень верующей. Ровни себе в селе не находила, а потому в свои 24 года числилась в старых девах. А за то, что не расставалась с Псалтырем, получила прозвище «монашка». В то время в лесу рядом с Журавкином устроили лагерь для военнопленных – подданных Австро-Венгерской империи. А священник журавкинской церкви благословил Алену Булдыжеву навещать там православных, поддерживать их. Ее способность к лечению молитвами, заговорами и травами была оценена австрийцами, и они упросили ее выходить своего безнадежно больного товарища. Девушка согласилась. Товарищи австрийца говорили, что если он выздоровеет, то обязательно женится на ней. То же самое говорил в бреду и сам австриец. Но шутки кончились, когда умирающий пошел на поправку, затем встал на ноги и смог наконец рассмотреть свою спасительницу, ежедневно преодолевающую 20 верст, чтобы ухаживать за ним. В 1918 году

Кристине Наумкиной, правнучке австрийского портного, очень идет черный жакет с юбкой, сшитый более шестидесяти лет назад еще Эдвардом Пуцем...

после заключения с Германней Брестского мира, по условиям которого все пленные могли вернуться на родину, Эдвард Пуц уклонился от посадки в эшелон и остался в Журавкине, несмотря на уговоры своих товарищей.

Эдвард Пуц принял православие, получил при крещении имя Мартын, обвенчался с Аленой Булдыжевой и построил для своей семьи дом на окраине села Журавкино. Тот самый помещик, у детей которого Агнешка была гувернанткой, уезжая в эмиграцию, отдал Пуцам швейную машинку Singer. Для семьи она стала сокровищем. До войны Эдвард Пуц был знаком с портновским ремеслом, так что быстро прославился как лучший портной на всю округу. Благодаря его работе семья никогда не голодала, даже в самые тяжелые годы.

В селе все знали, что муж Алены Алексеевны – пленный австриец. Но никто никогда не припомнил ему прошлого. Дед Мартын славился тем, что даже

самую «взрывоопасную» ситуацию умудрялся сводить к шутке, был не обидчив, всегда был готов дать в долг. Поэтому портного Пуца звали побить даже крестным отцом. Когда один его крестник женился, то австрийца пригласили на свадьбу. Пуц принес на свадьбу охотничье ружье и в самый разгар веселья стал лупить из него в потолок. «У нас в Австрии так принято!» – веселился он. А гости выбежали из-за стола с криком: «Пуц войну устроил!»...

НАСЛЕДСТВО ПУЦА

Безоблачной его жизнь на новой родине не была. Эдвард Пуц пережил смерть маленького сына до войны, гибель старшего сына, Василия, пережил свою dochь Нину, которая умерла в 30 лет. Из семерых детей у них с Аленой остались только трое: сын Борис, дочери Матрена и Мария. Дочери Пуца в Журавкине, конечно, выделялись нарядами, которые шили им отец. В этом глухом селе, где избы с соломенными кры-

шами топились по-чёрному, дочери австрийца выглядели как «городские фифы». В послевоенные годы девушкам трудно было найти женихов, но хитрый австриец выкрутился. За каждой дочерью Пуц давал хорошее приданое и устраивал богатые свадьбы. А когда одна из дочерей засиделась в девках,

то он велел ей выйти замуж за фронтовика, вернувшегося с войны без ноги: для практичного австрийца наличие у жениха дома, работы и пенсии было достаточным для заключения брака. Так же прагматично австриец выбирал невесту для сына Бориса, который должен был продолжить его дело и

Кристина, в которой смешалась австрийская, русская и мордовская кровь, всегда выделялась среди подруг. В родной школе ее называли даже «австриячкой», что ее никогда не смущало...

Обстановка изб жителей Журавкина не сильно изменилась с тех пор, как их впервые увидел угодивший сюда сто лет назад подданный австрийского императора...

получить в наследство бесценный Singer. Узнав, что самую красивую и работящую невесту села, Агафью Семкину, уже просватали, Пуц потребовал от своего сына отбить невесту. Портной очень ценил в людях трудолюбие, и ему хотелось, чтобы снохой стала именно такая девушка – из небогатой семьи, симпатичная, работящая и не вздорная. Борис послушался совета отца, отбил Агафью у жениха и женился на ней. Сама же Агафья согласилась выйти замуж за Бориса Пуца по большей части потому, что в семье жениха был достаток. Так что теперь она могла подкармливать и одевать младших братьев и сестер. Зато работала в новой семье на износ. Правда, пожаловаться на то, что другие ведут себя иначе – не могла. Мартын Пуц работал столько, что казалось, сам себя не жалеет. Он сам делал выкройки из коричневой упаковочной бумаги, которую покупал в сельской лавке. Никаких модных журналов у него не было. Манекенов

тоже. А брался шить все подряд: туалеты, рабочую одежду, жакеты, фуфайки, душегрейки, картофельные, свадебные костюмы и платья. Обшивал школьников и тех, кто ехал учиться в город. Особого искусства добился в пошиве национальных мордовских одежд. Брался перелицовывать любое старье. Иглы, нитки и материал портному привозили заказчики. К его дому всегда выстраивалась длинная очередь. Сын Борис иногда за бутылочку «беленькой» некоторых заказчиков под шумок пропускал вперед, но когда отец об этом узнал, то рассердился и баловство запретил. Борис как-то рассказывал Агафье, что в одной из газет, которую Пуз намеревался пустить на самокрутку, портной случайно увидел портрет президента Югославии Иосипа Броз Тито. Оказалось, это был его товарищ по плечу, правда, еще до того, как австриец попал в Журавкино. Вот тогда-то Эдвард Пуз почему-то вспомнил о своих родственниках в Австрии. Он спился со своим родным братом в Вене, тот ответил, в итоге договорились встретиться в Москве. Пуз очень переживал, долго готовился к поездке, но брату отказали в визе, и единственная попытка бывшего австрийского военнопленного встретиться с родственниками сорвалась.

За все время жизни в России Пуз не посетил ни одного города. В селе жил тихо и незаметно. Даже в магазин не ходил, в гуляньях участия не принимал. Часто смеялся над тем, что так и не научился плести лапти. Но все больше крутил колесо Singer, не поднимая головы от работы, так что иногда и не знал, какая погода стоит на дворе. Только жаловался своей невестке: «Это на улице время летит быстро, а тут – долго». Правда, никогда не высказывал сожаления по поводу того, что остался жить в России...

Агафья умерла в 1997 году. Вскоре сгорел и старый дом деда Мартына, а с ним – многочис-

Внуки австрийского портного Николай и Борис Пуз за швейной машинкой «Зингер», которая для них, как и в детстве, неразгаданная тайна

ленные фотографии и документы, которые он бережно хранил. Только старая верная машинка Singer осталась от портного... После смерти Бориса Мартыновича его сын Аркадий увез машинку в Москву. Потом она попала к сестре Нине. Оставшиеся в Журавкине братья и сестра против путешествий машинки тогда не возражали. Но со временем им стало досадно, что Singer стоит в Москве без дела. Машинку снова привезли в село. Конечно, эпоха больших заказов на туалеты, жакеты и костюмы давно миновала. Но внуки австрийца, братья Николай и Борис, шили иногда на ней рукавицы для себя и соседей. До тех пор, пока однажды машинка неожиданно не остановилась. Никогда такого с ней за время ее существования не случалось! Singer разобрали, и тут выяснилось, что во время пребывания в Москве машин-

ка успела... побывать в мастерской: в ней заменили вал. И вот уже лет двенадцать приткинувшийся в углу Singer обиженно молчит, словно укоряя потомков Эдварда Пуца в том, что они не выполнили завещание деда беречь семейную кормилицу. Теперь сколько ни чисть машинку от паутины, сколько ни смазывай самым лучшим маслом, а Singer, увы, мертв. И продать его жаль – все-таки память о деде, австрийце Эдварде Пуце. Да и сколько всего было сшито на этой машинке! Ведь не только 86-летняя Мария Васильевна Тюжина, встречая Веру Наумкину, благодарит за давнишнюю работу ее деда Мартына. К примеру, соседка Веры, 91-летняя Зинаида Ивановна Сураева, до сих пор пользуется жакетом из черного сукна, который когда-то сшил тоже дед Мартын. Правда, недавно Зинаида Ивановна подарила этот

Прямые наследники Эдварда Пуца в Журавкине: внуки Борис, Николай, Вера и ее дочь Кристина. Они часто задумываются о своих неизвестных родственниках в Вене

жакет дочери Веры – Кристине, правнучке австрийского портного Пуца.

Кристина – студентка последнего курса педагогического колледжа. Она гордится своим прадедом, который, несмотря на превратности судьбы, сумел построить свою жизнь в стране, воевать с которой его послал австрийский император. Пусть не оставил Эдвард Пуц наследства, зато передал потомкам такие качества, как трудолюбие и дисциплинированность.

Одних только внуков у портного Пуца больше тридцати... Но из всех его потомков, пожалуй, Кристина больше всех бережет память о прадеде-австрийце, собирает по крупицам все сведения о нем. Она не покинула родное село, которое прадед предпочел Вене и где ей предстоит преподавать в начальных классах небольшой сельской школы. ■

ВАРФОЛОМЕЕВСКИЕ ДНИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В 2014 ГОДУ РОССИЯ ОТМЕТИТ 700-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО. ДАТА УСЛОВНАЯ, ТАК КАК ТОЧНЫХ ДАННЫХ НЕ ТОЛЬКО О ДНЕ, НО И О ГОДЕ РОЖДЕНИЯ ОСНОВАТЕЛЯ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ НЕ СОХРАНИЛОСЬ. А ВОТ МЕСТА, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЗНЬЮ ВАРФОЛОМЕЯ КИРИЛЛОВИЧА, ВПОСЛЕДСТВИИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ, СОВСЕМ НЕ УСЛОВНЫ. И ИМЕЮТ СОВЕРШЕННО КОНКРЕТНЫЕ АДРЕСА, ПРЕЖДЕ ВСЕГО В СЕВЕРНОМ ПОДМОСКОВЬЕ. ПРО ЛАВРУ В СЕРГИЕВОМ ПОСАДЕ ЗНАЮТ ВСЕ. НО ЕСТЬ ЕЩЕ РАДОНЕЖ И ХОТЬКОВО...

потому, что живет в душе уверенность: едва окажемся в Радонеже – будет нам солнце. Бывал там десятки раз. И не помню случая, чтобы солнца не было. Даже по зиме.

Сегодня Радонеж формально – село в Сергиево-Посадском районе Московской области. По переписи 2010 года населено... пятью постоянно проживающими гражданами. На деле – больше похоже на дачное место, в котором по обе стороны единственной улицы протянулось пять десятков домов. По большей части простеньких, обшитых светлым сайдингом. Имеются магазины, кафе, автосервис – все, что нужно. И тем, кто проживает тут «непостоянно», и тем, кто приезжает на службу в Преображенскую церковь да за водой к источнику преподобного Сергия.

А когда-то Радонеж знал куда более беспокойные и славные времена. Археологи, с удовольствием копающие в здешних

Памятник преподобному Сергию в Радонеже. Скульптор – Вячеслав Клыков

Мой напарник по репортажам и путевым заметкам фотограф Александр Бурый переживает. Впереди – натурная съемка, нужен «хороший свет», а над Ярославским шоссе тучи – в боевой раскраске и ветер – пригоршнями бросает дож-

динки на лобовое стекло. Вот наконец и отметка «56-й километр», указатель на Радонеж, съезд...

«Наконец» – это вовсе не потому, что дорога дальняя. Какая уж тут даль, если до Радонежа от Московской кольцевой автодороги каких-то 40 верст. Это

НЕОБЫЧНЫЙ ХОЛМ

...Машин на парковке у храма полно. С трудом отыскиваем свободное место. А ведь простое воскресенье, не более. Служба идет к концу, но народу все прибывает. Вот из забрызганной дорожной грязью «пятнашки» выбираются супруги с грудным младенцем, завернутым во взрослое одеяло. Радонеж – это обязательное солнце. Но и обязательный сильный ветер, похозяйски разгуливающий по вершине холма, на котором стоит храм. Но в храм – потом. Первоначально дорога лежит к памятнику, что стоит неподалеку. В 1988 году его установил тут знаменитый русский скульптор Вячеслав Клыков. Да, никакой ошибки в предыдущем предложении нет. Не только сам изваял, но и сам установил. Потому как нешибко желали ему помочь всяческие структуры. В атеистическом государстве ставился памятник преподобному святому Сергию – в такое и поверить-то было трудно. И по поводу национальности скульптора ошибки нет. 1988-й – это Советский Союз. И все мы – советские. А Вячеслав Михайлович всегда был русским. И в советское время – тоже. Не все скульптуры Клыкова равновелики. Например, конную статую маршала Жукова у Государственного Исторического музея в Москве никак не признать удавшейся работой. Но памятник в Радонеже бесспорен. Серо-каменная фигура монаха с ребенком настолько точна и уместна, что, кажется, не человеческими руками создана, а прислана нам небесными силами. И вовсе не четверть века назад, а очень давно. Когда бродил по здешним холмам и лесам юноша Варфоломей в мыслях о монашеском служении.

За спиной каменного монаха – деревенское кладбище. Разбитая дорога, стройматериалы по обочинам, кучи земли и щебня. Видать, к чествованию преподобного дорога уже не будет разбитой. Хотя она-то уж точно не ведет ни к храму, ни в будущее. Она тянется сотню метров

весех, утверждают, что поселение тут возникло еще в XI веке. И основал его некий славянин по имени Радонег. Отсюда – и само название места. К слову, не оригинальное. Известно еще, по крайней мере, два Радонежа на Руси: во Владимирской области и на границе Орловской и Курской.

Есть версия, что первый укрепленный городок срубили здесь новгородские купцы, искавшие новые торговые пути к Волге. Когда земли Ростово-Сузdalского княжества оказались под ордынцами, Радонеж облюбовали приезжие сборщики дани – баскаки. В память о непрошенных гостях местные крестьяне назвали две пустоши рядом с поселением: одну – Ханской, другую – Баскаковой.

Еще при ордынцах, в первой трети XIV века, Радонеж оказался в составе Московского княжества. Москва тогда набирала силу, в том числе и за счет соседей. Из измученного поборами

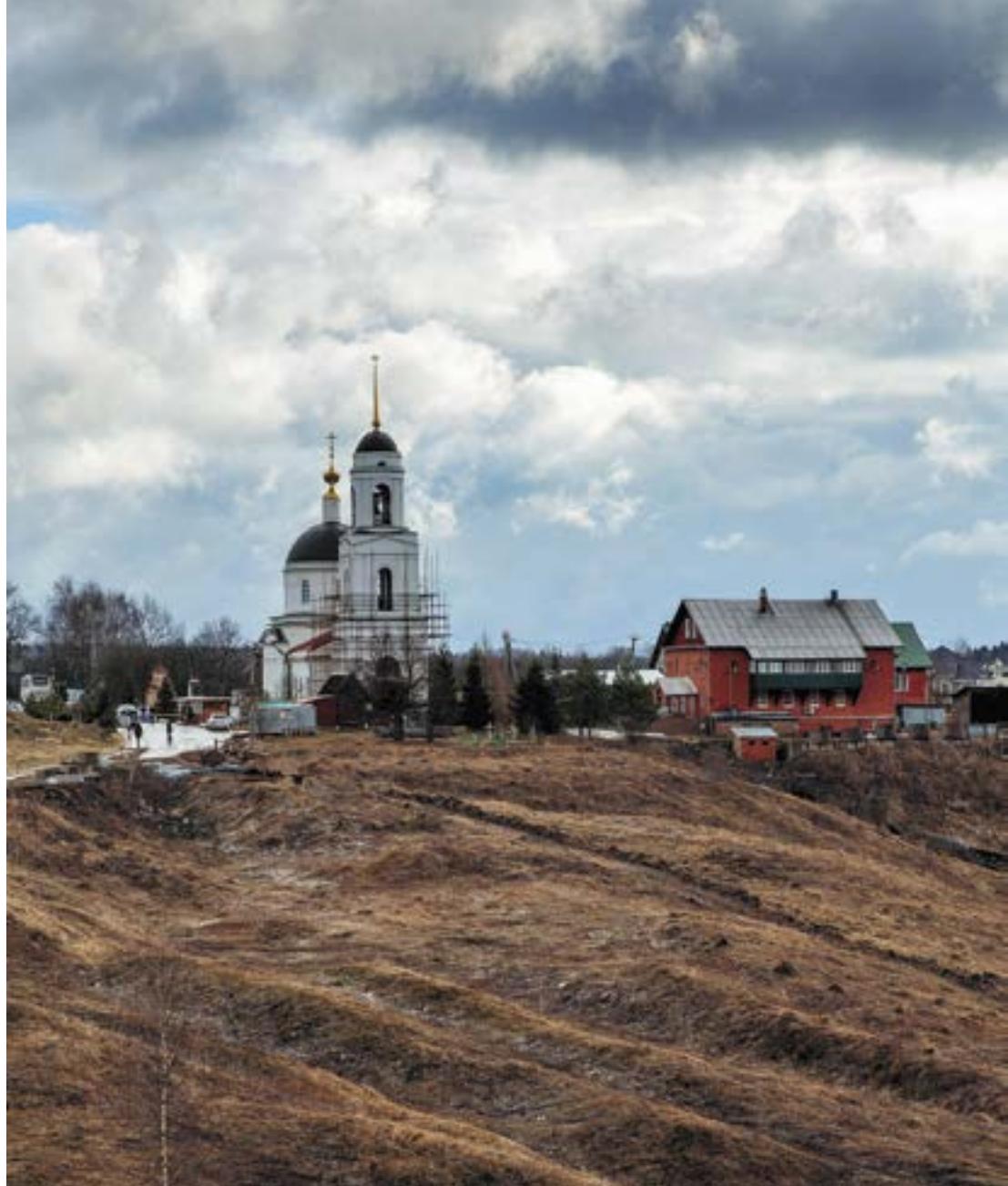
Ростова Великого народ посыпался на московские земли, под крыло великого князя Ивана Калиты, обещавшего всяческие послабления и бесплатную землицу. В 1330 году выехал из Ростова и обнищавший боярин Кирилл с женой Марией и тремя сыновьями: Стефаном, Варфоломеем и Петром, дабы осесть в городке Радонеж в излучине скромной речки Пажи. Вместе с Кириллом прибыл на новое место жизни еще один ростовский боярин – Иван Тормос. Родоначальник славного рода Тормасовых, одним из представителей которого был генерал Александр Тормасов, герой войны 1812 года. В это же время в Радонеже завязался знаменитый русский род бояр Ртищевых. Некоторые источники утверждают, что в этих местах чуть позже появился на свет Андрей Рублев. По крайней мере, монашеский постриг он принял в Троице-Сергиевом монастыре при игумене Никоне Радонежском.

Крест
на сельском
погосте
в Радонеже

к погосту на холме. Обычному деревенскому погосту на необычном русском холме.

Валы, обнимающие холм, – рукоятьные. Хотя при беглом взгляде и не догадаешься. Я, например, узнал об этом значительно позже первого посещения Радонежа в начале 90-х. Просто в голову не приходило искать информацию на эту тему. Это теперь она – на поверхности, сама в Интернете в глаза лезет.

В XIV веке Радонежская волость принадлежала первой жене Ивана Калиты, великой княгине Елене. В 1330 году село упоминается в духовной грамоте великого князя, завещавшего его супруге. Но жена ушла из жизни на следующий год. Сам Калита скончался в 1340-м, и после его смерти Радонеж унаследовала вторая жена – великая княгиня Ульяна. Она прожила еще не менее тридцати лет. Ее земли частично унаследовал князь Серпуховской Владимир Храбрый. К тому времени Троицкий монастырь, основанный Сергием, был известен на Руси, и вряд ли, объезжая новые владения, князь Владимир не посетил обитель и не встретился с ее настоятелем. Видимо, им было что сказать друг другу. Неслучайно вскоре Сергий лично отправился в Серпухов, где заложил монастырь. Владимир Храбрый умер в 1410 году, и его владения раздробились на мелкие уделы между шестью наследниками. Одному из сыновей – князю Андрею – достался Радонеж. Видать по всему, Андрей Владимирович не был слишком амбициозным. В междуусобной возне князей, разгоревшейся в начале XV века, конечно, поучаствовал, но больше по обязанности, чем по желанию. Куда с большим пристрастием занялся благоустройством доставшегося скромного наследства. При нем-то Радонеж и обрел земляные валы, ров и деревянный кремль. Андрей Радонежский активно участвовал и в жизни Троицкой обители. В 1422 году сподобствовал канонизации преподобного Сергия.

Вид на храм Преображения Господня с древнего крепостного вала

...Специалисты утверждают, что высота земляных валов достигала 5 метров. Охотно верится. Поэтому как и сейчас на вершине вала надо взбираться не меньше. А там вместо раскопок – могилы. Много могил. Так как хоронить тут начали давненько, а закончили всего несколько лет назад. И хоронили тут не только простых крестьян. В 1682 году недалече по приказу царевны Софьи были казнены отец и сын князья Хованские, чье имя получил стрелецкий бунт, который они и инициировали после смерти царя Федора Алексеевича. Из села Воздвижнского, до сих пор стоящего на другой стороне Ярославского тракта, обезглавленные тела казненных перевезли в Городок, то бишь Радонеж, где и погребли на местном погосте.

Могилы Хованских решаем не искать, ибо это совершенно бессмысленно. А надписи на ближайших к краю вала надгро-

биях – все больше XXI века. Отсюда, с высоты, в разрыве хвойной стены на горизонте видны купола храма Александра Невского, что стоит в Воздвиженском. Рядом с тем самым местом, где Федор Шакловитый и приказал привести приговор Хованским в исполнение.

Уверенно можно сказать, что погост возник не ранее второго десятилетия XVII века. Крепостицу, стоявшую на холме, равно как и само село, разорили в 1608 году польские отряды Лжедмитрия II, двигавшиеся на Лавру. Да так, что оправиться после этого Радонеж уже не смог. Хотя и числился уездным городом, в котором проходила Троицкая ярмарка, переведенная сюда из Сергиева Посада в 1490-х годах, и имел ямскую слободу на 40 ямщиков. Все богатство после разорения – 25 дворов да деревянный храм Преображения Господня.

СВЯТОЙ ИСТОЧНИК

Каменный, нынешний храм поставили в 1840 году. Он весьма традиционен, бел и... намолен. Даром что внутри от силы 50 человек поместятся. Убранство простое, служат монахи из Лавры. Две свечные лавки на входе забиты книгами, молитвенны-

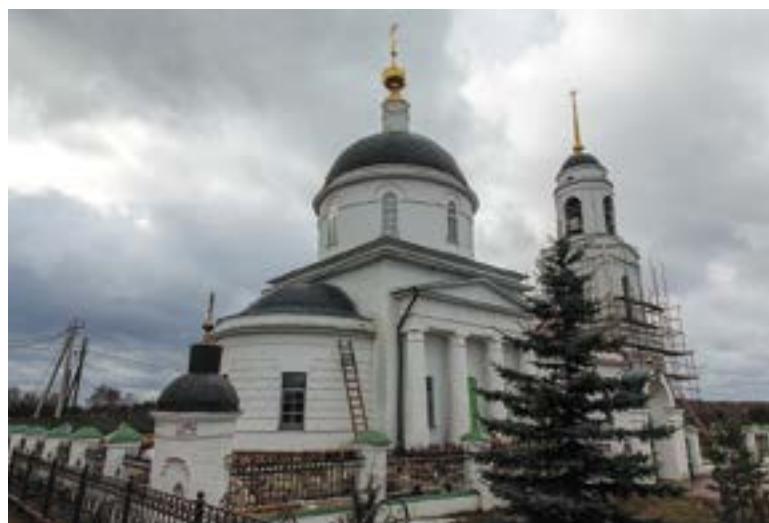
ми предметами, сувенирами, но паства покупает только свечи. Сувениры – для туристов, которых сюда регулярно привозят автобусами. Вот и наш знакомый младенец в одеяле. Только сейчас, внимательно оглядевшись, замечаю, как много среди молящихся маленьких детей.

Источник
Сергия
Радонежского
на реке Паже

Совсем маленьких. Думал, того, в одеяле, крестить привезли. А нет, просто воскресная служба в Радонеже, не более.

Храм тоже приводят в порядок. Колокольня – в строительных лесах, на территории – кладки дорожной плитки и прочее строительное изобилие. От боковой калитки к источнику – свежесбитый деревянный настил с перилами, грубые ступени, площадки с фонарями. Вниз, вниз, вниз – метров 25 будет. Это новая и, вероятно, времененная дорога к источнику Сергия и к купели. Старая вела вокруг холма и была нелегкой. Ступени высокие, неодинаковые, тропа узкая, не разминешься, вечером темень. А назад возвращаешься с водой в трехлитровых бутылях. Когда с двумя, а когда и с восемью.

Лестница-времянка сразу выводит к источнику. Всего несколько месяцев назад он выглядел

Храм
Преображения
Господня
в Радонеже,
подворье
Троице-
Сергиевой
лавры

диковато. И не натуральный лесной родник, и не обиходженное людьми место. Вся цивилизация – это случайные бетонные плиты, треснувшие от воды и времени; две трубы, нависшие над бережком узенькой Пажи; икона преподобного и деревянный поминальный крест. А теперь – глаза не верят. Площадка уложена плиткой, две башенки и декоративная стена с маленькими куполами, метровые иконы Сергия и его родителей – святых Кирилла и Марии. Вода течет уже из четырех труб, что заметно сокращает очередь. Одна мелочь забылась: на старых трубах были приварены крючки, за которые цепляли неудобную тару. Не в комфорте дело. Вода в источнике очень холодная, пальцы мерзнут...

В 1337 году родители Варфоломея умерли. Но не здесь, в Радонеже, а чуть далее, в Хотькове, куда в местный мирской монастырь они подались на старости лет. В том же году 40 дней в обители после кончины отца и матери провел и будущий преподобный Сергий.

Старинная купель на реке Паже у храма Преображения Господня в Радонеже

РОВЕСНИК РАДОНЕЖА

Сейчас Хотьково – это город с населением в 20 с лишком тысяч человек. Так вышло, что довелось видеть этот городок в детстве и отрочестве довольно часто. По несколько раз в год. В тамошних роскошных лесах находился пионерский лагерь, куда меня регулярно отправляли в течение шести лет. Через Хотьково мы с песнями ехали на смену, через него же – с печальными глазами назад в Мор

скву. На местной станции садились в электрички, отправляясь на экскурсии в Загорск. Когда в Лавру, у входа в которую развязывали и снимали красные пионерские галстуки. Когда на кукольную фабрику – лицезреть крохотные целлюидные чудовища без рук, без ног, превращавшиеся на глазах в симпатичных кудрявых дурочек. Дорога знакомит с Хотьковом не с лучшей его стороны. Невольно едешь медленно, так как про до-

Стена Покровского Хотькова ставропигиального женского монастыря над берегом Пажи

Возрожденный
Никольский собор
Хотькова монастыря –
редкий российский
образец византийской
храмовой архитектуры

рого я погорячился. Назовем ее так: путь... А раз медленно, то по пути успеваешь разглядеть многое. Пластмассоподобные складские ангары, неизбежные автосервисы и шиномонтажи, жуткие в своей архитектурной простоте позднесоветские жилые многоэтажки из серого силикатного кирпича. В жизни не подумаешь, что Хотьково – ровесник Радонежу и основал его славянский человек по имени Хотонег. Есть такое предположение у ученых мужей. Но сомнения в древности этого места исчезают сразу же, едва из-за поворота главной городской магистрали возникает мощный ансамбль Покровского монастыря. Первые упоминания о Хотьковом монастыре – начало XIV века. Считается, что он был основан не позднее 1308 года. Иными словами, это одна из древнейших обителей в России. Сначала монастырь был мирским, то есть открытым для совместного проживания монахов и монахинь. Потому-то и выбрали именно его для последних месяцев жизни Кирилла и Марии. Удивительно, но их мощи уцелели за эти неполные семьсот лет, вместившие в себя и годы, для обители не самые радостные. Когда исчезали не только раки и иконы, когда рушились колокольни и срезали купола с храмов. Мощи святых Кирилла и Марии так и хранятся здесь.

Я помню этот поворот с детства. Большой собор из темно-бурого кирпича, побитого временем и варварами, без крестов и куполов и с прорастающими сквозь крышу деревьями за невысокой каменной стеной на крутом берегу Пажи. А сама стена какая-то тусклая, равно как и трехэтажные корпуса у главных ворот. Будто нет за их окнами никакой жизни. Хотя бродили по закрытой территории учащиеся размещенного там сельхозтехникума, а в бесцветном корпусе бывшей богадельни, превращенном в городскую гостиницу «Русь», оседали редкие командированные.

И становилось как-то неуютно в наших пионерских душах. Может быть, еще и потому, что мы были уверены: там, за оградой, — тюрьма.

Обнорская гора — так назывался холм тогда, когда здесь возник монастырь. И вот мы у подножия. Рядом с надвратной церковью Митрофана Воронежского, опирающейся на два 3-этажных келейных корпуса, — небольшой пятак парковки. И тоже — со свободными местами не густо. Правда, с автомобильным стадом в Радонеже не сравнить. Сюда, в Покровский Хотьков ставропигиальный женский монастырь, чаще идут, чем едут. Либо местные идут, либо паломницы в частном порядке — от железнодорожной станции.

Корпуса более не бесцветны. Выкрашены в желтое. Как и сама надвратная церковь, полностью отреставрированная и обретшая завершение, коего была лишена в 30-е годы прошлого века. Впрочем, купола и кресты вернулись всюду, где они должны быть. И на Покровский собор, в котором находится рака с мощами святых Кирилла и Марии. И на Никольский собор, тот самый, из бурого кирпича.

Нынче кирпич уже не бурый. Никольский храм, построенный в 1904 году в великолепном византийском стиле, довольно редким для Центральной России, полностью восстановлен, до кирпичика. И ему возвращен его первозданный цвет — красно-морковный. А вот над Покровским колдуют строители и реставраторы.

Заходим в Никольский собор. Фотосъемка, само собой, запрещена. Но по личному указанию благочинной «Русскому миру.ru» позволяют. И надо ж такому случиться, что именно в эти минуты к алтарю несут большой Голгофский крест и устанавливают в положенном месте.

В соборе хорошо и очень светло. Приходят на ум кадры из «Андрея Рублева», когда в только что отстроенной церкви с пустыми белыми стенами Андрей и его товарищи все никак не могут

Спас
под куполом
Никольского
собора

приступить к фрескам. Сколько света в этих кадрах! Вот и в Никольском соборе — не меньше. Может быть, потому, что стены тоже белые, без какой-либо росписи. И лишь в приделах да на квадратных могучих колоннах — иконы в окладах. Свет льется в большие окна, отражается на белом — просторно вокруг и спокойно.

Так, в покое и трудах, жила обитель вплоть до Смуты. Богатством никогда не отличалась, числом монашествующих не выделялась. В XVI веке, когда монастырь стал женским, в Хоть-

ковом числилось 35 насельниц. Во времена Смуты монастырь был разорен так же, как и Радонеж. Восстанавливаться трудно, и, если бы не царев стольник Василий Янов, выделивший средства на постройку первой каменной церкви, да не игумены Троице-Сергиевой лавры, помогавшие чем возможно, — глядишь, и не восстановился бы. Связь с Лаврой не прерывалась никогда. Там помнили, что в Покровском окончили земной путь родители игумена Сергия. Любопытное совпадение: каменные северные ворота, через

Внесение
Голгофского
креста
в Никольском
соборе

которые путь из обители лежит в Сергиев Посад, были построены в 1745 году, сразу после того, как Сергиев монастырь получил почетное звание Лавры. Ныне эти северные Святые ворота с надвратной церковью Рождества Иоанна Предтечи – самое старое здание монастыря.

Следующий удар по Покровскому был нанесен во времена царствования Екатерины Великой, сократившей количество монастырей в России и усложнившей материальное положение оставшихся обителей. Но вскоре, при Павле I, ситуация улучшилась, и весь XIX век Покровский Хотьков монастырь жил насыщенно и достойно. При нем работали мастерские, больница, школа на 70 учеников. В 1916 году здесь находилось 70 монахинь и 67 послушниц. Самое трудное время, понятно, – советское. Обитель умерщвляли по кусочкам. Монастырь закрыли в 1922 году, но монахиням позволили остаться жить в богадельне и служить в храмах. Через шесть лет всех насельниц изгнали. В 1931-м арестовали последнюю игумению – Варсонофию Вторую. До ГУЛАГа

она не дожила, погибла на этапе. Еще через год началось разрушение Никольского собора: разорили некрополь в крипте, плиты дорогостоящего мрамора увезли в Москву, для украшения станций строящегося метро. Потом добрались до куполов...

Жизнь вернулась в Покровский монастырь в 1989-м, когда одноименный храм вернули РПЦ. В 1990-м церкви возвратили и Никольский собор. Так день за днем начали собирать разбросанные камни. В 1992 году состоялись два важных события. В апреле были канонизированы Кирилл и Мария, родители Сергия Радонежского, а в августе Покровский женский монастырь возобновил работу. В том же году отмечалось 600-летие преставления преподобного Сергия. И вот в ближайшем будущем – еще одна круглая дата – 700-летие со дня его рождения. И может быть, славно, что история не сохранила нам точного знания этой даты. Историки спорят в амплитуде от 1 мая до 25 августа. Значит, есть логика в том, чтобы праздновать не Сергиев день, а Сергиевы дни. Разве плохо?

Главная аллея
Хотькова
монастыря,
ведущая
к северным
Святым воротам
и надвратной
церкви
Рождества
Иоанна
Предтечи

...От Покровского монастыря один путь ведет на север – в Сергиев Посад, другой – в центр Хотькова и дальше – в Музейусадьбу Абрамцево, известное место, принадлежавшее писателю Аксакову и позже меценату Мамонтову. Мамонтов к моменту покупки усадьбы уже успел пустить поезд по Ярославской железной дороге до Сергиева Посада. Станция 3-го класса появилась и в Хотькове. Скорее всего, художники мамонтовского круга – Илья Репин, Виктор Васнецов, Василий Поленов, Михаил Нестров, Михаил Врубель, Константин Коровин – ездили к Савве Ивановичу по «железке». А вот Николай Гоголь, Иван Тургенев и великий актер Малого театра Михаил Щепкин путешествовали к своему другу Сергею Аксакову на лошадях. Стало быть, по Ярославскому шоссе, как стала называться эта дорога с начала XIX века. И неизбежно проезжали мимо Радонежа и Покровского монастыря. Неизбежно проехать мимо – как это порой замечательно звучит. ⚡

НА ГОРАХ ИНДИЙСКИХ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

АФАНАСИЙ НИКИТИН СО СВОИМ КОНЕМ ШЕЛ ИЗ ПОРТА ЧАУЛ В ГОРОД ДЖУННАР 25 ДНЕЙ. ПО СОВРЕМЕННЫМ ДОРОГАМ РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ ЭТИМИ ГОРОДАМИ ОКОЛО 250 КИЛОМЕТРОВ. ОДНАКО ЕХАЛ Я ПОЧТИ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ. И ПРИЧИНА БЫЛА НЕ В ТОМ, ЧТО НА ПУТИ ПРИШЛОСЬ СДЕЛАТЬ ЧЕТЫРЕ ПЕРЕСАДКИ – ПРИГОРОДНЫЕ АВТОБУСЫ ЗДЕСЬ ХОДЯТ С ЗАВИДНОЙ ЧАСТОТОЙ. ОКАЗАЛОСЬ, ПРОЕХАТЬ 300 КИЛОМЕТРОВ В ДЕНЬ ДЛЯ ИНДИИ – СОВЕРШЕННО НОРМАЛЬНАЯ СКОРОСТЬ...

Д

О ГОРОДА АЛИБАГА доехал быстро. А затем началось. Дороги, связывающие более

или менее крупные населенные пункты, полны всевозможными средствами передвижения: лег-

Продолжение. Начало см.: «Русский мир.ru» №6–12, 2013 год, и №1–3, 2014 год.

ковушками, мотоциклами, старыми тихоходными грузовиками, автобусами, моторикшами, велорикшами, велоповозками, велосипедами, деревянными повозками. При этом все дороги узкие, даже основное шоссе, Мумбаи – Гоа, всего в две полосы шириной. Стоят и идут по обочинам дороги люди и домашние животные. Коровы, очевид-

но, зная о своем «священном статусе», порой запросто встают на проезжей части. Как-то мне рассказывали, что, если вдруг в индийском аэропорту коровы выходят на взлетную полосу, никто не может их прогнать – люди боятся испортить карму неуважительным отношением к священному животному. В таких случаях в аэропортах через громкоговорители транслируют ры-

Водитель индийского автобуса управляет со старой механикой четко и жестко

разъехаться со встречным потоком; слева – плотной группой пробивались рикши. Во все имеющиеся зазоры устремились мотоциклисты и велосипедисты, кто-то пихал тачки, кто-то пытался проехать на быках. В этом индийском клубке сплелись и запутались все, перекрыв движение на дороге. Быки ревели, водители сигналили друг другу... Однако обошлось без стрельбы, драк и ругани. Все-таки индийцы – народ добродушный и уступчивый...

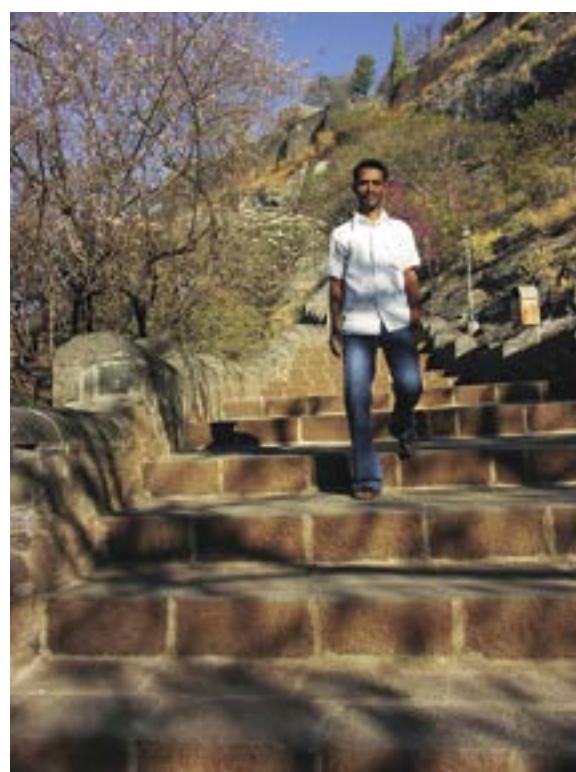
С другой стороны, казалось бы, ну и пускай плетемся еле-еле – мне-то что? Смотри по сторонам на экзотическую жизнь, фотографируй через окна, в которых нет стекол. Но и тут неизбежна задача. Суровая манера вождения индийцев не дает шанса расслабиться. Так дергать, как местные извозчики, может только человек, впервые севший за руль – сцепление бросают, жмут газ до пола, тут же дают по тормозам. Вне зависимости от скорости передвижения – сотрясения беспрерывные. А если добавить к этому не самый ровный асфальт на дорогах... Подпрыгивание на ямах и жесткая тряска – постоянные спутники путешествия. Благо водители частенько останавливаются, чтобы выпить чаю в придорожной забегаловке, – тогда пассажиры могут немного передохнуть.

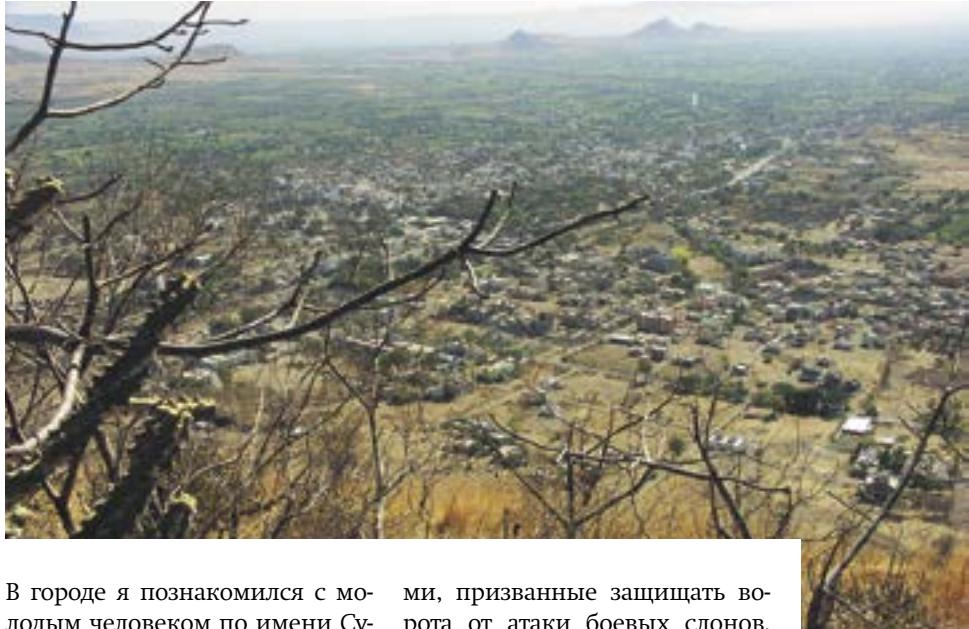
Хороший хозяин свою корову привязывает и не дает ей бродить по дорогам

Сушант хоть и учится на физика, но досконально знает историю родного города

ЧЕРЕЗ СЕМЬ ВРАТ

Современный городок Джуннар лежит в плодородной долине в окружении куполообразных вершин Западных Гат – Никитин называл их Индийскими горами. Древняя крепость возвышается на отвесной скале из черного базальта на высоте 700 метров над уровнем моря. Все точно так, как писал Никитин: «Джуннар-град стоит на скале каменной, не укреплен ничем, Богом сотворен».

В городе я познакомился с молодым человеком по имени Сушант. На вид ему не дашь и 20 лет, но он уже учится в аспирантуре Пунского университета. В Джуннаре же приехал домой на каникулы и сам вызвался показать мне свой родной город. В средневековой Индии крепость Джуннара – в наши дни ее чаще называют «форт Шивнери» – считалась одной из не-проступных. Чтобы подняться наверх, нужно карабкаться по узкой тропе и «согласовываться» со спускающимися. «А пути на ту гору день, ходят по одному человеку: дорога тесна, двоим пойти нельзя», – сообщает Никитин в «Хождении». Сегодня сил и времени для покорения скалы-крепости требуется гораздо меньше. Более половины пути можно проехать по асфальтированному серпантину. Если, конечно, есть какой-то транспорт. Мое предложение пойти наверх пешком Сушант отверг: «Жара под 40 градусов, – возмущался он. – В такую погоду мы никуда не ходим». Парень остановил своего знакомого на мотоцикле и попросил его отвезти нас наверх. Маломощный мотоцикл страшно ревел и дымил, но все же дотащил нас до конца дороги, где начиналась лестница.

Современные и древние вырубленные в базальте ступени ведут в крепость через семь врат. Есть здесь и Слоновые ворота – с большими железными шипами,

призванные защищать ворота от атаки боевых слонов. Хотя сложно представить, чтобы по той «козьей» тропе могли ходить слоны.

Кругом ни души. Единственный жилец древнего города – брахман индуистского храма, вырубленного в пещере на полпути к вершине за четвертыми вратами. Сушант ударил в висящий над входом в храм колокол. Индуисты верят, что колокольный звон очищает пространство от нечистой силы. Таким способом верующие также возвещают о начале ритуала и настраивают себя на молитву. А вот внутри храма возвышенный настрой еще гудящего колокола сразу улетучился: все убранство святилища вместо натурального каменного цвета имеет какой-то несуразный вид.

Галерея колон выкрашена в белый цвет, потолок – в зеленый, в святая святых преобладают розовые тона. Везде краска облупилась, проступает базальт. Аккуратно смотрится только статуя Шивы. По пояс голый брахман нанес на лоб Сушанту три горизонтальные полосы и благословил идти дальше.

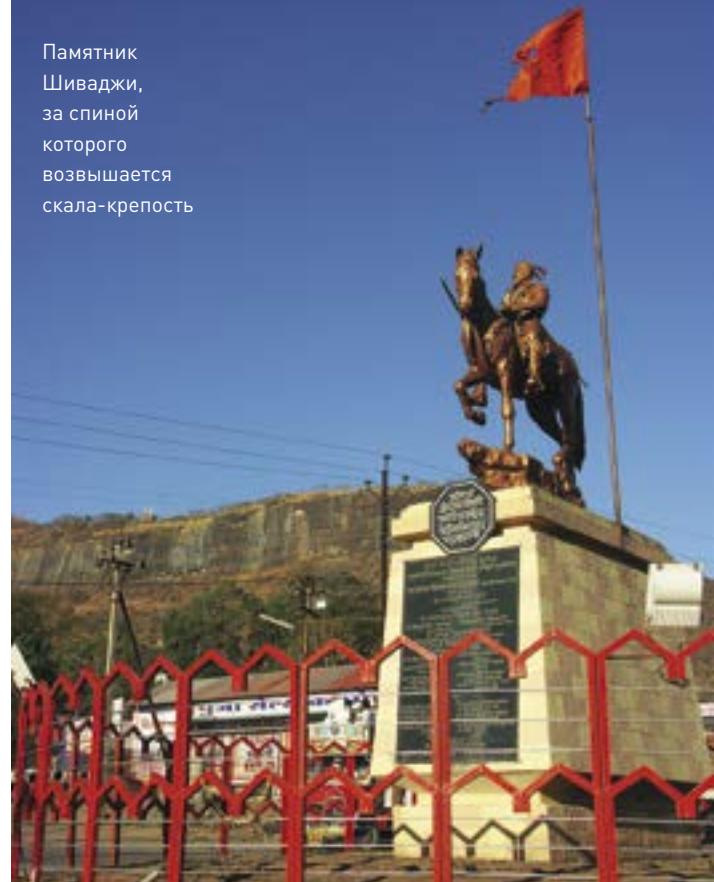
За последними вратами начинается древний город, широкими скальными уступами он поднимается вверх по склону. Во времена Никитина на «ступенях» этой гигантской лестницы располагались городские строения. Сейчас мало что осталось, в основном остатки фундаментов и стен.

Вид
на современный
Джуннар
с высоты
древнего
форта

ГОСПОДИН ШИВА

Когда мы поднялись наверх, и без того жаркое утро перетекло в жгучий дневной зной. Удивило, что в таких условиях могут жить дикие пчелы: к скале присоединилось их гнездо. Единственное прохладное место – хранилище дождевой воды, некогда обеспечивающее всех жителей крепости. Мы спустились по ступеням в вырубленную в камне нишу, свод которой держится на могучих квадратных колоннах. Несмотря на то, что это водохранилище уже давно никому не служит и никто за ним не следит, вода здесь прозрачная и чистая. Просторное плато на самой вершине также пустынно. Время пощадило всего несколько строений, из которых выделяется некое дворцовое сооружение высотой в два этажа с изящным балконом. Благодаря остаткам этого черного базальтового дворца Джуннарскую крепость знает каждый индиец. Здесь в нижних покоях появился на свет национальный герой страны – Чхатрапати Шиваджи.

Памятник
Шиваджи,
за спиной
которого
возвышается
скала-крепость

Отец будущего героя по происхождению был маратхом – представителем одного из коренных народов Деканского плоскогорья, однако служил полководцем у джуннарского хана. Но мать Шиваджи держалась веры отцов и чаяла освобождения Индии от власти пришлых мусульман. Своего сына она нарекла в честь Шивы («джи» – частица, добавляемая к имени; обозначает выражение почтения, что-то вроде «господин». – Прим. авт.) и воспитала патриотом. К тому времени мусульмане уже пять веков владели Деканом, господство их казалось незыблемым. Шиваджи удалось невероятное. Сформировав небольшой отряд сторонников, он поднял настоящее народное восстание, громил многотысячные армии Великих Моголов и Биджапурского султаната. Храбрость Шиваджи и его военная хитрость стали легендарными. Так же как и по-

кровительство богов. Недаром существует распространенное изображение героя вместе с многорукой богиней Бхавани, которая вручает Шиваджи меч свободы. Маратхам удалось освободить не только свои исконные земли, но и большие территории по всему Индостану. В 1674 году Шиваджи короновался как император, провозгласив Маратхскую империю. Сушант рассказывал, что в более прохладное время года посетить место рождения легендарного героя приезжают тысячи индийцев, школы привозят учеников на автобусах. Здесь же имеется вертолетная площадка для высоких гостей, также частенько наведывающихся в крепость. Шиваджи почитают как божество, его статуи можно увидеть и в храмах, и на улице. По всему штату Махараштра красуются золотого цвета памятники герою на коне, зовущему в бой с саблей в руке.

В пещерном храме Шивы за четвертыми вратами не покрасили краской только пол

«ДОМ БЛАГОЧЕСТИЯ»

В крепости сразу бросилось в глаза, что кругом помимо интересных тропических цветов еще больше высохших кривых деревьев, как будто здесь прошла древесная чума, оставившая после себя только безжизненные коряги. Сушант объяснил, что все эти деревья живые – они просто сбросили листву для спасения от испепеляющего зноя. Через полтора месяца, когда придет муссон, крепость вновь забушует зеленью.

Свидетелем такого преображения был Никитин, который пришел в Джуннар как раз с началом дождей. Сильные ливни задержали его в городе на два месяца. «Зима у них стала с Троицына дня. Каждый день и ночь – цепных четырех месяца – всюду вода

ЭКСПЕДИЦИЯ ПО СЛЕДАМ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

да грязь», – пишет Афанасий. Показательно, что русский путешественник определил наступившее время года как «зиму». Действительно, после майского пекла 15 градусов тепла с дождем и ветром даже русскому человеку покажутся «морозом». С приходом ливней крестьяне начинают второй раз в году возделывать свои угодья. «В эти дни пашут у них и сеют пшеницу, да рис, да горох, да все съестное», – отметил купец в своих записках. Еще больше поразило Никитина, что «коней тут кормят горохом, да варят кхичри (каша из риса с бобовыми. – Прим. авт.) с сахаром да с маслом, да кормят ими коней, а с утра дают шешни (по-видимому, зеленые листва с деревьев. – Прим. авт.). Сушант немало удивился, когда я ему рассказал о рационе средневекового индийского коня. По его мнению, кхичри могли скармливать домашней скотине, только если блюдо осталось со вчерашней трапезы. По религиозным представлениям индусов, приготовленная пища на следующий день считается нечистой, есть ее нельзя. Конечно, в наше время далеко не все так строги в этом отношении, но в XV веке народ был ортодоксальным.

В городе Никитин со своим комлем остановился на «подворье» – так купец называет традиционный «Дхарм-сала», то есть «Дом благочестия». Индийские князья издревле содержали подобные дома как бесплатный приют для богомольцев. С приходом мусульман функция «Дхарм-салы» расширилась, в них обслуживали путешественников всех родов. Гостиница делилась на два придела – мусульманский с небольшой мечетью и индусский, где служил брахман. На основных дорогах подобные постоянные дворы располагались через каждые 10 километров. Для мусульман пребывание было бесплатным. Никитина же определили к индусам, где он платил одну медную монету в день.

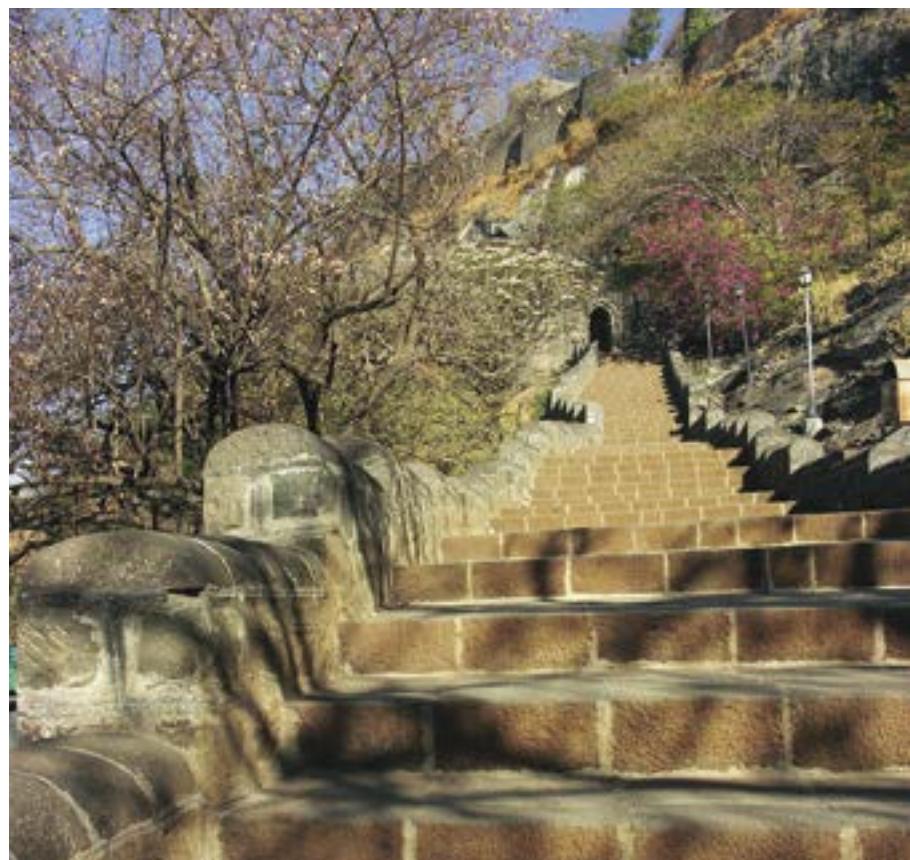
Рассказывая о «подворье», Афанасий впервые прибегает к шиф-

Конгломерат музея и храма, в котором на троне восседает Шиваджи

ровке текста – пишет русской кириллицей на персидском и тюркском языках. На подобные вставки ссылаются некоторые современные исследователи, утверждая, что Никитин приехал в Индию как разведчик. Однако посмотрим, что же Афанасий шифрует. Это либо размышления о «несправедливости русских князей» и веротерпимости, либо записи о «гуляющих жонках» и рабынях. Никакой разведчиной здесь нет. А зачем Никитину понадобилась шифровка в первом случае – очевидно. Даже в анализе текста «Хожде-

ния», сделанном в середине XIX века И.И. Срезневским, посып в адрес «русских князей» вырезан. Что ж говорить о XV веке. Выскакывать о веротерпимости в те времена было не менее опасно. Никитин, наверное, один из первых русских писателей, кто не только видел в мусульманах внешнего врага, но и пытался постичь суть их веры. Причина шифровки информации о вольности нравов местных женщин не столь очевидна. Конечно, это нелицеприятные наблюдения для индийцев, но разве мог кто-то из них читать по-русски? Возможно, тверской купец считал, что об этом не обязательно знать и на Руси, но, как честный исследователь, он описывал все, с чем сталкивался в путешествии. В таком «зашифрованном» виде в записках проскаакивают и разные короткие восклицания и фразы типа: «Ей-Богу!» или «Да устроит мне Господь крышу над головой». Опять же никакой разведки. Видимо, тверской купец любил благозвучные восточные выражения и щеголял ими на страницах своей рукописи.

Подъем к первым вратам крепости недавно полностью заменили новой лестницей. В этом вопросе власти решили не усердствовать в угоду исторической правде

ЧУДО НА СПАСОВ ДЕНЬ

Правитель Джуннара Асад-хан устроил русскому купцу жестокое испытание. «Хан отобрал у меня жеребца, когда узнал, что я не бесерменин, а русин, – пишет Афанасий. – И он сказал: «И жеребца верну, и тысячу золотых в придачу дам, только перейди в веру нашу – в Мухаммеддини. А не перейдешь в веру нашу, в Мухаммеддини, и жеребца возьму, и тысячу золотых с твоей головы возьму».

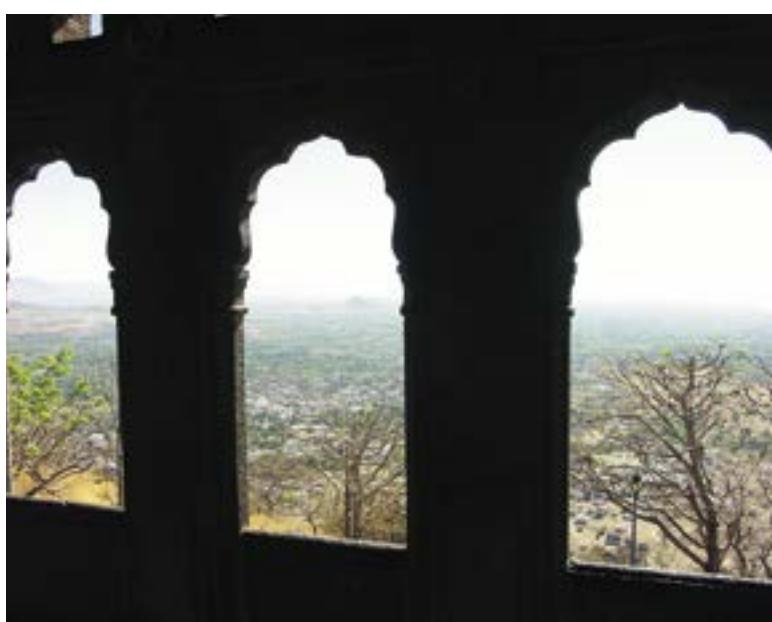
Никитин был одним из первых европейцев, проникших во вну-

тренние районы Индии. На побережье путешественники уже бывали, но мало кто отваживался отправиться вглубь страны. В те времена правители-мусульмане с пришлыми христианами, судя по всему, обходились сурово. Известно, например, что в XIV веке на месте современного Мумбай мусульмане замучили четырех православных миссионеров, один из которых был грузин из Тифлиса. Да и местное население периодически подвергалось жесточайшему гнету. Так, Фероз-шах,

правивший незадолго до прихода Никитина, заставлял своих рабов-индусов читать наизусть Коран. А рабов у него, согласно хроникам, было 180 тысяч. Этот же султан пытался обратить и свободных индусов, привлекая их обещанием отменить налоги. На брахманов же, наоборот, накладывал дополнительные подати. А в случае «злоупотреблений» брахманов убивали, храмы рушили и строили на их месте мечети.

Никитин уже готов был «погибнуть в Джуннаре бесерменском». Но вскоре в городе появился в некотором смысле земляк Афанасия – перс из Хорасана. Никитин в среде мусульман также называл себя «ходжа Юсуф Хорасани». «Накануне Спасова дня приехал хожа Мухаммед, хорасанец, и я был ему челом, чтобы он за меня хлопотал. И он ездил в город к Асад-хану и просил обо мне, чтобы меня в их веру не обращали, да и жеребца моего взял у хана обратно». Кем был этот Мухаммед, который так легко урезонил хана? Исследователи выдвигали разные предположения. Сам же Никитин уверен, что его спасение произошло не от человека: «Таково Господне чудо на Спасов день!» – воскликнул спасенный купец. Здесь и на всем пути Никитин показал себя как настоящий христианин, преданный вере отцов. Поэтому совершенно несостоятельны «версии» некоторых современных исследователей, утверждающих, что тверской купец принял в Индии ислам. Это противоречит словам самого Никитина. Ну а то, что Афанасий иногда обращается к Богу на арабском языке – это свидетельство чрезвычайной чуткости его души, чувства любви и единства с окружавшими его людьми. Нигде в своих арабоязычных молитвенных порывах он не произносит имя Мухаммеда, не призывает мусульманского Пророка. Подобные никитинским слова и выражения можно услышать и сейчас в молитве ближневосточных христиан.

«Джуннагар»
означает
«старый город».
А древнее
название
Джуннара
забылось
еще задолго
до прихода
Никитина

Из этих окон
смотрел
на родные
просторы
новорожденный
Шиваджи

ТУРИСТИЧЕСКАЯ КВОТА

После возвращения коня Никитин сразу же покинул город, не дожидаясь окончания дождей. Направился он в столицу Бахманидского султаната – славный город Бидар...

Выехав из Джуннара на автобусе, я вскоре понял, что пора пересаживаться на поезд. После многочасовой тряски в автобусе самочувствие было не из лучших. Города, по которым путешествовал Никитин, сейчас глухая провинция, большинство вне железнодорожных путей. Тем не менее можно проезжать на поезде основные расстояния до ближайшей станции, а там уже двигаться по дорогам. Вдохновленный такой идеей, я отправился на железнодорожный вокзал. Протолкавшись там целый час в очередях, выяснил, что я могу ехать только стоя в плотно набитом людьми вагоне 3-го класса. А в вагоны 1-го и 2-го класса, где предполагается личная полка, билетов нет на ближайшие две недели. Так, на отправляющийся в нужном мне направлении поезд в «листе ожидания» числилось 380 человек, надеявшихся на освободившееся в по-

следний момент место. И такая ситуация – норма жизни. Сеть железных дорог Индии – одна из самых разветвленных в мире, ее протяженность составляет 115 тысяч километров. Ежедневно тысячи индийских поездов перевозят 25 миллионов пассажиров! Но желающих ехать еще больше. Чтобы оказаться в поезде, нужно покупать билеты за месяц.

Понятно, в такой ситуации для путешественника железная дорога заведомо недоступна. По-

этому для иностранных туристов оставляют квоты вплоть до дня отправления поезда. Но купить билет по этой квоте можно исключительно в специальных офисах только в столицах штатов и крупнейших туристических центрах. Оказалось, что на вокзале в Дели, покупая билет в кассе для иностранцев, я не только был избавлен от ужасной толкотни в индийских очередях, но и получал ту самую квоту. В общем, пришлось возвращаться в Мумбаи.

Так сегодня выглядит центральная часть «града на скале каменной»

Уцелевшее дворцовое сооружение, в котором родился национальный герой Индии

Директор РЦНК в Мумбаи
Владимир Викторович
Дементьев

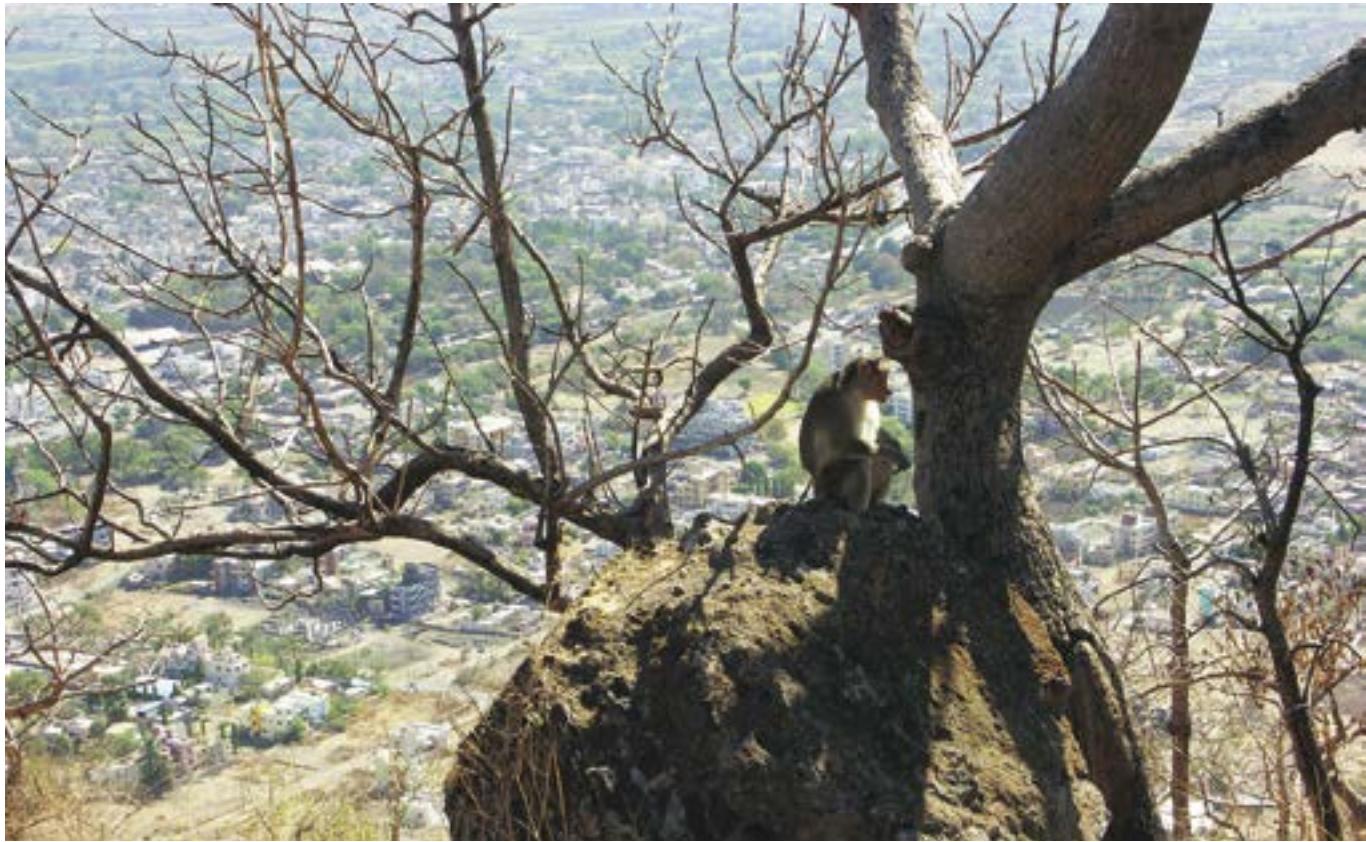
В подземном
водохранилище
ничто
не меняется –
ни температура,
ни время

За этими
дворцовыми
дверьми висит
на веревках
люлька для
младенца и стоит
позолоченный
бюст Шиваджи

ПОЛИКАРП АФАНАСЬЕВИЧ

В Мумбаи наконец удалось встретиться с директором Российского центра науки и культуры Владимиром Викторовичем Дементьевым.

«Афанасий Никитин для нас продолжает оставаться знаковой фигурой», – рассказал Владимир Викторович, – обязательно раз в год мы посвящаем ему мероприятие. В нашей библиотеке «Хождение за три моря» есть и на английском языке, и на хинди. Хотя, конечно, целиком эти записки всем подряд давать читать не нужно. Индийцы могут и обидеться на некоторые наблюдения Афанасия. А вот снять новый фильм по мотивам «Хождения» было бы очень полезно – не такой затянутый и идеологически ориентированный, как советско-индийская картина 1958 года. А что касается памятника Никитину в Чауле, то инициатива его установки принадлежит Дмитрию Евгеньевичу Чельшеву, руководившему в начале 2000-х годов нашим центром. Предложение поддержали посольство России в Индии и власти Тверской области. Основные средства на проект выделила как раз Тверь. Место для памятника на террито-

рии школы в поселке Ревданда предоставил давний друг России доктор Патил – президент Конканского образовательного общества. И хотя земля, на которой располагается школа, принадлежит этому обществу, для установки памятника требовалось еще одобрение главы местного панчаята – это что-то вроде индийского сельсовета. Российская делегация на автобусе отправилась договариваться. Эту историю потом рассказывали как анекдот. Панчаят тогда возглавляла простая, необразованная женщина, строго отстаивающая интересы односельчан. Наши представители ей все объяснили предельно ясно: «530 лет назад русский купец Афанасий Никитин впервые добрался из России в Индию. В Чауле он высадился на индийский берег. Мы хотим ему памятник на территории школы поставить. Вы одобряете?» «Нет, – отвечала женщина. – Я ничего не поняла». «Ну, как же, – повторяли наши переговорщики еще раз. – Русский купец – молодой, красивый – приехал в Индию, привез коня, хотел развивать между нашими странами дружбу, торговлю. Нужно па-

Живут в Джуннарской крепости только вездесущие обезьяны

Обложка «Хождения за три моря» на государственных языках Индии

мятник ему поставить. Понятно?» Глава панчаята снова ответила «нет». Раз пять пришлось воспроизводить историю Никитина, все больше упирая на то, какой он был привлекательный и статный. В итоге женщина во всем разбралась и подписала необходимые документы. Довольная заключенным со-

глашением, она провожала делегацию до автобуса. А наш водитель, по имени Поликарп Тимоти Де Соуза, как раз отличался grenadierским внешним видом. Растроганная женщина как Поликарпа увидела, так и воскликнула: «Здравствуйте, Афанасий Никитин!» С тех пор мы нашего водителя зовем Поликарп Афанасьевич.

Ну а если серьезно, то моя мечта – поставить памятник Никитину в Мумбаи, на берегу моря. По-моему, не столь важно точное место исторического причала – по прямой от Мумбаи до Чаула всего 50 километров. Главное ведь, чтобы мемориал посещался. А кто там в деревенской школе к нему придет? Кроме того, в Мумбаи нужно поставить не стелу, а большую скульптуру Афанасия Никитина, наподобие той, что установлена в Твери. Тверской памятник, кстати, был создан менее чем за год, специально к визиту Джавахарлала Неру в СССР в 1955 году. Думаю, и сейчас обе страны заинтересованы, чтобы ярчайший символ российско-индийской дружбы стоял в крупнейшем городе Индии». ●

